

http://perpetrator2004.narod.ru/documents/Tukhachevsky/Tukhachevsky_Report.rar

https://web.archive.org/web/20131110035043/http://ru.wikisource.org:80/wiki/Справка_ко_миссии_президиума_ЦК_КПСС

**СПРАВКА КОМИССИИ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «О ПРОВЕРКЕ
ОБВИНЕНИЙ, ПРЕДЪЯВЛЕННЫХ В 1937 ГОДУ СУДЕБНЫМИ И
ПАРТИЙНЫМИ ОРГАНАМИ тт. ТУХАЧЕВСКОМУ, ЯКИРУ, УБОРЕВИЧУ И
ДРУГИМ ВОЕННЫМ ДЕЯТЕЛЯМ, В ИЗМЕНЕ РОДИНЫ, ТЕРРОРЕ И
ВОЕННОМ ЗАГОВОРЕ»**

[Не позднее 26 июля 1964 г.]ⁱ

11 июня 1937 года Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР были осуждены по обвинению в измене Родине (ст. 58-1 „б“ УК РСФСР), терроре (ст. 58-8), военном заговоре (ст. 58-11) к расстрелу следующие видные деятели Красной Армии:

1. Маршал Советского Союза Тухачевский Михаил Николаевич, 1893 г. рождения, член ВКП(б) с 1918 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР, заместитель наркома обороны СССР;
2. Командарм 1 ранга Якир Иона Эммануилович, 1896 г. рождения, член ВКП(б) с 1917 г., член ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР, командующий войсками Киевского военного округа;
3. Командарм 1 ранга Уборевич Иероним Петрович, 1896 г. рождения, член ВКП(б) с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР, командующий войсками Белорусского военного округа;
4. Командарм 2 ранга Корк Август Иванович, 1888 г. рожденияⁱⁱ, член ВКП(б) с 1927 г., член ЦИК СССР, начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе;
5. Комкор Эйдеман Роберт Петрович, 1895 г. рождения, член ВКП(б) с 1917 г., председатель Центрального Совета Осоавиахима СССР;
6. Комкор Фельдман Борис Миронович, 1890 г. рождения, член ВКП(б) с 1919 г., бывший начальник Управления по начсоставу НКО СССР;
7. Комкор Примаков Виталий Маркович, 1897 г. рождения, член ВКП(б) с 1914 г., заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа;
8. Комкор Путна Витовт Казимирович, 1893 г. рождения, член ВКП(б) с 1917 г., военный атташе СССР в Великобритании.

В 1956 г. Главная военная прокуратура и Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР проверили уголовное дело Тухачевского и других вместе с ним осужденных лиц и установили, что обвинение против них было сфальсифицировано. Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев 31 января 1957 года

ⁱ Датируется по препроводительной к справке следующего содержания: «Товарищу Хрущеву Н.С. Посылаю Вам справку о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому М. Н., Якиру И. Э., Уборевичу И. П. и другим военным деятелям в измене Родине, терроре и военном заговоре.

Материалы о причинах и условиях возникновения дела на т. Тухачевского М. Н. и других видных военных деятелей изучены Комиссией, созданной Президиумом ЦК КПСС решениями от 5 января 1961 года и от 6 мая 1961 года. Н. Шверник. 26.VI.1964 г.».

ⁱⁱ Так в документе. Правильно - в 1887 г.

заключение Генерального прокурора СССР, определила: приговор Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР от 11 июня 1937 г. в отношении Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Примакова, Путны и Фельдмана отменить и дело за отсутствием в их действиях состава преступления производством прекратить.

В том же 1957 г. Комитетом Партийного Контроля при ЦК КПСС все эти лица были реабилитированы и в партийном отношении.

Еще раньше - в 1955 г. решением КПК при ЦК КПСС был полностью реабилитирован в партийном отношении бывший член ЦК ВКП(б), начальник Политуправления Красной Армии Гамарник Ян Борисович, против которого необоснованно в 1937 г. были выдвинуты обвинения как на одного из руководителей военного заговора и члена его «центра».

Однако и после проверки 1956-1957 гг. остались невыясненными многие вопросы: о причинах и условиях возникновения этого дела, об отношении Сталина к руководящим военным деятелям, о незаконных массовых репрессиях военных кадров и других последствиях культа личности в военном деле и в военно-исторической науке.

В соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 5 января 1961 г. (П. 313/XXIII) нами рассмотрены материалы следствия и судебного процесса по делу о так называемом военном заговоре, документы, хранящиеся в архивах Секретариата и Президиума ЦК КПСС, архива Парткомиссии при ЦК КПСС, партийных, советских и военных архивах, оперативные материалы органов НКВД - КГБ при Совете Министров СССР, Министерства обороны и Генерального штаба, Министерства иностранных дел СССР и отдельные иностранные источники, относящиеся к этому вопросу, а также объяснения, полученные от ряда военных работников, бывших сотрудников органов НКВД, суда и прокуратуры, и от других лиц, имеющих отношение к делу.

Результаты изучения указанных выше материалов изложены в настоящей записке.

I. ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ОБВИНЕНИЙ ПРОТИВ ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА, УБОРЕВИЧА И ДРУГИХ ВОЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ПЕРЕД ИХ АРЕСТОМ

Дело о так называемом военно-фашистском заговоре в Красной Армии возникло вскоре после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года, на котором обсуждались вопросы, связанные с разгромом троцкистов, зиновьевцев и правых. С докладами на этом Пленуме ЦК ВКП(б) выступили Сталин, Молотов, Каганович и Ежов.

По вопросу о положении с кадрами в армии на Пленуме выступили Ворошилов и Гамарник. По их оценке политико-моральное состояние личного состава армии не вызывало тревоги. По словам Ворошилова, армия систематически очищала свои ряды от негодных элементов и за 12-13 лет, прошедшие после изгнания Троцкого из армии, из ее состава было вычищено около 47 тысяч человек, из них 5 тысяч оппозиционеров.

...«К настоящему моменту, — заявил Ворошилов, — армия представляет собой боеспособную, верную партии и государству вооруженную силу ... отбор в армии исключительный. Нам страна дает самых лучших людей».

Однако Молотов дал совсем иную оценку положения с армейскими кадрами:

...«Военное ведомство, - заявил он, - очень большое дело, проверяться его работа будет не сейчас, а несколько позже и проверяться будет очень крепко... Если у нас во всех отраслях хозяйства есть вредители, можем ли мы себе представить, что только там нет вредителей? Это было бы нелепо, это было бы благодушием... У нас было вначале предложение по военному ведомству здесь особый доклад заслушать, потом мы отказались от этого. Мы имели в виду важность дела».

Репрессии против многих партийных и советских работников начались еще до февральско-мартовского Пленума ЦК, но после Пленума они получили невиданный размах. Выступления на Пленуме ЦК Сталина, Молотова, Кагановича и Ежова накалили обстановку в стране, прямо ориентировали партийные и административные органы на выискивание в партийных организациях, советских учреждениях так называемых врагов народа. В результате большое распространение получили фальсификация обвинений, ложные доносы, оговоры. Любые прошлые ошибки членов партии, попытки высказать критические замечания в адрес Сталина или некоторых других руководителей ЦК расценивались как антипартийные, антисоветские действия со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Репрессии, развернувшиеся в стране после Пленума ЦК, широко коснулись и армии. Требования Сталина и Молотова о «проверке» военного ведомства были восприняты руководством Наркомата обороны и НКВД как прямые директивы по чистке армии, по ликвидации «врагов народа», якобы проводивших в рядах Красной Армии вражескую работу.

События, приведшие после Пленума ЦК к возникновению дела о так называемом военно-фашистском заговоре, развернулись следующим образом.

В апреле 1937 года Политбюро ЦК приняло решение об отмене поездки Тухачевского в Лондон на коронацию английского короля Георга VI. Это решение основывалось на спецсообщении Ежова от 21 апреля 1937 г. Сталину, Молотову и Ворошилову.

Вот текст этого сообщения:

«Нами сегодня получены данные от зарубежного источника, заслуживающего полного доверия, о том, что во время поездки тов. Тухачевского на коронационные торжества в Лондон над ним по заданию германских разведывательных органов предполагается совершить террористический акт. Для подготовки террористического акта создана группа из 4 чел. (3 немцев и 1 поляка). Источник не исключает, что террористический акт готовится с намерением вызвать международное осложнение. Ввиду того, что мы лишены возможности обеспечить в пути следования и в Лондоне охрану тов. Тухачевского, гарантирующую полную его безопасность, считаю целесообразным поездку тов. Тухачевского в Лондон отменить. Прошу обсудить».

Никаких материалов о подготовке подобного террористического акта над Тухачевским в КГБ СССР не имеется и, таким образом, это спецсообщение является сфальсифицированным.

На спецсообщении Сталин написал:

«Членам ПБ. Как это ни печально, приходится согласиться с предложением т. Ежова. Нужно предложить т. Ворошилову другую кандидатуру. И. Сталин».

На «спецсообщении» НКВД имеется надпись Ворошилова: «Показать М. Н. 23.IV.37 г. КВ». На этом же экземпляре сообщения расписался М.Н. Тухачевский, подтвердив этим, что он ознакомился с документом 22 апреля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление:

«1. Ввиду сообщения НКВД о том, что т. Тухачевскому во время его поездки на коронационные праздники в Лондоне угрожает серьезная опасность со стороны немецко-польской террористической группы, имеющей задание об убийстве т. Тухачевского, признать целесообразным отмену решения ЦК о поездке т. Тухачевского в Лондон. 2. Принять предложение Н[ар]к[омата] Обороны о посылке т.

Орлова на коронационные праздники в Лондоне в качестве представителя СССР по военной линии».

Проявив «заботу» о безопасности Тухачевского, органы НКВД под руководством и при прямом участии Ежова в это же время начали активно собирать от арестованных различные провокационные показания против Тухачевского и других военачальников. Так, 22-25 апреля 1937 г. были получены от быв. начальника Особого отдела НКВД СССР Гая и бывшего заместителя наркома внутренних дел СССР Прокофьева, к этому времени арестованных, ложные показания о преступных связях Тухачевского, Уборевича, Корка, Шапошникова, Эйдемана и других с Ягодой. Однако попытка получить тогда же показания на военных у арестованного Ягоды успеха не имела. На допросе 26 апреля 1937 г. Ягода показал:

«Личных связей в буквальном смысле слова среди военных у меня не было. Были официальные знакомства. Никого из них я вербовать не пытался».

Работниками НКВД были приняты решительные меры к получению показаний на Тухачевского также и от арестованного зам. начальника отдела НКВД СССР Воловича. Допросу Воловича придавалось большое значение. Это видно, например, из записи, сделанной Ежовым в личной записной книжке, в которую он вносил, судя по характеру отдельных записей, указания, полученные им от Сталина. В одной из таких книжек имеется запись: «Воловича особ, допрос».

27 апреля 1937 г. работникам НКВД от Воловича удалось получить показания на Тухачевского как на участника заговора, обеспечивающего поддержку этого заговора воинскими частями.

Из материалов дела на Гая, Прокофьева и Воловича видно, что их показания носили общий, неконкретный характер, были противоречивы. К тому же эти показания были добыты незаконным путем, с помощью обмана, провокаций и насилия. В суде эти показания проверены не были, так как Прокофьев, Гай и Волович были расстреляны в 1937 г. без суда, «в особом порядке».

Разоблачая незаконные методы получения показаний от Гая и Прокофьева, заместитель начальника 2 отдела НКВД СССР Залпегтер, находясь под арестом, писал 10 февраля 1939 года:

«Быв. нач. 2 отдела Николаев поручил Жупахину... допросить Прокофьева, он по поручению Николаева без допроса Прокофьева... составил по существу сам показания Прокофьева... В моем присутствии Жупахин принес «эти показания» Николаеву в его кабинет, сказав: «посмотрите как получилось»... Николаев исправлял «показания» Прокофьева, придавая им «более» жизненный характер...»

При наущивании мною и Николаевым «непризнавшегося» еще Гая к даче первоначальных показаний Николаев в моем присутствии ему заявил: «Вам надо сделать, как поступил Прокофьев - зашел к нему на допрос Ежов и заявил: «Надо дать показания», на что Прокофьев ему ответил, вытянувшись перед Ежовым по-военному: «Так точно», - и тут же начал давать показания...»

«...В один из выходных дней после допроса в Лефортовской тюрьме некоторых обвиняемых... Николаев, сказав: «Что еще делать, давайте набьем Гаю морду», - поручил вызвать на допрос Гая и после вызова Гая Евгеньев, не дав ему ответить по существу заданного ему вопроса... ударил его...»

«При допросах Гая по делу ягодовского заговора я допрашивал Гая, иногда совместно с Николаевым, относясь в основном к делу Ягоды, как сталинскому «соцзаказу», так я понял Ежова на первом оперсовещании, на котором он инструктировал следователей... Гай начал давать показания по шпионской работе после того, когда Ежов обещал ему сохранить жизнь, заявив: «Поощажу».

Как видно из показаний Залпегтера, данных им в 1939 г., он еще до ареста высказывал свое мнение о причинах создания провокационных дел органами НКВД:

«Массовые репрессии ответственных руководителей наркоматов (в том числе наркомов) объясняются тем, - писал он, — что Сталин диктаторскими методами управляет страной, решает все единолично, не терпит возражений, не считается с мнением других и подводит под массовые операции из этих лиц тех, кто противоречит (критикует) его. Эти люди вовсе не являются контрреволюционерами. В этом отношении дана правильная характеристика Сталину в троцкистском документе, так называемом «Завещании Ленина», о его нетерпимости к инакомыслящим... Как это получается, что ответственные партийцы, будучи арестованными без вины, в конечном итоге оговаривают сами себя и других, давая липовые показания. Я объяснял это... так, что по существу судьба их предрешается еще до ареста их в ЦК, что, понимая это и считая положение их безнадежно... (раз политически погиб, какое значение имеет для таких людей физическая жизнь), что создается абсолютная изоляция их (все зависит от следователя), и в основном применяются физические методы допроса. В таком положении эти люди дают на себя любые показания и при заявлении следователей, что их однопольцы сознались - записывают последних в своих показаниях».

О допросе Воловича рассказывает бывший работник НКВД СССР Суровицких, который лично допрашивал Воловича в апреле-мае 1937 года.

В своих объяснениях в КПК при ЦК КПСС от 20 декабря 1961 г. Суровицких (член КПСС с 1929 г.) сообщил:

«Все, что творилось в органах НКВД в то время, было от начала до конца продуманной и подготовленной провокацией... Поведение Воловича на следствии свидетельствовало о том, что он был подготовлен к даче нужных показаний... Воловича допрашивал Ежов... абсолютное большинство фамилий подсказывались Воловичу Ярцевым или мною по его указанию... „Логичность“ показаний арестованных также диктовалась следствием. Так было и с показаниями Воловича на Тухачевского, как на участника заговора, подготавливавшего войска к военному захвату власти заговорщиками... Я и Ярцев „получили“ от Воловича развернутые показания на Тухачевского как участника заговора, готовившего армию для обеспечения военного переворота, т. е. добились подтверждения о наличии воинской силы и закрепили нужную Ежову „солидность и серьезность“ заговора».

Несмотря на то, что никаких достоверных доказательств о наличии заговорщиков среди руководящих военных кадров не было, Сталин на обеде у Ворошилова, состоявшемся после первомайского парада 1937 г., в присутствии многих военных руководителей открыто высказал свои угрозы в адрес врагов, имевшихся якобы среди военных. Об этом заявлении Сталина напомнил 27 сентября 1937 г. бывший начальник разведуправления РККА комкор Урицкий в письме к Ворошилову:

«... 1 мая 1937 г., - писал Урицкий, - после парада у Вас на квартире вождь сказал, что враги будут разоблачены, партия их сотрет в порошок, и поднял тост за тех, кто, оставаясь верным, достойно займет свое место за славным столом в октябрьскую годовщину».

Реализуя установки Сталина и Молотова о разоблачении врагов в армейской среде, Ежов возлагал большие надежды на получение показаний о преступной деятельности Тухачевского, Якира и других от примыкавших в прошлом к троцкистам и арестованных еще в августе 1936 года комкоров Примакова и Путны, а также от исключенного в 1934 году из партии за разбазаривание государственных средств бывшего начальника Управления ПВО РККА комкора Медведева. В одной записной книжке Ежова имеется такая запись: «1. Напасть: на Примакова по Якиру. 2. Медведева Якиру».

Арестованный 6 мая 1937 года Медведев на допросах признал себя участником военно-троцкистской организации, ставившей целью совершение военного

переворота в стране. 10 мая 1937 г. он подписал протокол допроса, в котором сообщалось, что от комкоров Василенко и Смолина ему было известно о Тухачевском, Якире, Путне, Туровском и Примакове как о руководителях военно-троцкистской организации.

Арестованные Василенко и Смолин, несмотря на избивание их, показаний Медведева не подтвердили. Сам же Медведев дал такие показания в результате применения к нему мер физического воздействия (на суде он от своих прежних показаний отказался).

Принимавший участие в допросах Медведева заместитель начальника Управления НКВД Московской области Радзивиловский, будучи арестованным, на допросе 16 апреля 1939 г. по поводу проводимой Ежовым деятельности по созданию дела о военном заговоре в РККА показал:

«Поручение, данное мне Ежовым, сводилось к тому, чтобы немедленно приступить к допросу арестованного Медведева, быв. нач. ПВО РККА, и добиться от него показаний с самым широким кругом участников о существовании военного заговора в РККА. При этом Ежов дал мне прямое указание применить к Медведеву методы физического воздействия, не стесняясь в их выборе. Ежов подчеркнул особо, что в процессе допроса Медведева я должен добиться, чтобы он назвал возможно большее количество руководящих военных работников. Приступив к допросу Медведева, я из его показаний установил, что он свыше трех-четырёх лет до ареста, как уволен из РККА, и являлся перед арестом зам. начальника строительства какой-то больницы. Медведев отрицал какую бы то ни было антисоветскую работу и вообще связи с военными кругами в РККА, ссылаясь на то, что после демобилизации он этих связей больше не поддерживал. Однако, выполняя указания Ежова и Фриновского, я добился от него показаний о существовании военного заговора, о его активном участии в нем и в ходе последующих допросов, в особенности после избивания его Фриновским в присутствии Ежова, Медведев назвал значительное количество крупных руководящих военных работников. По ходу дела я видел и знал, что связи, которые называл Медведев, были им вымышлены и он все время заявлял мне, а затем Ежову и Фриновскому о том, что его показания ложны и не соответствуют действительности. Однако, несмотря на это, Ежов этот протокол доложил в ЦК... Медведев был арестован по распоряжению Ежова... с расчетом начать от него раздувание дела о военном заговоре в РККА».

Бывший оперуполномоченный Особого отдела соединений ПВО в Москве Садов Н. А. (член КПСС с 1931 г.) показал, что он видел, как в Лефортовской тюрьме следователь Рейтер избивал резиновым шлангом арестованного Медведева.

Арестованный 14 августа 1936 г. комкор Примаков содержался в Лефортовской тюрьме в Москве и на протяжении 9 месяцев ни в чем не признавал себя виновным. В архиве Сталина сохранилось несколько заявлений Примакова, в которых он протестовал против его незаконного ареста. Однако, не выдержав тяжелых испытаний, Примаков 8 мая 1937 г. написал в Лефортовской тюрьме следующее заявление на имя Ежова:

«В течение девяти месяцев я запирался перед следствием по делу о троцкистской контрреволюционной организации и в этом запирательстве дошел до такой наглости, что даже на Политбюро перед т. Сталиным продолжал запираюсь и всячески уменьшать свою вину. Тов. Сталин правильно сказал, что „Примаков - трус, запираюсь в таком деле - это трусость". Действительно, с моей стороны это была трусость и ложный стыд за обман. Настоящим заявляю, что, вернувшись из Японии в 1930 г., я связался с Дрейцером и Шмидтом, а через Дрейцера и Путну с Мрачковским и начал троцкистскую работу, о которой дам следствию полное показание».

Уступая домогательствам следствия и пожеланиям Сталина, Примаков стал на путь

обмана и самоговора. Уже на допросе 14 мая 1937 г. Примаков, называя своих «соучастников», сообщил о Якире:

«Троцкистская организация считала, что Якир наиболее подходит на пост народного комиссара вместо Ворошилова... Считали, что Якир является строжайшим образом законспирированным троцкистом и допускали, что он -Якир лично связан с Троцким и возможно он выполняет совершенно секретные нам неизвестные самостоятельные задачи».

В тот же день протокол допроса Примакова был послан Ежовым Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу. В сопроводительном письме Ежов писал:

«Направляю первый протокол допроса Примакова от 14 мая с. г. Сообщаю: Гаркавый, Василенко, Туровский, Зюк, Гаврюшенко, Вележев, Савицкий, Смолин, Лапин и Ольшанский - арестованы. Прошу санкционировать арест: 1) Чанышева (командир 1-й Татарской дивизии); 2) Кошелева (начальник штаба 13 корпуса); 3) Кельбейна (командир 75 дивизии); 4) Казанского (бывший командир 5 стрелкового корпуса); 5) Бутырского (бывший начальник штаба КВО); 6) Клышейко (командир авиабригады); 7) Ключко (бывший военный атташе в Турции); 8) Зенека (начальник Ленинградской школы танковых техников)».

Продолжая «обработку» Примакова, органы НКВД 21 мая 1937 года сумели от него получить «собственноручные показания» о том, что во главе заговора стоял Тухачевский, который был связан с Троцким. Кроме того, на этом допросе Примаков назвал 40 видных военных работников участниками военно-троцкистского заговора в армии.

Мучительному ночному допросу был подвергнут и арестованный комкор Путна. 14 мая 1937 г. он был переведен из тюремной больницы Бутырской тюрьмы в Лефортовскую тюрьму, где его допрашивали в течение всей ночи. В результате Путна дал показания на Тухачевского и на 9 других видных военных работников как на участников военной антисоветской троцкистской организации.

16 мая 1937 г. Ежов направил этот протокол допроса Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу. В сопроводительном письме Ежов написал:

«Направляю протокол допроса Путны В. К. от 15 мая с. г. Путна показывает, что в 1935 г. он вручил лично Тухачевскому письмо от Троцкого с прямым предложением принять участие в троцкистском заговоре. Тухачевский после ознакомления с этим письмом поручил Путне передать, что Троцкий может на него рассчитывать. Путна называет как участников военной антисоветской троцкистской организации Примакова, Кузьмичева, Шмидта, Лапина — арестованы; Зенека — бывшего начальника Ленинградской военной школы танковых техников, Ключко - бывшего военного атташе СССР в Турции; Городзенского - бывшего начальника хозяйственного] снабжения Приморской группы, Корнеля — бывшего работника ИНО ОГПУ и Адамовича — бывшего председателя СНК БССР».

О том, что Примаков и Путна на допросах подвергались физическому воздействию, показал на допросе 3 июня 1955 г. бывший сотрудник Особого отдела НКВД СССР, член КПСС Бударев:

«Зам. начальника отдела Карелин и нач. отд[ела] Авсеевич давали мне и другим работникам указания сидеть вместе с Примаковым и тогда, когда он еще не давал показаний. Делалось это для того, чтобы не давать ему спать, понудить его дать показания о своем участии в троцкистской организации. В это время ему разрешали в день спать только 2-3 часа в кабинете, где его должны были допрашивать и туда же ему приносили пищу. Таким образом, его не оставляли одного... В период расследования дел Примакова и Путны было известно, что оба эти лица дали показания об участии в заговоре после избития их в Лефортовской тюрьме».

Бывший заместитель министра госбезопасности СССР, член КПСС с 1932 г. Се-

ливановский 10 декабря 1962 г. сообщил в ЦК КПСС:

«В апреле 1937 года дела Путны и Примакова были переданы Авсеевичу. Зверскими, жестокими методами допроса Авсеевич принудил Примакова и Путну дать показания на Тухачевского, Якира и Фельдмана. Эти показания Путны и Примакова послужили основанием для ареста в мае 1937 г. Тухачевского, Якира, Фельдмана и др. крупных военных работников. Работа Авсеевича руководством Особого отдела ставилась в пример другим следователям. Авсеевич после этого стал эталоном в работе с арестованными. Так появился заговор в Советской Армии. После этого по указанию Сталина и Ежова начались массовые аресты крупных военных работников, членов ЦК КПСС, видных партийных и государственных деятелей».

Производивший допросы Примакова и Путны бывший работник НКВД СССР Авсеевич в своем объяснении в ЦК КПСС сообщил:

«...Мне, как и многим другим сотрудникам, пришлось работать в Особом отделе НКВД в 1937-1938 гг., т.е. в период массовых арестов военных работников, и принимать участие в допросах, а также избивании арестованных... На допросе вопросы и ответы формулировал Леплевский (начальник Особого отдела НКВД СССР - примечание] наше), причем фамилии в протокол заносились те, что называл Примаков, но значение разговоров и встреч, о которых говорил Примаков, в формулировках усиливалось и возводилось в степень заговорщической деятельности. Таким образом были сфабрикованы показания Примакова на большую группу крупных военных работников».

«Арестованные Примаков и Путна морально были сломлены... длительным содержанием в одиночных камерах, скудное тюремное питание... вместо своей одежды они были одеты в поношенное хлопчатобумажное красноармейское обмундирование, вместо сапог обуты были в лапти, длительное время их не стригли и не брили, перевод... в Лефортовскую тюрьму и, наконец, вызовы к Ежову их сломили и они начали давать показания».

В середине мая 1937 г. были проведены ночью аресты видных военных работников. Среди арестованных оказались начальник Военной академии им. Фрунзе командарм 2 ранга Корк и назначенный заместителем командующего войсками Московского военного округа комкор Фельдман.

На первых допросах Корк, арестованный в ночь на 14 мая 1937 года, свое участие в антисоветской деятельности отрицал. Однако 16 мая его сопротивление было сломлено и Корк подписал на имя Ежова два заявления. Корк сообщал, что в организацию правых он был вовлечен Енукидзе, а военная организация правых включала и троцкистскую военную группу Путны, Примакова и Туровского. С военной организацией правых был связан и Тухачевский. Далее Корк писал, что основная задача группы состояла в проведении военного переворота в Кремле. Возглавлял военную организацию правых штаб переворота в составе его - Корка, Тухачевского и Путны.

Комкор Фельдман был арестован 15 мая 1937 г. В своем заявлении он просил ознакомить его с имеющимися у следствия материалами и выразил готовность в соответствии с этими материалами давать показания. Он писал следователю Ушакову: «Вы и н[ачальни]к особого отдела т. Леплевский, который также беседовал со мною, предъявили обвинение в участии в военно-троцкистской антисоветской организации и предлагаете встать на путь чистосердечного раскаяния. Прошу ознакомить меня с фактами, изобличающими меня в участии в вышеназванной организации. После этого мне легче будет разобраться в этом вопросе».

Показания о военном заговоре, которые Фельдман стал давать, были крайне противоречивы. Так, на допросе 16 мая 1937 года он показал, что в военно-троцкистскую организацию его вовлек в 1934 году Примаков. Через три дня

Фельдман, изменив свои показания, утверждал, что военно-троцкистская организация возглавлялась Тухачевским, который и вовлек в нее Фельдмана в начале 1932 г.

Представляя Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу этот протокол допроса, Ежов 20 мая 1937 г. писал:

«Направляю Вам протокол допроса Фельдмана Б. М., бывшего начальника Управления по начсоставу РККА, от 19 мая с. г. Фельдман показал, что он является участником военно-троцкистского заговора и был завербован Тухачевским М. Н. в начале 1932 года. Названные Фельдманом участники заговора: начальник штаба Закавказского военного округа Савицкий, заместитель командующего При[волжским] ВО Кутяков, быв. начальник школы ВЦИК Егоров, начальник инженерной академии РККА Смолин, быв. пом. нач, инженерного управления Максимов и быв. зам. нач. автобронетанкового управления Ольшанский – арестованы. Прошу обсудить вопрос об аресте остальных участников заговора, названных Фельдманом».

В число «остальных участников заговора», еще не арестованных к тому времени, входили Тухачевский, Якир, Эйдеман и другие командиры. Аресты их были проведены в двадцатых числах мая 1937 года. В протоколах допросов Фельдмана от 19, 21 и 23 мая 1937 г. участниками военно-троцкистской организации называются более 40 командиров и политработников армии.

Следователь Ушаков (Ушамирский), зарекомендовавший себя большим мастером шантажа и провокаций, сумел установить с Фельдманом доверительные отношения, создал ему облегченный режим содержания в тюрьме, склонил Фельдмана к даче ложных показаний.

В этом отношении представляет интерес следующая записка Фельдмана:

«Помощнику начальника 5 отдела ГУГБ НКВД Союза ССР тов. Ушакову. Зиновий Маркович! Начало и концовку заявления я написал по собственному усмотрению. Уверен, что Вы меня вызовете к себе и лично укажете, переписать недолго... Благодарю за Ваше внимание и заботливость - я получил 29-го печенье, яблоки, папиросы и сегодня папиросы, откуда, от кого, не говорят, но я-то знаю, от кого. Фельдман. 31.V.37 г.».

В заявлении, о котором упоминал Фельдман в своей записке, он вновь подтверждает свою готовность в угоду следствию дать любые показания:

«Прошу Вас, т. Ушаков, вызвать меня лично к Вам. Я хочу через Вас или т. Леплевского передать народному комиссару внутренних дел Союза ССР тов. Ежову, что я готов, если это нужно для Красной Армии, выступить перед кем угодно и где угодно и рассказать все, что знаю о военном заговоре. И это чистилище (как Вы назвали чистилищем мою очную ставку с Тухачевским) я готов пройти. Показать всем вам, которые протягивают мне руку помощи, чтобы вытянуть меня из грязного омута, что Вы не ошиблись, определив на первом же допросе, что Фельдман не закоренелый, неисправимый враг, а человек, над коим стоит поработать, потрудиться, чтобы он раскаялся и помог следствию ударить по заговору. Последнее мое обращение прошу передать и тов. Ворошилову. Б. Фельдман. 31.V.1937 г.».

В 1938 году следователь Ушаков сам был арестован. В собственноручных показаниях о допросах Фельдмана он 11-12 октября 1938 года написал:

«На Фельдмана было лишь одно косвенное показание некоего Медведева... В первый день допроса Фельдмана... он написал заявление об участии своем в военно-троцкистской организации, в которую его завербовал Примаков... Придерживаясь принципа тщательного изучения личного дела и связей арестованных, я достал из штаба дело Фельдмана и начал изучать его. В результате я пришел к выводу, что Фельдман связан интимной дружбой с Тухачевским, Якиром и рядом др. крупных командиров и имеет семью в Америке, с которой поддерживает связь. Я понял, что Фельдман связан по заговору с Тухачевским, и вызвал его 19.V. рано утром для

допроса. Но в это время меня вызвали к Леплевскому на оперативное совещание, на котором присутствовало около 30 сотрудников, участвующих в следствии. Мне дали слово о результатах допроса Фельдмана, примерно, десятым по очереди. Рассказав о показании Фельдмана, я перешел к своему анализу и начал ориентировать следователей на уклон в допросах с целью вскрытия несомненно существующего в РККА военного заговора... Как только окончилось совещание, я... вызвал Фельдмана. К вечеру 19 мая было написано Фельдманом на мое имя известное показание о военном заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и др., на основании которого состоялось 21 или 22 мая решение ЦК ВКП(б) об аресте Тухачевского и ряда др.».

Аресту Тухачевского и Якира предшествовали «оргмероприятия» по линии Наркомата обороны.

9 мая 1937 г. Ворошилов обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с письмом об утверждении новых назначений. 10 мая 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение:

«Утвердить: 1. Первым заместителем народного комиссара обороны – Маршала Советского Союза т. Егорова А. И., 2. Начальником Генерального штаба РККА - командующего войсками Ленинградского военного округа командарма I ранга т. Шапошников Б.М., 3. Командующим войсками Ленинградского военного округа - командующего войсками Киевского военного округа командарма I ранга т. Якира И. Э... 8. Командующим войсками Приволжского военного округа - Маршала Советского Союза т. Тухачевского М.Н. с освобождением его от обязанностей заместителя наркома обороны».

13 мая 1937 г., как это установлено по книге регистрации, Сталин лично принял в Кремле маршала Тухачевского. Никаких материалов о существовании разговора Сталина с Тухачевским обнаружить в архивах не удалось.

Вместе с тем в этом отношении представляет некоторый интерес сообщение старого товарища Тухачевского, бывшего члена ВЦИК Кулябко Н.Н., при рассмотрении его персонального дела в партийной организации в июне 1937 года. Кулябко, рекомендовавший Тухачевского в 1918 году в партию, объяснил парторганизации, что когда он узнал из газет о назначении Тухачевского командующим ПриВО, то посетил его на квартире. Тухачевский объяснил Кулябко, что причиной его перевода в Куйбышев, как об этом сообщили в ЦК партии, является то обстоятельство, что его знакомая Кузьмина и бывший порученец оказались шпионами и арестованы.

Таково начало формирования ложных обвинений против Тухачевского, Якира и других военных деятелей непосредственно перед их арестом.

II. АРЕСТ ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА, УБОРЕВИЧА. СЛЕДСТВИЕ И ПРОЦЕСС

Как указывалось выше, в архиве Ежова в ЦК партии обнаружены записные книжки, в которых он записывал различные указания по работе в НКВД. В одной из таких книжек имеется запись: «1. Тухачевский, 2. Ефимов, 3. Эйдеман, 4. Аппога». Справа от этих фамилий стоит знак «(а)», что, по всей вероятности, означает «арестовать». Против каждой фамилии сделана отметка — «галочка», означавшая выполнение этого указания. Маршал Тухачевский, комкоры Ефимов, Эйдеман и Аппога - были арестованы в один день — 22 мая 1937 года. Тухачевский, в частности, прибыв к новому месту службы, находился в этот день уже в гор. Куйбышеве, где и был арестован, а затем 25 мая доставлен в Москву во внутреннюю тюрьму НКВД СССР, в которой содержался под № 94.

Через два дня после ареста Тухачевского, 24 мая 1937 г., Политбюро ЦК ВКП(б) вынесло постановление:

«Поставить на голосование членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК следующее предложение: «ЦК ВКП получил данные, изобличающие члена ЦК ВКП Рудзутака и кандидата ЦК ВКП Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-право-заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии. В связи с этим Политбюро ЦК ВКП ставит на голосование членов и кандидатов ЦК ВКП предложение об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передаче их дела в Наркомвнудел».

25-26 мая 1937 г. опросом членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК было оформлено и подписано Сталиным следующее постановление:

«На основании данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Рудзутака и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-правом заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии, исключить из партии Рудзутака и Тухачевского и передать их дела в Наркомвнудел».

О том, как вел себя Тухачевский на допросе в первый день пребывания в НКВД, достаточных данных нет. Протоколы первичных допросов Тухачевского или вовсе не составлялись, или были уничтожены следствием. Однако сохранившиеся отдельные следственные документы свидетельствуют о том, что Тухачевский в начальной стадии следствия отрицал участие в заговоре.

Подтверждением такого поведения Тухачевского в этот период может служить заявление Фельдмана:

«Я догадывался наверняка, что Тухачевский арестован, но я думал, что он, попав в руки следствия, все сам расскажет - этим хоть немного искупит свою тяжелую вину перед государством, но, увидев его на очной ставке, услышал от него, что он все отрицает и что я все выдумал...»

Имеется также заявление Тухачевского от 26 мая 1937 г. об очных ставках с Примаковым, Путной и Фельдманом:

«Мне были даны очные ставки с Примаковым, Путной и Фельдманом, которые обвиняют меня как руководителя антисоветского военно-троцкистского заговора. Прошу представить мне еще пару показаний других участников этого заговора, которые также обвиняют меня. Обязуюсь дать чистосердечные показания».

Протоколов этих очных ставок Тухачевского с Примаковым, Путной и Фельдманом в его архивно-следственном деле или в других делах не обнаружено.

Характеризуя свое поведение в начале следствия, Тухачевский в собственноручных показаниях и в протоколе допроса, датированном 1 июня 1937 г., утверждал:

«Настойчиво и неоднократно пытался я отрицать как свое участие в заговоре, так и отдельные факты моей антисоветской деятельности».

Архивные материалы следствия показывают, что такое поведение Тухачевского было крайне непродолжительным. Были приняты все меры, чтобы сломить его сопротивление. Следствием по делу Тухачевского непосредственно руководил Ежов; в качестве следователей им были использованы вышколенные фальсификаторы Леплевский, Ушаков и другие. Эти лица, потеряв понятие о человеческом облике, не считались с выбором средств для достижения цели, применяли различного рода моральные и физические пытки, чтобы сломить волю арестованных и добиться ложных показаний. Попав в такую обстановку, пробыв под стражей несколько дней и поняв безвыходность своего положения, Тухачевский 26 мая 1937 года написал следующее заявление:

«...Заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его. ...Основание заговора относится к 1932 году».

29 мая 1937 г. Тухачевского допросил Ежов. В результате этого допроса появились следующие показания Тухачевского:

«Еще в 1928 г. я был втянут Енукидзе в правую организацию. В 1934 г. я лично связался с Бухариным. С немцами я установил шпионскую связь с 1925 г., когда я ездил в Германию на учения и маневры... При поездке в 1936 г. в Лондон Путьна устроил мне свидание с Седовым... Я был связан по заговору с Фельдманом, Каменевым С.С., Якиром, Эйдеманом, Енукидзе, Бухариным, Караханом, Пятаковым, Смирновым И.Н., Ягодой, Осепяном и рядом других».

Затем с 1 по 10 июня 1937 года Тухачевского заставили собственноручно описывать организацию заговора и план поражения Красной Армии. Эти показания были посланы Сталину. К делу они были приобщены только после судебного процесса.

Вот некоторые сведения, раскрывающие причины, в силу которых Тухачевский вынужден был дать ложные показания. Бывший сотрудник НКВД СССР, член КПСС Вул в 1956 г. сообщил:

«Лично я видел в коридоре дома 2 Тухачевского, которого вели на допрос к Леплевскому, одет он был в прекрасный серый штатский костюм, а поверх него был одет арестантский армяк из шинельного сукна, а на ногах лапти. Как я понял, такой костюм на Тухачевского был надет, чтобы унижить его. Все следствие по делу Тухачевского и других было закончено очень быстро... Помимо мер физического воздействия, определенную роль в получении показания сыграли уговоры следователей».

В процессе изучения дела Тухачевского на отдельных листах его показаний обнаружены пятна буро-коричневого цвета. В связи с этим было проведено судебно-медицинское исследование отдельных листов дела. В заключении Центральной судебно-медицинской лаборатории Военно-медицинского управления Министерства обороны СССР от 28 июня 1956 г. говорится:

«В пятнах и мазках на листах 165-166 дела № 967581 обнаружена кровь... Некоторые пятна крови имеют форму восклицательных знаков. Такая форма пятен крови наблюдается обычно при попадании крови с предмета, находящегося в движении, или при попадании крови на поверхность под углом...»

Упомянутый выше следователь-фальсификатор Ушаков, будучи сам арестованным в сентябре 1938 г., пытался в оправдание использовать свои «заслуги», хвастливо заявляя: «Я раскопал Тухачевского, Якира и др.». В показаниях от 23 сентября 1938 г. Ушаков писал:

«Я переехал с Леплевским в Москву, в декабре 1936 г. ... я буквально с первых дней поставил диагноз о существовании в РККА и Флоте военно-троцкистской организации, разработал четкий план ее вскрытия и первый же получил такое показание от бывшего командующего Каспийской военной флотилией Закупнева... я... шел уверенно к раскрытию антисоветского военного заговора. В то же время я также уверенно шел по другому отделению на Эйдемана и тут также не ошибся. Ну о том, что Фельдман Б. М. у меня сознался в участии в антисоветском военном заговоре (см. его протокол от 19 мая 1937 г.), на основании чего 22 числа того же месяца начались аресты Ефимова и др., говорить не приходится. 25 мая мне дали допрашивать Тухачевского, который сознался 26-го, а 30 я получил Якира. Ведя один, без помощников (или «напарников»), эту тройку и имея указание, что через несколько дней дело должно быть закончено для слушания, я, почти не ложась спать, вытаскивал от них побольше фактов, побольше заговорщиков. Даже в день процесса, рано утром, я отобрал от Тухачевского дополнительное показание об Апанасенко и некоторых др.».

Среди «других», например, был и Тимошенко.

Комкор Эйдеман, арестованный 22 мая 1937 г. одновременно с Тухачевским, был доставлен во внутреннюю тюрьму НКВД СССР, а на следующий день перемещен в Лефортовскую тюрьму. 25 мая появилось заявление Эйдемана на имя Ежова, в

котором он сообщал о своей согласии «помочь следствию» в раскрытии преступления. Судя по внешнему виду (неровный почерк и пропуски букв в словах), это заявление было написано в состоянии нервного потрясения, явившегося следствием физического воздействия.

28 мая 1937 г. протокол допроса Эйдемана был направлен Ежовым Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу при следующем письме: «Направляю протокол допроса Эйдемана Р. П., бывшего председателя Центрального Совета Осоавиахима СССР, от 27 мая с. г. Эйдеман показал, что был вовлечен в антисоветский военно-троцкистский заговор Тухачевским и проводил активную вредительскую работу. Как участников военно-троцкистского заговора Эйдеман назвал Фельдмана, Ефимова, Петерсона, Корка, Горбачева, Фишмана, Осепяна и Вольпе. Эйдеманом завербованы в военно-троцкистский заговор... Белицкий... Восканов... (далее названы фамилии еще 13 работников Осоавиахима. — прим. наше). Прошу санкции на арест всех названных Эйдеманом участников заговора в системе «Осоавиахима».

Санкции на арест были получены, и Ежов на копии этого документа написал: «Всех названных Эйдеманом по Осоавиахиму людей (центр и периферия) немедленно арестовать. Ежов».

О незаконных методах обработки Эйдемана, которые довели его до невменяемого состояния, показал быв[ший] сотрудник НКВД Карпейский:

«Эйдеман отрицал какую-либо свою связь с заговором, заявлял, что он понятия о нем не имеет и утверждал, что такое обвинение не соответствует ни его поведению на протяжении всей жизни, ни его взглядам.

...Угрожая Эйдеману применением мер физического воздействия, если он будет продолжать упорствовать и скрывать от следствия свою заговорщическую деятельность... Агас заявил, что если Эйдеман не даст показаний сейчас, то он - Агас продолжит допрос в другом месте, но уже будет допрашивать по-иному. Эйдеман молчал. Тогда Агас прервал допрос и сказал Эйдеману, чтобы он пенял на себя: его отправят в тюрьму, где его упорство будет быстро сломлено... Дня через три в дневное время мне было предложено срочно прибыть в Лефортовскую тюрьму, где меня ждет Агас. Я туда поехал. В эту тюрьму я попал впервые... то, что я увидел и услышал в тот день в Лефортовской тюрьме, превзошло все мои представления. В тюрьме стоял невообразимый шум, из следственных кабинетов доносились крики следователей и стоны, как нетрудно было понять, избиваемых... Я нашел кабинет, где находился Агас. Против него за столом сидел Эйдеман. Рядом с Агасом сидел Леплевский... Дергачев. На столе перед Эйдеманом лежало уже написанное им заявление на имя наркома Ежова о том, что он признает свое участие в заговоре и готов дать откровенные показания». «Через день или два я снова вызвал Эйдемана на допрос в Лефортовской тюрьме. В этот раз Эйдеман на допросе вел себя как-то странно, на вопросы отвечал вяло, невпопад, отвлекался посторонними мыслями, а услышав шум работавшего мотора, Эйдеман произносил слова: «Самолеты, самолеты». Протокола допроса я не оформлял, а затем доложил, кажется, Агасу, что Эйдеман находится в каком-то странном состоянии и что его показания надо проверить... После этого Эйдеман от меня был по существу откреплен и его впоследствии допрашивал Агас».

28 мая 1937 г. НКВД СССР был арестован командарм I ранга Якир. В записной книжке Ежова имеется такая запись: «Якира по приезде в Москву». Рядом с этой фразой стоит «галочка», что означает исполнение полученного указания. На следующий день, то есть 29 мая 1937 г., по дороге к Москве на станции Вязьма в поезде был арестован командарм I ранга Уборевич. Доставленные во внутреннюю тюрьму НКВД СССР Якир и Уборевич содержались в одиночных камерах за литерными номерами.

После ареста Якира и Уборевича 30 мая 1937 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б), а

затем 30 мая - 1 июня 1937 г. опросом членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК было оформлено и подписано Сталиным постановление:

«Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК: Ввиду поступивших в ЦК ВКП данных, изобличающих члена ЦК ВКП Якира и кандидата в члены ЦК ВКП Уборевича в участии в военно-фашистском троцкистско-правом заговоре и в шпионской деятельности в пользу Германии, Японии и Польши, исключить их из рядов ВКП и передать их дела в Наркомвнудел».

Первоначально на допросах Якир и Уборевич не признавали себя виновными, но протоколами эти допросы не оформлялись.

Бывший сотрудник НКВД СССР Соловьев А.Ф. (член КПСС с 1918 г.) в своих объяснениях в ЦК КПСС от 29 ноября 1962 г. писал:

«Я лично был очевидцем, когда привели в кабинет Леплевского командующего] войск[ами] У[краинского]ⁱⁱⁱ ВО Якира. Якир шел в кабинет в форме, а был выведен без петлиц, без ремня, в расстегнутой гимнастерке, а вид его был плачевный, очевидно, что он был избит Леплевским и его окружением. Якир пробыл на этом допросе в кабинете Леплевского 2-3 часа».

С целью понуждения Якира к ложным показаниям ему была дана очная ставка с Корком. 30 мая 1937 г. на этой очной ставке Корк утверждал, что в 1931 г. он и Якир вошли в руководящую группу военного заговора. На это Якир ответил:

«Категорически отрицаю. Я знал всегда, что Корк очень нехороший человек, чтобы не сказать более крепко, но я никогда не мог предположить, что он просто провокатор... На одной встрече в апреле этого года у Тухачевского на квартире мы действительно вместе были, но ни о чем не говорили».

В «обработке» Якира и получении от него ложных показаний непосредственное участие принимал Ежов. В приобщенном к делу незаконченном и неподписанном заявлении на имя Ежова Якир писал:

«Тридцатого мая Вы лично с исчерпывающей ясностью следственными материалами доказали полную безнадежность дальнейшего заpiresательства с моей стороны... Я в своих показаниях расскажу о всех делах и лицах правотроцкистского заговора, известных мне, с тем, чтобы помочь до конца разгромить эту подлую организацию».

В подписанном Якиром 31 мая 1937 года заявлении сообщалось:

«Я хочу... помочь ускорить следствие, рассказать все о заговоре и заслужить право на то, что советское правительство поверит в мое полное разоружение».

В последующие семь дней Ушаковым были получены от Якира шесть собственноручных показаний и оформлены два протокола его допроса.

30 мая 1937 г. была проведена очная ставка между Корком и Уборевичем, на которой Корк также утверждал, что Уборевич в 1931 г. входил в правотроцкистскую организацию. Возражая Корку, Уборевич заявил:

«Категорически отрицаю. Это все ложь от начала до конца... Никогда никаких разговоров с Корком о контрреволюционных организациях не вел».

Но ложные показания Уборевича были крайне необходимы, и эти показания были вырваны у него силой. Бывший сотрудник Особого отдела НКВД СССР Авсеевич показал:

«В мае месяце 1937 г. на одном из совещаний пом. нач. отдела Ушаков доложил Леплевскому, что Уборевич не хочет давать показаний, Леплевский приказал на совещании Ушакову применить к Уборевичу физические методы воздействия».

Вскоре после этого Уборевич подписал два заявления на имя Ежова, в которых он признавал свое участие в военном заговоре. Подписал он и протокол допроса с признанием своей вины.

ⁱⁱⁱ Так в документе. Правильно - Киевского военного округа.

Сталин повседневно лично занимался вопросами следствия по делу о военном заговоре, получал протоколы допросов арестованных и почти ежедневно принимал Ежова, а 21 и 28 мая 1937 г. и заместителя наркомвнудела Фриновского, непосредственно участвовавшего в фальсификации обвинения.

30 мая 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение:

«Отстранить тт. Гамарника и Аронштама от работы в Наркомате обороны и исключить из состава Военного Совета, как работников, находившихся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре».

Гамарник в это время по болезни находился на постельном режиме у себя на квартире. По приказанию Ворошилова 31 мая 1937 г. заместитель начальника ПУ РККА Булин и начальник Управления делами НКО Смородинов выехали к Гамарнику и объявили ему приказ НКО об увольнении его из РККА. Сразу же после их ухода Гамарник застрелился. На следующий день в «Правде» и в других газетах было опубликовано:

«Бывший член ЦК ВКП(б) Я. Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и видимо боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством».

С 1 по 4 июня 1937 г. в Кремле на расширенном заседании Военного Совета при наркомате обороны с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждался доклад Ворошилова «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА». Кроме постоянных членов на Военном Совете присутствовало 116 военных работников, приглашенных с мест и из центрального аппарата НКО. Необходимо отметить, что к 1 июня 1937 г. двадцать членов Военного Совета, то есть четверть его состава, уже были арестованы как «заговорщики».

Перед началом работы Военного Совета все его участники были ознакомлены с показаниями Тухачевского, Якира и других «заговорщиков». Это создало напряженную атмосферу с самого первого дня работы Совета.

Широко используя сфабрикованные на следствии ложные показания арестованных, Ворошилов в докладе утверждал:

«Органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии»...

«О том, что эти люди - Тухачевский, Якир, Уборевич и ряд других людей - были между собой близки, это мы знали, это не было секретом. Но от близости, даже от такой групповой близости до контрреволюции очень далеко... В прошлом году, в мае месяце, у меня на квартире Тухачевский бросил обвинение мне и Буденному, в присутствии т. т. Сталина, Молотова и многих других, в том, что я якобы группирую вокруг себя небольшую кучку людей, с ними веду, направляю всю политику и т. д. Потом на второй день Тухачевский отказался от всего сказанного... Тов. Сталин тогда же сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить заседание П[олит] Б[юро] и на этом заседании подробно разобрать в чем тут дело. И вот на этом заседании мы разбирали все эти вопросы и опять-таки пришли к прежнему результату.

Сталин: Он отказался от своих обвинений.

Ворошилов: Да, отказался, хотя группа Якира и Уборевича на заседании вела себя в отношении меня довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении меня очень скверно».

Ворошилов в докладе призывал «проверить и очистить армию буквально до самых последних щелочок...», заранее предупреждая, что в результате этой чистки «может быть в количественном выражении мы понесем большой урон».

Далее Ворошилов заявил:

«Я, как народный комиссар ... откровенно должен сказать, что не только не замечал подлых предателей, но даже когда некоторых из них (Горбачева, Фельдмана и др.) уже начали разоблачать, я не хотел верить, что это люди, как казалось, безукоризненно работавшие, способны были на столь чудовищные преступления. Моя вина в этом огромна. Но я не могу отметить ни одного случая предупредительного сигнала и с вашей стороны, товарищи... Повторяю, что никто и ни разу не сигнализировал мне или ЦК партии о том, что в РККА существуют контрреволюционные конспираторы»... (Там же, л. 66).

2 июня 1937 г. на Военном Совете выступил Сталин. Сославшись на показания самих арестованных, он сделал вывод, что в стране был «военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансирувавшийся германскими фашистами». По его утверждению руководителями этого заговора были Троцкий, Рыков, Бухарин, Рудзутак, Карахан, Енукидзе, Ягода, а по военной линии Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман и Гамарник.

«Это — ядро военно-политического заговора, — говорил Сталин, - ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспособлявало всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов».

Сталин уверял, что из 13 названных им руководителей заговора десять человек, то есть все, кроме Рыкова, Бухарина и Гамарника, являются шпионами немецкой, а некоторые и японской разведок. Так, говоря о Тухачевском и других арестованных военных, Сталин заявил:

«Он оперативный план наш, оперативный план -наше святое-святых передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион... Якир — систематически информировал немецкий штаб... Уборевич - не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал, Карахан – немецкий шпион. Эйдеман - немецкий шпион, Карахан^{iv} информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии».

По словам Сталина, Рудзутак, Карахан, Енукидзе были завербованы немецкой разведчицей-датчанкой, состоявшей на службе у германского рейхсвера, Жозефиной Гензи (Енсен) и она же «помогла завербовать Тухачевского». Эти утверждения Сталина, как видно сейчас из материалов проверки, основывались на ложных показаниях, не заслуживавших никакого доверия, причем в отношении Тухачевского не было вообще и таких показаний.

Используя ложные следственные материалы, Сталин в своем выступлении оклеветал многих советских военных деятелей, назвав их участниками военного заговора, созданного якобы немецким рейхсвером. Обвиняя этих лиц в шпионаже, Сталин на Военном Совете заявил:

«Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор и эти господа взялись за заговор. Рейхсвер хочет, чтобы эти господа систематически доставляли им военные секреты и эти господа сообщали им военные секреты. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось. Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было все готово, чтобы армия перешла к вредительству с тем, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер, и

^{iv} Так в документе. На самом деле в 1928-1929 гг. был военным атташе в Германии был А. И. Корк.

они это дело готовили. Это агентура, руководящее ядро военно-политического заговора в СССР, состоящее из 10 патентованных шпииков и 3 патентованных подстрекателей шпионов. Это агентура германского рейхсвера. Вот основное. Заговор этот имеет, стало быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе и завербовали шпииков, орудовавших в этом деле. Вот обстановка».

Сообщив, что по военной линии уже арестовано 300-400 человек, Сталин высказал обвинение, что дело о военном заговоре все-таки «прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных». Он заявил, что наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем, что внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу.

Выразив недовольство отсутствием разоблачающих сигналов с мест и требуя таких сигналов, Сталин заявил: «Если будет правда хотя бы на 5%, то и это хлеб».

Поверив утверждениям Сталина и Ворошилова и приняв за достоверные показания самих арестованных, участники Военного Совета резко осуждали «заговорщиков», заверяли о своей безграничной преданности партии и правительству. Однако из 42 выступивших по докладу Ворошилова 34 были вскоре сами арестованы как заговорщики. В их числе:

Алкснис Я. И., Белов И. П., Блюхер В. К., Бокис Г. Г., Викторов М.В., Гайлит Я. П., Гринберг И.М., Грязнов И. К., Дубовой И.Н., Душенов К.И., Дыбенко П.Е., Егоров А. И., Жильцов А. И., Кожанов И. К., Криворучко Н. Н., Кулик Г. И., Кучинский Д. А., Левандовский М.К., Лудри И.М., Магер М.П., Мезис А. И., Мерецков К. А., Неронов И.Г., Окунев ГС, Седякин А.И., Сивков А.К., Славин И.Е., Смирнов П. А., Степанов М. О., Троянкер Б.У., Урицкий С. П., Федько И. Ф., Хрипин В. В., Шестаков В. Н.

5 июня 1937 г. Сталин принял Молотова, Кагановича и наркома внутренних дел СССР Ежова. В тот же день из большой группы арестованных в мае 1937 г. военнослужащих были отобраны для судебного процесса по делу «о военном заговоре» Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич, Эйдемман и Фельдман, а для придания делу троцкистской окраски в эту же группу были включены Примаков и Путна, действительно разделявшие до 1927 г. троцкистские взгляды. Индивидуальные уголовно-следственные дела на всех этих лиц 5 июня 1937 г. были объединены в одно групповое дело.

7 июня 1937 г. Сталин, Молотов, Каганович и Ворошилов приняли Ежова и Вышинского. В этот же день был отпечатан окончательный текст обвинительного заключения по делу и в порядке подготовки судебного процесса постановлением Президиума ЦИК СССР были утверждены запасными членами Верховного суда СССР Буденный, Шапошников, Белов, Каширин и Дыбенко. Вслед за этим в НКВД были приняты меры к немедленному окончанию следствия по делу о военном заговоре. 7 июня 1937 г. было предъявлено обвинение Примакову, а 8 июня — Тухачевскому, Якиру, Уборевичу, Корку, Фельдману и Путне по ст. ст. 58-1«б», 58-3, 58-4, 58-6, 58-8 и 58-9 Уголовного кодекса РСФСР (измена Родине, шпионаж, террор и т.п.).

9 июня 1937 г. Вышинский и помощник Главного военного прокурора Субоцкий провели в присутствии следователей НКВД короткие допросы арестованных, заверив прокурорскими подписями «достоверность» показаний, данных арестованными на следствии в НКВД. В архиве Сталина находятся копии этих протоколов допроса. На протоколе допроса Тухачевского имеется надпись: «Т. Сталину. Ежов. 9.VI.1937 г.».

В тот же день, 9 июня 1937 г., Субоцкий объявил обвиняемым об окончании следствия, но в нарушение требований статьи 206 УПК РСФСР не предъявил им уголовного дела и не разъяснил право на осмотр всего производства по делу и на

дополнение следствия.

Перед судом обвиняемым разрешили обратиться с последними покаянными заявлениями на имя Сталина и Ежова, создавая иллюзии, что это поможет им сохранить жизнь. Арестованные использовали предоставленные им возможности написать такие заявления. Так, 9 июня 1937 г. Якир писал:

«Родной близкий тов. Сталин. Я смею так к Вам обращаться, ибо я все сказал, все отдал и мне кажется, что я снова честный, преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной честной работе на виду партии, ее руководителей - потом провал в кошмар, в непоправимый ужас предательства... Следствие закончено. Мне предъявлено обвинение в государственной измене, я признал свою вину, я полностью раскаялся. Я верю безгранично в правоту и целесообразность решения суда и правительства... Теперь я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к Вам, партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма».

На заявлении Якира имеются следующие резолюции:

«Мой архив. Ст[алин]»; «Подлец и проститутка. И.Ст[алин]»; «Совершенно точное определение. К. Ворошилов»; «Молотов». «Мерзавцу, сволочи и бляди одна кара-смертная казнь. Л.Каганович».

В день окончания следствия по делу о военном заговоре, 9 июня 1937 г., Вышинский два раза был принят Сталиным. Во время второго посещения, состоявшегося поздно вечером, в 22 часа 45 минут, присутствовали Молотов и Ежов. В тот же день Вышинский подписал обвинительное заключение по делу.

В обвинительном заключении утверждалось, что в апреле - мае 1937 г. органами НКВД был раскрыт и ликвидирован в г. Москве военно-троцкистский заговор, в «центр» руководства которым входили Гамарник, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман и Фельдман. Военно-троцкистская организация, в которую вступили все обвиняемые по этому делу, образовалась в 1932-1933 гг. по прямым указаниям германского генштаба и Троцкого. Она была связана с троцкистским центром и группой правых Бухарина-Рыкова, занималась вредительством, диверсиями, террором и готовила свержение правительства и захват власти в целях реставрации в СССР капитализма. Обвинение квалифицировалось по ст. ст. 58-16, 58-8 и 58-11 УК РСФСР. При этом государственный обвинитель Вышинский не посчитался с тем, что по ст. 58-11 УК обвинение Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и четырем другим арестованным вообще не предъявлялось.

После приема Вышинского, в 23 часа 30 минут Сталиным, Молотовым и Ежовым был принят редактор «Правды» Мехлис. 11 июня 1937 г. в «Правде» опубликовано сообщение об окончании следствия и предстоящем судебном процессе по делу Тухачевского и других, которые, как говорилось в сообщении, обвиняются в «нарушении воинского долга (присяги), измене Родине, измене народам СССР, измене Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

10 июня 1937 г. состоялся Чрезвычайный Пленум Верховного суда СССР, заслушавший сообщение Вышинского о деле по обвинению Тухачевского и др. Пленум постановил для рассмотрения этого дела образовать Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР в составе Ульриха, Алксниса, Блюхера, Буденного, Шапошникова, Белова, Дыбенко, Каширина и Горячева.

Инициатива создания специального военного суда для рассмотрения дела Тухачевского и др. и привлечения в состав суда широко известных в стране военных руководителей принадлежала Сталину. Выбор их был не случаен. Все они участники Военного Совета при наркоме обороны и выступали на июньском заседании Совета в присутствии Сталина с резким осуждением Тухачевского, Якира, Уборевича, как «заговорщиков». Бывший член Военной коллегии Верховного суда СССР Зарянов,

участвовавший в судебном процессе по делу Тухачевского в качестве секретаря суда, в своем объяснении написал:

«Из разговоров с Ульрихом я понял, что Особое присутствие, членами которого являлись только маршалы и командармы, создано по инициативе Сталина. Целью создания этого специального военного суда Сталин ставил поднять этим авторитет суда и убеждения в правильности приговора».

10 июня 1937 г. состоялось подготовительное заседание Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, вынесшего определение об утверждении обвинительного заключения, составленного Вышинским, и предании суду Тухачевского и других.

В этот же день всем обвиняемым были вручены секретарем суда копии обвинительного заключения, а начальником Особого отдела НКВД Леплевским подписан и представлен Ежову план организации охраны и обеспечения порядка судебного заседания.

Вымогательство следствием показаний у арестованных зашло настолько далеко, что даже после передачи дела Тухачевского и других в суд от них требовали показаний на различных военачальников и, в частности, на самих судей Специального судебного присутствия Верховного суда СССР. Так, 10 июня 1937 г. от Примакова были получены показания, компрометирующие трех членов суда: командармов Каширина, Дыбенко и Шапошникова. В отношении Каширина Примаков показал:

«Осенью 1934 г. в Москве, когда через Фельдмана я связался с Алафузо, он говорил мне одновременно о Козицком и Каширине, как об участниках заговора».

Допрашивавший Примакова следователь Авсеевич в объяснении сообщил:

«На последнем этапе следствия Леплевский, вызвав к себе Примакова, дал ему целый список крупных командиров Советской Армии, которые ранее не фигурировали в показаниях Примакова, и от имени Ежова предложил по каждому из них написать... Так возникли показания Примакова на Каширина, Дыбенко, Гамарника, Куйбышева, Грязнова, Урицкого, Ковалева, Васильева и других... Все, что наговорил Примаков и другие арестованные в то время, является домыслом от начала и до конца, вызванным нарушением элементарных норм законности при ведении следствия и самого суда... Нам, работникам органов НКВД, в то время было известно, что Сталин взял в свои руки руководство органами НКВД, и Ежов, минуя ЦК ВКП(б), подчинялся только Сталину и выполнял только его волю. Такой порядок подчиненности Сталину органов НКВД оставался при Берия и Абакумове и все, что делалось в органах НКВД, все было связано с именем Сталина».

Незадолго до начала судебного процесса было проведено в Особом отделе НКВД СССР оперативное совещание, на котором Леплевский дал указание следователям еще раз убедить подследственных, чтобы в суде они подтвердили свои показания, и заверить их, что «признание» в суде облегчит их участь. Следователи, фабриковавшие дело, сопровождали своих обвиняемых в суд, находились с ними в комнатах ожидания и были в зале суда. О подготовке судебного процесса Авсеевич показал:

«Что же касается подготовки судебного процесса по делу Тухачевского, Примакова и др., то мне известно, что после того, как следствие было окончено, было созвано оперативное совещание, это было за сутки-двое перед процессом, на котором начальник отдела Леплевский дал указание всем лицам, принимавшим участие в следствии, еще раз побеседовать с подследственными и убедить их, чтобы они в суде подтвердили показания, данные на следствии. Накануне суда я беседовал с Примаковым, он обещал подтвердить в суде свои показания. С другими подследственными беседовали другие работники отдела. Кроме того, было дано указание сопровождать своих подследственных в суд, быть вместе с ними в комнате ожидания... Далее я хочу сообщить, что перед самым судебным заседанием по

указанию Леплевского я знакомил Примакова с копиями его же показаний».

В своих последующих объяснениях Авсеевич писал:

«...Накануне процесса арестованные вызывались к Леплевскому, который объявил, что завтра начнется суд и что судьба их зависит от их поведения на суде».

«Перед процессом Примаков вызывался к Ежову, там его, видимо, прощупывали, как он будет себя вести на суде и, как он потом рассказывал, что его уговаривали, что на суде он должен вести так же, как на следствии. Он обещал Ежову на суде разоблачать заговорщиков до конца».

О такой подготовке процесса показания дал также бывший работник НКВД Карпейский.

11 июня 1937 г. Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР рассмотрело в закрытом судебном заседании в Москве дело по обвинению Тухачевского и других. После зачтения обвинительного заключения все подсудимые, отвечая на вопросы председателя суда, заявили, что они признают себя виновными. В дальнейшем они, выполняя требования работников НКВД, подтвердили в суде в основном те показания, которые дали на следствии.

Вот некоторые моменты, характеризующие ход судебного процесса.

Выступление Якира на судебном процессе в соответствии с замыслами организаторов давало линию и для других подсудимых на разоблачение происков Троцкого и фашистских государств против СССР, причем всячески подчеркивалась роль Тухачевского в заговоре.

Однако, когда Блюхер, пытаясь конкретизировать подготовку поражения авиации Красной Армии в будущей войне, задал об этом вопрос, то Якир ответил: «Я вам толком не сумею сказать ничего, кроме того, что написал следствию».

На вопрос председателя суда о том, в чем выразилось вредительство по боевой подготовке, Якир уклончиво заявил: «Я об этом вопросе говорил в особом письме».

Допрос Тухачевского и Уборевича велся в суде в форме вопросов и ответов, при этом Ульрих неоднократно прерывал их своими замечаниями. Тухачевский в суде некоторые обвинения не подтвердил. Когда же Уборевич стал отрицать обвинения во вредительстве, шпионаже, тогда суд прервал его допрос, а после перерыва, продолжавшегося один час, перешел к допросу других подсудимых.

Следствие большие надежды возлагало на показание Корка. Его особенно тщательно подготовили к процессу и предоставили возможность произнести «разоблачительную» речь, занявшую 20 листов стенограммы суда. Последующие допросы Эйдемана, Путны и Примакова снова велись в вопросно-ответной форме. При допросе в суде Эйдемана ему были заданы всего три вопроса.

Фельдман так же, как и Корк, был «надеждой» органов следствия. Перед допросом он обратился к суду со следующей просьбой:

«Я просил бы, гр[аждани]н председатель, позволить мне вкратце (я долго не буду задерживать Вашего внимания) рассказать то, что мне известно как члену центра, то, что я делал. Я думаю, это будет полезно не только суду, но и всем тем командирам, которые здесь присутствуют».

Разрешение, конечно, последовало. Выступление Фельдмана заняло 12 листов стенограммы.

В суде обстоятельства дела были исследованы крайне поверхностно и неполно. Вопросы, задававшиеся подсудимым, носили тенденциозный, наводящий характер. Суд не только не устранил наличие существенных противоречий в показаниях подсудимых о времени образования заговора, об их вступлении в него, о составе «центра» заговора, о практическом участии в заговорщической деятельности, но даже фактически замаскировал эти противоречия, что освещено в следующем разделе справки.

Суд не истребовал никаких объективных документальных доказательств и свидетельств, необходимых для оценки правильности тех или иных обвинений, не вызвал никаких свидетелей и не привлек к рассмотрению дела авторитетных экспертов.

Весь судебный процесс по делу Тухачевского и других стенографировался. Однако правкой и корректировкой стенограммы суда занимались те же работники НКВД, которые вели следствие, и, в частности, фальсификатор дела Ушаков-Ушамирский. Этим и объясняются многочисленные случаи искажения показаний, встречающиеся в стенограмме. Одна из стенографисток процесса Тимофеева, член КПСС с 1938 г., сравнив свою подлинную стенографическую запись с расшифровкой, в объяснениях в Парткомиссию при ЦК КПСС в 1962 году написала:

«Я работала стенографисткой на процессе по делу Тухачевского и других... В предъявленной мне правленной официальной стенограмме судебного заседания по делу Тухачевского и других, том № 15, лист дела 154, неизвестно кем, с прямой целью фальсификации того, что говорил Тухачевский, было вставлено слово «японским» генеральным штабом, и получилось, что Тухачевский признал в последнем слове на суде, что он был связан с японским генеральным штабом. На самом деле в стенограмме суда, которую я вела, об этой связи Тухачевский не говорил, и этих слов в стенографической записи нет...

На листе 144 официальной стенограммы суда (том 15) указывается, что Фельдман показал суду: «Разумеется, что хотя мои данные по сравнению с теми, какие передавали немцам, японцам и полякам Тухачевский и другие, являются не особенно ценными, тем не менее я должен признать, что занимался шпионажем, ибо эти сведения были секретными». Здесь тоже допущена фальсификация, т. к. на самом деле в стенографической записи суда, которую я вела на листе № 133, мною было записано: «Разумеется, если меня спросят, да, преступления государственные, преступление, хотя это пустяковые сведения, но все-таки это есть преступление, государственная измена, так и надо назвать это дело».

Произнося последнее слово в суде, все подсудимые продолжали клеветать на себя. Вместе с тем клялись в любви и преданности Родине, партии и Сталину.

Судьба же их была предрешена заранее. Бывший секретарь суда Зарянов сообщил:

«О ходе судебного процесса Ульрих информировал И. В. Сталина. Об этом мне говорил Ульрих. Он говорил, что имеются указания Сталина о применении ко всем подсудимым высшей меры наказания - расстрела».

Объяснение Зарянова о встрече Сталина с Ульрихом подтверждается регистрацией приема Сталиным Ульриха 11 июня 1937 г. Из записи видно, что при приеме Ульриха Сталиным были Молотов, Каганович и Ежов.

В день суда в республики, края и области Сталиным было направлено следующее указание:

«Нац[иональным] ЦК, крайкомам, обкомам. В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими, ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд должно быть будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е. двенадцатого июня. 11.VI. 1937 г. Секретарь ЦК Сталин».

В 23 часа 35 минут 11 июня 1937 г. председательствующим Ульрихом был оглашен приговор о расстреле всех восьми осужденных с конфискацией всего лично им принадлежавшего имущества и лишением присвоенных им воинских званий.

В ночь на 12 июня Ульрих подписал предписание коменданту Военной коллегии Верховного Суда СССР Игнатьеву - немедленно привести в исполнение приговор о расстреле

Тухачевского и других осужденных. Акт о расстреле был подписан присутствовавшими при исполнении приговора Вышинским, Ульрихом, Цесарским, а также Игнатьевым и комендантом НКВД Блохиным.

После суда Буденный представил Сталину 26 июня 1937 г. докладную записку о своих впечатлениях от этого процесса. Он писал:

«Тухачевский с самого начала процесса суда при чтении обвинительного заключения и при показании всех других подсудимых качал головой, подчеркивая тем самым, что, дескать, и суд, и следствие, и все, что записано в обвинительном заключении,- все это не совсем правда, не соответствует действительности. Иными словами, становился в позу непонятого и незаслуженно обиженного человека, хотя внешне производил впечатление человека очень растерянного и испуганного. Видимо, он не ожидал столь быстрого разоблачения организации, изъятия ее и такого быстрого следствия и суда... На заседании суда Якир остановился на сущности заговора, перед которым стояли задачи реставрации капитализма в нашей стране на основе фашистской диктатуры...

В последующих выступлениях подсудимых, по сути дела, все они держались в этих же рамках выступления Якира.

Тухачевский в своем выступлении вначале пытался опровергнуть свои показания, которые он давал на предварительном следствии. Тухачевский начал с того, что Красная Армия до фашистского переворота Гитлера в Германии готовилась против поляков и была способна разгромить польское государство. Однако при приходе Гитлера к власти в Германии, который сблизился с поляками и развернул из 32 германских дивизий 103 дивизии, Красная Армия, по сравнению с германской и польской армиями, по своей численности была на 60-62 дивизии меньше... Тухачевский пытался популяризировать перед присутствующей аудиторией на суде как бы свои деловые соображения в том отношении, что он все предвидел, пытался доказывать правительству, что создавшееся положение влечет страну к поражению и что его якобы никто не слушал. Но тов. Ульрих, по совету некоторых членов Специального присутствия, оборвал Тухачевского и задал вопрос: Как же Тухачевский увязывает эту мотивировку с тем, что он показал на предварительном следствии, а именно, что он был связан с германским генеральным штабом и работал в качестве агента германской разведки еще с 1925 г. Тогда Тухачевский заявил, что его, конечно, могут считать и шпионом, но что он фактически никаких сведений германской разведке не давал...

Уборевич в своем выступлении держался той же схемы выступления, что и Якир...

Корк показал, что ему все же было известно, что руководители военно-фашистской контрреволюционной организации смотрят на связь с Троцким и правыми, как на временное явление. Эйдеман на суде ничего не мог сказать... Путна — этот патентованный шпик, убежденный троцкист... показал, что, состоя в этой организации, он всегда держался принципов честно работать на заговорщиков и в то же самое время сам якобы не верил в правильность своих действий... Примаков держался на суде с точки зрения мужества, пожалуй, лучше всех... Примаков очень упорно отрицал то обстоятельство, что он руководил террористической группой против тов. Ворошилова в лице Шмидта, Кузьмичева и других... Фельдман показал то же самое, что и Корк».

Описывая последнее слово подсудимых, Буденный отмечал, что Якир, Уборевич, Путна, Фельдман говорили, что признались и раскаялись они «в стенах НКВД».

В конце докладной записки Сталину Буденный сообщает:

«1. ...для того, чтобы скрыть свою шпионскую и контрреволюционную деятельность до 1934 года, подсудимые, разоблаченные в этом Корком, пытались выставить Корка как вруна и путаника. 2. Участие Гамарника в заговоре все подсудимые безусловно пытались скрыть... 3. ...Подсудимые, хотя и заявили о том, что они пораженческого

плана германскому генштабу не успели передать, я же считаю, что план поражения красных армий, может быть не столь подробный, все же германской разведке был передан».

Другой член военного суда Белов 14 июля 1937 г. писал Ворошилову:

«Буржуазная мораль трактует на все лады — «глаза человека – зеркало его души». На этом процессе за один день, больше чем за всю свою жизнь, я убедился в лживости этой трактовки. Глаза всей этой банды ничего не выражали такого, чтобы по ним можно было судить о бездонной подлости сидящих на скамьях подсудимых. Облик в целом у каждого из них... был неестественный. Печать смерти уже лежала на всех лицах. В основном цвет лиц был так называемый землистый... Тухачевский старался хранить свой «аристократизм» и свое превосходство над другими... Попытался он продемонстрировать и свой широкий оперативно-тактический кругозор. Он пытался бить на чувства судей некоторыми напоминаниями о прошлой совместной работе и хороших отношениях с большинством из состава суда. Он пытался и процесс завести на путь его роли, как положительной, и свою предательскую роль свести к пустячкам...

Уборевич растерялся больше первых двух. Он выглядел в своем штатском костюмчике, без воротничка и галстука, босяком...

Корк, хотя и был в штатском костюме, но выглядел как всегда по-солдатски... Фельдман старался бить на полную откровенность. Упрекнул своих собратьев по процессу, что они как институтки боятся называть вещи своими именами, занимались шпионажем самым обыкновенным, а здесь хотят превратить это в легальное общение с иностранными офицерами. Эйдеман. Этот тип выглядел более жалко, чем все. Фигура смякла до отказа, он с трудом держался на ногах, он не говорил, а лепетал прерывистым глухим спазматическим голосом. Примаков - выглядел сильно похудевшим, показывал глухоту, которой раньше у него не было. Держался на ногах вполне уверенно... Путна только немного похудел, да не было обычной самоуверенности в голосе...

Последние слова все говорили коротко. Дольше тянули Корк и Фельдман. Поощады просили Фельдман и Корк. Фельдман даже договорился до следующего: «Где же забота о живом человеке, если нас не помилуют». Остальные все говорили, что смерти мало за такие тяжкие преступления... Клялись в любви к Родине, к партии, к вождю народов т. Сталину...

Общие замечания в отношении всех осужденных: 1. Говорили они все не всю правду, многое унесли в могилу. 2. У всех них теплилась надежда на помилование; отсюда и любовь словесная к Родине, к партии и к т. Сталину».

О поведении Тухачевского, Якира и других при их расстреле член КПСС с 1918 г. Тодорский А. И. сообщил:

«Через несколько дней после расстрела нарком обороны К. Е. Ворошилов рассказывал нам... что во время казни обреченные на смерть товарищи выкрикивали: «Да здравствует Сталин!», «Да здравствует коммунизм!». Сейчас, когда эти неподкупные люди полностью реабилитированы и в советском, и в партийном порядке, мы видим, что даже перед лицом неотвратимой незаслуженной смерти они нашли в себе силу духа гордо заявить, что они умирают коммунистами».

После казни Тухачевского и других по указанию Сталина повсеместно были проведены собрания и митинги, на которых создавалось против них общественное мнение. Сообщения о приговоре и приведении его в исполнение были опубликованы во всех газетах и объявлены в приказе Ворошилова по армии. Все это вело к дезинформации партийных органов, военных организаций и советской общественности о положении дел в Красной Армии и превозносило значение и роль НКВД в жизни нашей страны. Вскоре после процесса над Тухачевским большая

группа работников НКВД во главе с Ежовым была награждена орденами.

III. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ СЛЕДСТВИЯ И СУДА

Изучение уголовного дела показало, что никаких законных оснований к аресту Тухачевского, Якира, Уборевича и других военных деятелей не было. Органы НКВД арестовали их в нарушение Конституции СССР, вопреки требованиям уголовных и уголовно-процессуальных законов, без санкции прокурора или постановления суда, по прямому произволу Сталина и Ежова. В деле нет объективных доказательств, подтверждающих совершение кем-либо из обвиняемых государственных преступлений. Обвинения в этих преступлениях являются ложными и базируются лишь на противоречивых «признательных» показаниях арестованных, навязанных им работниками НКВД преступными методами проведения следствия по делу.

а) Ложные обвинения в «военном заговоре»

Следствие не располагало никакими объективными доказательствами о заговоре в Красной Армии. Однако пытаясь обосновать наличие военного заговора, следствие сфабриковало пять противоречащих друг другу предположений об обстоятельствах возникновения заговора. По делу получается, что заговор возник: 1) по инициативе Тухачевского, в его бонапартистских целях; 2) по директиве Троцкого; 3) по указанию центра правых; 4) по решению блока троцкистско-зиновьевской и правой организации; 5) по установкам, исходившим от генштаба Германии.

Вот как выглядят некоторые стороны этих вымышленных обстоятельств возникновения заговора:

1. О бонапартистских целях Тухачевского вымышленные показания были получены от Корка. По утверждению Корка, Тухачевский в 1934 г. в присутствии Путны якобы высказался за установление в стране военной диктатуры. Эти показания Корка Тухачевский не подтвердил. Не нашли они подтверждения и в показаниях Путны.

Знавшие же хорошо Тухачевского по совместной работе полковник Иссерсон (член КПСС с 1919 г.), генерал-лейтенант Тодорский (член КПСС с 1918 г.) и другие охарактеризовали его как человека глубоко партийного, которому были чужды идеи бонапартизма. В частности, по поводу обвинений Тухачевского в бонапартизме бывший заместитель начальника оперативного отдела Генштаба Иссерсон написал в Парткомиссию при ЦК КПСС следующее:

«Все это, конечно, грубая фальсификация, которая характеризует всю версию об «антисоветском военном заговоре». Военные работники ценили и уважали Тухачевского за его незаурядные военные способности... Тухачевский однако не имел никакого своего окружения и не группировал вокруг себя так называемых «любимчиков». Кстати, Тухачевский не имел никакого влияния на назначения командного состава и эти назначения производились помимо него и часто вопреки ему. Поэтому Тухачевский не имел среды, на которую мог бы опираться... Тухачевский несомненно понимал это свое положение и мне представляется совершенно невероятным, чтобы в этих условиях у него могли зародиться какие-либо «бонапартистские» тенденции и замыслы. Тухачевский был слишком умным человеком, чтобы не понимать, что при первой же попытке в этом направлении он при наличии сильной, монолитной коммунистической партии повиснет в воздухе и сломает себе шею... Тухачевский достиг высшего положения в армии и все имел».

Прав Тодорский, показывая в своей работе «Маршал Тухачевский», что клеветническое приписывание бонапартистских замыслов по отношению к пролетарской революции представляло собой «черное дело политической

дискредитации Тухачевского». «Культ личности, - пишет далее Тодорский, - не только уничтожил Тухачевского. На протяжении многих лет он подрывал его высокий авторитет и порочил доброе имя».

2. Утверждение о возникновении заговора по директиве Троцкого следствие пыталось обосновать вымышленными показаниями о наличии у Тухачевского связей с Троцким через Ромма, Путну, Пятакова и Примакова. Например, о связи Тухачевского с Троцким через корреспондента ТАСС в Женеве Владимира Ромма арестованный Фельдман 23 мая 1937 г. писал:

«Предполагаю, что Тухачевский сносился с Троцким через Ромма. В 1932 г., когда я ехал в Германию вместе с Тухачевским, последний познакомил меня с Роммом в вагоне. Перед отходом поезда из Москвы Тухачевский и Ромм о чем-то таинственно разговаривали на платформе станции. Судя по тому, как Тухачевский уединялся с Роммом, встречался в Берлине, я заключаю, что Ромм являлся связующим звеном между Тухачевским и Троцким».

Располагая этими предположениями Фельдмана, следствие 27 мая 1937 г. добилось от Тухачевского признания, что связь с Троцким он установил через Ромма в 1932 году. Этот вымысел Тухачевский вынужден был подтвердить и на суде:

«Когда в 1932 г. Ромм привез мне предложение Троцкого собирать троцкистские кадры, я согласился на это. Таким образом, я считаю начало организации нашего военного заговора с 1932 г.».

Наличие у Ромма преступных связей и встреч с Троцким и Седовым ничем не доказано. Показаний Ромма, арестованного в 1936 г. и осужденного в марте 1937 г., в деле Тухачевского нет, а из дела Ромма видно, что он в своих показаниях имя Тухачевского вообще не упоминал. В феврале 1958 г. Ромм (член партии с 1918 г.) посмертно реабилитирован.

О связях Тухачевского с Седовым и Троцким показал Путна. В частности, на следствии он заявил, что, находясь в сентябре 1935 г. в Лондоне и узнав о вызове в Москву, он сообщил об этом в Париж сыну Троцкого - Седову. От последнего с нарочным был доставлен пакет, в котором находились записка Седова к Путне и «доверительное письмо, написанное и подписанное лично Троцким» для Тухачевского. Выполняя задание Седова, он — Путна в первых числах октября 1935 г. якобы вручил Тухачевскому письмо Троцкого. Ознакомившись с письмом, Тухачевский просил Путну «передать устно, что Троцкий может на него рассчитывать».

Тухачевский на следствии и в суде упоминал только о письме Седова, якобы доставленном ему Путной, и ни разу не говорил о письме Троцкого, о чем показал Путна. Несмотря на это, следствие и суд предпочли замолчать это противоречие, вскрывающее ложность показаний, чтобы не лишиться столь важного «обвинения».

Вымогая показания от Тухачевского и Путны, следствие добилось «признания» ими факта личной встречи с Седовым, якобы устроенной Тухачевскому Путной в 1936 г. в кафе в Париже. Между тем, о пребывании Тухачевского в Париже с 10 по 16 февраля 1936 г. поступала подробная информация как от советского военного атташе во Франции Венцова, так и по линии органов НКВД, но сведений о его встрече с Седовым она не содержала. В ходе настоящей проверки быв. работник ИНО НКВД член КПСС с 1923 г. Афанасьев по этому вопросу объяснил:

«С 1932 по 1938 г. я находился непрерывно на нелегальной разведывательной работе за рубежом. Я возглавлял нелегальную резидентуру в Париже, которая занималась, главным образом, разработкой деятельности сына Троцкого - Седова и его окружения... мы были в курсе дела самой засекреченной конспиративной деятельности Троцкого и Седова. Поэтому, когда ставится вопрос, могли ли иметь место встречи Седова с Тухачевским, Путной и другими военными деятелями

Советского Союза, о чем говорилось на процессах, имевших место в Москве с 1936 по 1938 г., то можно утверждать, что это не соответствует действительности... те агентурные и документальные материалы, которые мы получали в процессе разработки Троцкого, Седова, Клемана и частично РОВСа в Париже, ни прямо, ни косвенно не подтверждали те обвинения, которые выдвигались против обвиняемых на процессах... и в особенности обвинения, которые выдвигались против военных деятелей Красной Армии в связи с делом Тухачевского, Корка, Гамарника, Путны и др.».

В материалах дела фигурируют еще два фиктивных канала связи Тухачевского с Троцким - через Примакова и Пятакова. Однако о встречах и разговорах с Тухачевским Пятаков никаких показаний на следствии и в суде, который проходил до суда над Тухачевским, не давал, а Радек на вопросы Вышинского в суде о причастности Тухачевского к троцкистской организации ответил отрицательно.

Что же касается Примакова, то он утверждал, что личных связей за границей с Троцким ему завязать не удалось.

3. После получения от Тухачевского показаний о том, что еще в 1928 г. Енукидзе втянул его в организацию правых, были получены у него же показания и о возникновении в 1932 г. военного заговора «на платформе правых взглядов».

Показаний Енукидзе в деле Тухачевского и других нет, но изучение дела Енукидзе показало, что он и не давал показаний о вербовке им Тухачевского в организацию правых и о встречах с ним в 1928-1930 гг.

Вымогая ложные показания у арестованных о возникновении военного заговора по решениям центра правых и правотроцкистского блока, следствие широко использовало ссылку арестованных на то, что об этом они слышали от Томского, покончившего к этому времени жизнь самоубийством. Так, на допросе 30 мая 1937 г. Енукидзе показал:

«...центром правых было принято решение о создании военной организации...» «На мой вопрос, кем же привлечен в организацию Тухачевский, Томский ответил, что А. И. Рыковым».

На следствии по делу Тухачевского это показание Енукидзе предпочли замолчать... На вопросы же суда о взаимоотношениях с правыми Тухачевский ответил, что «с Рыковым у меня разговоров никаких не было».

Проверка показала, что Рыков о вербовке им Тухачевского показаний вообще не давал, но в «личных» показаниях от 6 июня 1937 г. упоминал, что он якобы слышал от Томского, что Тухачевский, Корк, Путна и Уборевич «примкнули» к правым.

4. О наличии связи у военных заговорщиков с «правотроцкистским блоком» Енукидзе под воздействием следствия показал:

«В конце 1932 г. ...Томский мне сообщил следующее: по решению блока троцкистско-зиновьевской и правой организации, создан единый центр военных организаций. В этот центр входят **Корк, Путна и Примаков**. Центром руководит Тухачевский».

2 июня 1937 г., то есть через три месяца после ареста, следствие получило от Бухарина «личные показания», в которых он писал:

«Следует остановиться на создании общего центра, куда входили правые Томский и Рыков, зиновьевцы – Каменев, Сокольников, троцкисты - Пятаков, военные - Тухачевский, Корк и Ягода. Об образовании такого центра мне сообщил в свое время Томский... Не могу сказать, собирался ли когда-либо этот объединенный центр».

На допросе 14 июня 1937 г. Бухарин изменил показание о составе центра, исключив из него военных Тухачевского и Корка.

Необходимо отметить, что о каких-либо переговорах с Томским Тухачевский, Якир, Уборевич и другие обвиняемые по этому делу на следствии и в суде показаний не давали. На следствии Тухачевский показал:

«Связь между военным центром и правыми поддерживалась мной через Горбачева и Петерсона, которые были связаны с Енукидзе, Ягодой, Бухариным и Рыковым».

Из дела комкора Горбачева, члена ВКП(б) с 1917 г., видно, что он в суде виновным себя не признал и от показаний на следствии отказался, как данных под принуждением следователей Ушакова и Стромина. Горбачев заявил суду, что показания Тухачевского, Корка, Енукидзе и других ему известны, но что они являются ложными.

Бухарин и Рыков о связях с Тухачевским через Горбачева и Петерсона показаний также не давали. В 1956 г. Горбачев и Петерсон посмертно реабилитированы.

Проверкой личных партийных дел и других данных в партийных архивах установлено, что Тухачевский, Якир, Уборевич, Эйдеман, Корк и Фельдман в оппозициях не участвовали и к антипартийным группировкам не принадлежали. В суде Тухачевский заявлял:

«Я всегда во всех случаях выступал против Троцкого, когда бывала дискуссия, точно так же выступал против правых... Так что я на правых позициях не стоял... Что касается моего выступления против Троцкого в 1923 году, то мною лично был написан доклад по этому поводу и послан в ЦК».

В собственноручных показаниях на следствии Якир упоминал:

«Я, стоя на ленинских позициях, вел с троцкизмом в Киеве борьбу... я всегда держался правильной партийной позиции... Мне предложил нарком пойти вместо Бубнова начальником ПУРа. Это было после большой борьбы в армии с так называемой белорусско-толмачевской оппозицией, в вопросе о которой я держался совершенно правильной позиции и был одним из командиров, приложивших много труда к ее ликвидации»!

В суде Якир утверждал:

«В течение многих лет я был честным, преданным и самоотверженным солдатом страны, армии, партии... в 1923, 1927 г. ... я стоял на правильных ленинских позициях... боролся с оппозицией».

В заявлении на имя Ежова от 9 июня 1937 г. Уборевич писал:

«Я пришел в революцию из среды простого трудового народа и не колебался в самые трудные годы борьбы за Советскую власть как в гражданскую войну, так и в последующие годы... Я имел таких замечательных политических воспитателей, как Орджоникидзе, некоторые годы Микоян и другие. Я не был никогда троцкистом, зиновьевцем или... правым».

Таким образом, все эти четыре утверждения об истоках возникновения военного заговора так же, как и пятое утверждение о деятельности заговорщиков по установкам германского генштаба, о чем будет изложено ниже, материалами дела не подтверждаются, они крайне противоречивы, построены на запутанных показаниях, полученных следствием от арестованных преступным путем.

Крайне противоречивы показания арестованных и о наличии «центра» заговора, «запасного» и «параллельного» центров и о террористических намерениях заговорщиков.

По выводам обвинительного заключения и по приговору суда, военно-фашистская организация действовала под руководством «центра» в составе Гамарника, Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана. Проверка материалов дела и анализ «доказательств обвинения» показывают, что никакого антисоветского военного «центра» в РККА в тридцатых годах не существовало. Наличие «центра», руководившего якобы военным заговором, было сфабриковано в процессе следствия на основе «признательных» показаний арестованных, полученных в результате применения к ним незаконных методов следствия.

Прямых показаний о вхождении в центр военного заговора начальника

Политического управления РККА Гамарника следователи Ушаков, Карелин и Литвин добились от Тухачевского и Уборевича только за два дня до судебного процесса. Отвечая на вопросы суда, Тухачевский, характеризуя взаимоотношения с Гамарником, заявил: «Я был по западным делам, Гамарник — по восточным... я бы сказал, что здесь было как бы двоецентрие».

Наряду с фальсификацией следственных материалов об «основном центре» военного заговора следователь Ушаков пытался доказать наличие в организации «запасного центра», возглавляемого Якиром.

В дальнейшем не обошлось и без фабрикации тем же Ушаковым еще одного центра военного заговора - «параллельного», возглавлявшегося якобы командармом 2 ранга Халепским. Однако Тухачевский никаких показаний о наличии «параллельного центра» не давал и Халепского среди лиц, «завербованных» им в заговор, не называл. В 1956 г. Халепский был посмертно реабилитирован.

Для придания видимости наличия военного заговора и его «центра» следствие широко освещало в протоколах допроса арестованных вербовку новых членов для антисоветской деятельности. Почти все лица, которые назывались Тухачевским и другими, тогда же незаконно были арестованы и неосновательно осуждены (в настоящее время после проведенной проверки их дел, подтвердившей фальсификацию обвинения, они посмертно реабилитированы).

О времени, месте и обстоятельствах так называемых вербовок в военный заговор Тухачевский и другие арестованные давали на следствии неправдоподобные и противоречивые описания. Так, по показаниям Тухачевского, он завербовал в заговор Эйдемана и Аппогу во время пленума Реввоенсовета СССР, Горбачева во время сессии ЦИК СССР в Кремле, начальника отдела внешних сношений Наркомата обороны Геккера - на одном из дипломатических приемов.

Обвинение в терроре также основывалось на противоречивых показаниях, «добытых» следствием у Тухачевского, Фельдмана и Путны. Показания Тухачевского оказались «косвенными»: он их давал якобы «со слов» Примакова. Но на следствии и в суде Примаков отрицал подготовку им терактов и утверждал, что ему вообще не было известно, чтобы и Шмидт с Кузьмичевым готовили их.

Также полностью опровергается и другая линия ложных обвинений в терроре, которая следствием навязана была арестованному Путне и в соответствии с которой Дрейцер, а не Тухачевский и Примаков, поручал Шмидту и Кузьмичеву совершить теракт над Ворошиловым.

Лживый характер обвинений в подготовке теракта над Ворошиловым вскрыла проверка дела Кузьмичева и Шмидта, расстрелянных в июне 1937 г. и реабилитированных в 1957 г. В заявлении Сталину комдив Шмидт (член ВКП(б) с 1915 г.) писал:

«Все обвинения - миф, показания мои - ложь 100%. Почему я давал показания, к этому мало ли причин... Я у Вас прошу не милости. После моего разговора с Вами совершить какое-нибудь преступление перед партией, это было бы в меньшей мере вероломство. Да, этому названия нет. Пишу я Вам, зная, что Вы можете все проверить... Дорогой т. Сталин! Самое основное, что я ни в чем не виновен... Честному человеку, бойцу и революционеру не место в тюрьме...»

В основе обвинения во вредительстве были бездоказательные «признания» Тухачевского, Якира, Уборевича и других арестованных, находившиеся в полном противоречии с действительностью, с активной и плодотворной работой всех этих лиц по укреплению обороны Советского государства и боеготовности наших Вооруженных Сил. Никаких объективных доказательств совершения вредительских актов обвиняемыми в материалах дела нет. Исследование вопроса о военной деятельности Тухачевского, Уборевича, Якира и других, проведенное в ходе

настоящей проверки Военно-научным управлением Генштаба, полностью опровергает обвинение их во вредительстве.

б) Ложные обвинения в измене Родине

Одним из обстоятельств возникновения заговора является, по утверждению следствия, связь заговорщиков с генеральным штабом Германии. При фабрикации такого обвинения в измене Родине следствием были использованы прежде всего официальные встречи советских военных руководителей с представителями немецкой армии.

Известно, что в 1922 г. РСФСР был заключен с Германией Рапалльский договор, установивший нормальные дипломатические отношения между обоими государствами. Развитие мирных отношений между Советским государством и Германией привело в 1922-1923 гг. к переговорам и заключению соглашения исключительно оборонительного характера о сотрудничестве между Красной Армией и германским рейхсвером. Сотрудничество это было обусловлено взаимными интересами обеих сторон. Советское командование стремилось использовать главным образом технический опыт немцев в целях укрепления боеспособности Красной Армии. Руководство рейхсвера со своей стороны добивалось получить возможность проводить обучение на нашей территории военных летчиков и танкистов, что осуществлять в самой Германии было затруднено по условиям Версальского договора.

Вот что говорится по этому вопросу в заключении советского Генштаба:

«Наибольшие результаты давали нам командировки командного состава Красной Армии в Германию на маневры, полевые поездки и академические курсы... общее количество ездивших в Германию по линии военведа только за 1925-1931 гг. составило 156 человек, из которых около 50 % было командировано для изучения общевойсковых вопросов и вопросов штабной службы, остальные же для изучения различных специальных вопросов и по особым заданиям РВС СССР».

В 1927-1928 гг. в германской военной академии учились Якир, Уборевич, Эйдеман, в 1930-1931 гг. – Егоров, Белов, Дыбенко. Организацию штабной службы в германском рейхсвере изучали Путна, Фельдман, Мерецков, Штерн и другие; методику полевой подготовки немецких войск - Тимошенко, Горбачев; организацию авиации - Алкснис, Меженинов и т. д. Для ознакомления с германскими военными заводами выезжали Уборевич, Триандафиллов, Берзин (1930), Ефимов (1931). Для этой же цели и для присутствия на маневрах в Германию ездили Тухачевский, Фельдман (1932). Кроме того, советскими военными атташе в Берлине были Корк с 1928 по 1929 г. и Путна с 1929 по 1931 г.

С приходом в 1933 г. Гитлера к власти сотрудничество с рейхсвером прекратилось, а немецкие генералы Гаммерштейн, Адам, Боккельберг и другие «восточные ориентанты», с которыми ранее встречались наши представители, были заменены.

Между тем в обвинительном заключении по делу Тухачевского и других о возникновении заговора утверждалось:

«В 1932-1933 гг. по прямым указаниям германского генерального штаба и его агента врага народа Л. Троцкого образовалась военно-троцкистская организация».

Все подсудимые в приговоре объявлялись руководителями военно-фашистской организации, деятельность которой «проводилась под непосредственным руководством германского генерального штаба и его агента - врага народа Л. Троцкого».

Суд признал также, что Тухачевский, Якир, Уборевич, Путна, Эйдеман и Корк, войдя в преступную связь с военными кругами Германии, систематически передавали

германскому генштабу совершенно секретные сведения, представляющие важнейшую государственную тайну об организации, вооружении и снабжении Красной Армии, а польской разведке передали планы Летичевского укрепленного района.

При допросе в суде Якир и Уборевич отрицали обвинение в шпионаже. Так, на вопрос Дыбенко, обращенный к Якиру: «Вы лично, когда конкретно начали проводить шпионскую работу в пользу германского генерального штаба?» - подсудимый Якир ответил: «Этой работы лично непосредственно я не начинал».

Когда Дыбенко спросил Уборевича: «Непосредственно шпионскую работу вы вели с немецким генеральным штабом?» - Уборевич ответил суду: «Не вел никогда».

На вопрос Ульриха, адресованный Тухачевскому: «Вы утверждаете, что к антисоветской деятельности примкнули с 1932 года. А Ваша шпионская деятельность - ее вы считаете антисоветской? Она началась гораздо раньше», - последовал ответ Тухачевского: «Я не знаю, можно ли было считать ее шпионской...»

В материалах следствия и суда нет ни слова о вербовке немецкой, польской или иной иностранной разведкой кого-либо из обвиняемых. При этом за шпионаж в деле выдавались любые разговоры по военным вопросам с иностранцами при официальных встречах с ними. Признания подсудимых в шпионаже носили явно вымышленный характер, навязанный следствием. Даже при обосновании обвинения в шпионаже в обвинительном заключении и в приговоре приводилось лишь несколько фактов, да и то все они относились к Тухачевскому и в одном случае к Путне.

Конкретных же фактов передачи Якиром, Уборевичем, Корком и Эйдемманом шпионских сведений в этих документах не приводится.

В приговоре без обоснования указано, что Тухачевский передал в 1932 году начальнику штаба рейхсвера генералу Адаму сведения о вооружениях Красной Армии. Действительно, в показаниях Тухачевского в мае 1937 г. указывалось, что при встрече с Адамом во время германских маневров в 1932 г. он передал ему сведения о размере вооружений Красной Армии. Однако же в показаниях на следствии в июне 1937 г. и в суде о передаче Адаму таких сведений Тухачевский уже не упоминает. Следствие и суд не интересовались конкретным содержанием этих сведений и сам он по этому вопросу показаний не давал. Что же касается показания Тухачевского на следствии о том, что он будто бы выдал Адаму на банкете тайну о 150 дивизиях, которые в войне против Польши будут развернуты Советским Союзом, то в суде он пояснил, что Адаму он сказал иное, именно, что Красной Армией к тому времени уже было развернуто 150 дивизий. Сомнительно, чтобы Тухачевский мог вообще говорить о таких сведениях на официальном банкете. Но если предположить, что это количество дивизий было Тухачевским все же названо Адаму, как об этом сказано в показаниях на следствии от 1 июня и в суде, то такое сообщение Тухачевского надо считать прямой дезинформацией с его стороны, так как в действительности в тот период Красная Армия имела не 150, а значительно меньше дивизий, и в войне против Польши по оперативному плану 1931 - 1932 гг. предполагалось использовать лишь 94 стрелковых и 12 кавалерийских дивизий.

Следствие и суд обязаны были провести квалифицированную экспертизу по вопросу о том, соответствовали ли действительности эти сведения и представляли ли они, как и иные «разглашенные» Тухачевским данные, о которых будет сказано ниже, государственную и военную тайну, но этого сделано не было.

Далее суд признал Тухачевского виновным в том, что он передал немецкому генералу Боккельбергу, приезжавшему в Москву в мае 1933 г., сведения о мощности ряда военных заводов. Показания, навязанные Тухачевскому следствием, не содержат никаких конкретных данных об этих военных заводах, а поэтому на основании их нельзя было вообще судить о том, содержали ли они военную и государственную тайну.

Присутствовавший при приеме Тухачевским Боккельберга и при посещении немецкими представителями военных заводов полковник Сухоруков (член КПСС с 1917 г.) объяснил:

«В мае 1933 г. в СССР приезжала группа офицеров рейхсвера для ознакомления с некоторыми заводами военной промышленности. Во главе этой группы стоял генерал Боккельберг — начальник вооружения рейхсвера. Это был ответный визит на осмотр военных предприятий военной промышленности Германии М.Н. Тухачевским. Как обычно, программа показа была согласована с правительством, утверждена наркомвоенмором. В числе объектов показа предусматривалось посещение 1[-го] авиазавода, 8[-го] артиллерийского завода и Тульского оружейного завода. Сопровождали группу Боккельберга представители Главного артиллерийского управления РККА и работники отдела внешних сношений... Во время осмотра... «гости» задавали вопросы о производительности станков и цехов. Как правило, ответы давались в духе дезинформации. Но если допустить, что в некоторых случаях сообщались сведения, близкие к действительности, то они не могли раскрывать общей производственной мощи авиазаводов и артиллерийских заводов Советского Союза, т. к. даже такой завод, как 1[-й] авиационный, составлял малую частицу того, что авиапромышленность Союза создавала... По окончании осмотра завода Боккельберг был на приеме у К.Е.Ворошилова и у М. Н. Тухачевского. Визит и беседа с М. Н. Тухачевским происходили при сопровождении Боккельберга работниками отдела внешних сношений и никакой беседы ни один офицер рейхсвера, равно как и Боккельберг, с глазу на глаз с М.Н. Тухачевским не имел... По окончании визита Боккельберга был составлен отчет». В своем докладе о поездке в СССР Боккельберг указывал:

«Вновь построенные промышленные предприятия всюду оставляют исключительно хорошее впечатление... Совместная работа с Красной Армией и советской военной промышленностью, учитывая грандиозность советских планов, крайне желательна не только по военно-политическим соображениям, но и по военно-техническим».

В ходе настоящей проверки нами были ознакомлены с данными о некоторых советских военно-промышленных объектах, приведенными в докладе генерала Боккельберга, и с отчетами работников отдела внешних сношений НКО СССР специалисты -офицеры 8[-го] управления Генштаба Советской Армии. Они не отнесли эти данные о советских предприятиях к разряду совершенно секретных и содержащих государственную тайну Советского Союза, а определили, что они в условиях того периода носили лишь секретный характер.

Грубо сфабриковано было на следствии обвинение о передаче немцам военных сведений Тухачевским в 1935 г. устно через Путну. О содержании этих сведений Тухачевский и Путна дали исключительно противоречивые показания. Так, если в показаниях Тухачевского упоминалось о передаче через Путну сведений о состоянии авиации ПВО и мехвойск в Белорусском и Киевском военных округах и о графиках сосредоточения войск на западных границах, то в показаниях Путны утверждалось, что от Тухачевского он получил сведения «о состоянии и перспективах вооружения РККА», а также «о состоянии военной промышленности СССР». В суде же на вопрос председателя о том, откуда к нему поступили сведения об авиации, Тухачевский ответил: «От Алафузо». Между тем, арестованный Алафузо не давал показаний о передаче Тухачевскому каких-либо сведений об авиации или о мехвойсках по Белорусскому и Киевскому военным округам.

В показаниях Якира, Уборевича, Фельдмана, Корка, Эйдемана содержатся утверждения о шпионских связях некоторых из обвиняемых с германским военным атташе в Москве Кестрингом, для встреч с которым использовались якобы официальные дипломатические приемы. Между тем, в обвинительном заключении и в

приговоре суда никаких конкретных обвинений по этому поводу нет. Для проверки этих показаний имеют значение материалы следствия по делу быв. генерал-майора немецкой армии Шпальке, арестованного МГБ СССР в 1947 г. Установлено, что Шпальке с 1925 г. по 1937 г. служил в разведотделе генштаба Германии и специально занимался разведкой по Советскому Союзу. На следствии Шпальке показал, что с 1926 г. он, как представитель генштаба, прикомандировывался к командирам Советской Армии, приезжавшим в Германию для участия в маневрах и для учебы в военной академии. В числе этих лиц Шпальке назвал Якира, Примакова, Путну, Егорова, Орлова, Белова, Дыбенко, Тимошенко и других. Шпальке утверждал, что, общаясь с ними в Германии, он никогда от них не получал никаких данных разведывательного характера, хотя один раз и пытался это сделать. Являясь в последующее время руководителем отдела генштаба, ведавшего разведкой, Шпальке был близко связан с военным атташе Германии в Москве Кестрингом. По утверждению Шпальке, от Кестринга агентурных материалов не поступало и вся его информация основывалась на официальных источниках и сообщениях немецких офицеров, приезжавших в СССР на маневры. По показаниям Шпальке, Кестринг после процесса по делу Тухачевского возмущался и утверждал, что никаких связей агентурного характера среди командиров Советской Армии у него не было.

В процессе следствия делались попытки придать компрометирующий характер официальным встречам Тухачевского и других арестованных с полковником Нидермайером, находившимся в СССР до 1931 г. в роли представителя рейхсвера по наблюдению за тремя совместными предприятиями, но в приговоре о нем не упоминается.

Выяснено, что в мае 1945 г. Нидермайер в чине генерал-майора был задержан на фронте органами контрразведки и в 1948 г. осужден постановлением Особого совещания МГБ СССР за шпионаж против СССР на 25 лет лишения свободы. В том же году, отбывая наказание, Нидермайер умер. На следствии Нидермайер показывал: «На банкетах и приемах я познакомился и имел беседы со следующими лицами: Тухачевским, Уборевичем, Якиром, Корком, Блюхером, Радеком и др. ...Все эти связи имели только служебный характер... Признаю, что, находясь в Советском Союзе, я с 1924 по 1927 г. занимался разведывательной деятельностью в пользу Германии... Однако я утверждаю, что кроме Готфрида я других агентов не имел... В 1927 г. я получил приказ... о прекращении разведывательной работы в СССР по линии «Ц-МР»».

Установлено, что Готфрид являлся секретным сотрудником ОГПУ и использовался для передачи Нидермайеру дезинформационных сведений о Красной Армии. В 1927 г. Готфрид был осужден коллегией ОГПУ к расстрелу за то, что под видом выполнения заданий ОГПУ якобы передавал Нидермайеру шпионские сведения.

В обвинительном заключении утверждалось также, что в 1936 г. Тухачевский использовал свое официальное пребывание в Лондоне для передачи германскому генералу Рунштедту материалов о дислокации войск Белорусского и Киевского военных округов.

Это обвинение основывалось на противоречивых показаниях Якира о встрече Тухачевского с Рунштедтом, состоявшейся якобы в Берлине, а не в Лондоне. В суде Якир вообще не показывал об этом. Что же касается Тухачевского, то он ни на следствии, ни в суде не давал показаний о передаче им Рунштедту в Лондоне, Берлине или в ином месте сведений о дислокации войск округов. В результате суд не упомянул в приговоре об этом факте обвинения.

Вместе с тем, суд, не располагая какими-либо показаниями, записал в приговоре, что «в 1936 г. подсудимый Тухачевский, используя свое официальное пребывание в Лондоне, передал генералу германского генерального штаба Рунштедту план

поражения Красной Армии». Эта запись в оригинале приговора сделана в виде вставки, но исправление никак не оговорено. Кем и на основании чего сделана вставка - установить не представляется возможным. К тому же этого обвинения не предъявлялось даже следствием, сфабриковавшим ложные обвинения по делу. В обвинительном заключении сообщалось иное, а именно: «Тухачевский разработал план поражения Красной Армии и согласовал этот план с представителем германского генерального штаба». Сам Тухачевский вообще утверждал, что плана поражения Красной Армии немцам он не передавал.

Описание Тухачевским на следствии и в суде своей встречи в Лондоне в 1936 г. с Рунштедтом и переговоров с ним по сугубо конспиративным вопросам во время похорон английского короля является вымыслом и никакими данными и материалами не доказывается. К тому же необходимо отметить, что находившиеся тогда в Лондоне Литвинов, Майский и Путна не были допрошены на следствии и в суде для проверки показаний Тухачевского о его пребывании в столице Англии.

Бывший советский посол в Лондоне Майский в своих объяснениях в КПК при ЦК КПСС в 1961 г. писал:

«Общее впечатление, произведенное на меня Тухачевским, было очень благоприятно... Тухачевский обнаруживал редкое умение держать себя с иностранцами. Он был тверд, но тактичен, остроумно и интересно защищал свои позиции и атаковал позиции противника... Нередко при различных официальных okazиях я просто любовался тем, с каким достоинством и искусством Тухачевский представляет советскую страну при общении с правящими кругами капиталистического мира (ведь на похороны Георга V съехался целый капиталистический интернационал). Ничего сомнительного или подозрительного в поведении Тухачевского за время его пребывания в Лондоне не было, да и позднее до меня не доходило никаких сведений о его якобы преступных связях с германскими фашистами».

На следствии и в суде Якир, Уборевич и Корк дали противоречивые показания и о том, что совместно с Тухачевским ими якобы разрабатывался план поражения Красной Армии. Чтобы придать правдоподобность этим показаниям, следствием были использованы тактические игры, проводившиеся Генеральным штабом Красной Армии в 1935-1936 гг. с участием высшего командного состава. Ложность показаний Корка видна из самих протоколов допроса. Так, Корк на допросе 26 мая 1937 г. показал:

«Встал вопрос о том, как практически возможно применение меня — Корка в осуществлении пораженческих планов военной организации... Но тут, помню, вмешался Уборевич и, обращаясь ко мне, сказал: «Будешь у меня на правом фланге Западного фронта. Задачу тебе надо поставить: наступать вдоль Западной Двины на Ригу. Следовательно, со стороны Вильно ты получишь удар в левый фланг и в тыл, что и приведет к срыву всей твоей операции».

На очной ставке с Уборевичем 30 мая 1937 г. Корк повторил это, на что Уборевич заявил:

«Корк говорит совершенную неправду. Я пока хочу заметить одну только его фальшь. Он говорит, что я ему говорил, что он будет командовать армией на правом фланге, что эта армия пойдет на Ригу и будет разбита. Можно просмотреть оперативный план 1935 г. Белорусского округа, там вы не найдете положения, чтобы хотя одна армия правого фланга шла на Ригу».

Так как проверка этого обстоятельства могла поколебать обвинение арестованных в пораженчестве и, следовательно, не отвечала «интересам» следствия и суда, то такую проверку тогда и не проводили. В 1962 г. этот вопрос был изучен в оперативном управлении Генштаба; проверка показала, что в своих показаниях на очной ставке

был прав Уборевич, а не Корк.

Фантастический план поражения Красной Армии, приписываемый Тухачевскому, а в самом деле сфабрикованный следствием, полностью опровергается документальными материалами о тех предложениях, которые на протяжении 1931-1937 гг. разрабатывались и вносились Тухачевским и Уборевичем Сталину и Ворошилову. Это были реально обоснованные предложения по повышению боевой мощи Красной Армии с учетом возрастающей опасности германской и японской агрессии против Советского Союза.

В 1961 году Генштаб Советской Армии и Военно-Морского Флота в своем заключении о военной деятельности Тухачевского и других указывает:

«Внимательно следя за подготовкой и развитием армий капиталистических государств, Тухачевский вносил немало разумных предложений по планированию войны, по улучшению нашего стратегического развертывания... Вопросам стратегического развертывания и планам войны М. Н. Тухачевский придавал большое значение. Он в основном правильно оценивал силы и средства вероятных противников и возможности наших вооруженных сил... И. П. Уборевич как командующий приграничным округом непрерывно следил за изменением политической обстановки в соседних государствах, проявляя неустанную заботу о разработке наиболее целесообразных планов вооруженной защиты советского государства... Он правильно оценивал возможные силы противника, особенности театра военных действий, роль новых родов войск и значение первоначального мощного удара наших войск».

31 марта 1935 г. в «Правде» была опубликована статья Тухачевского «Военные планы нынешней Германии». В этой статье автор разоблачал военную программу национал-социалистов - четырехлетний план создания ими мощных вооруженных сил. Статья вызвала резкое недовольство со стороны правительственных и военных кругов гитлеровской Германии. В своем дневнике Литвинов записал, что немецкий посол Шуленбург 4 апреля 1935 года выразил недовольство по поводу статьи Тухачевского о германских вооружениях. В тот же день германский военный атташе в Москве полковник Гартман заявил начальнику отдела внешних сношений Генштаба Красной Армии Геккеру, что «он имеет указание сообщить об отрицательном эффекте, который произвела статья т. Тухачевского на командование рейхсвера». Копии записей Литвинова и Геккера были посланы Сталину, Молотову и Ворошилову.

Необходимо также отметить, что Рудзутак, исключенный из состава ЦК ВКП(б) тем же постановлением, что и Тухачевский, был арестован как участник правотроцкистского блока и как немецкий шпион. В суде Рудзутак виновным себя не признал и заявил:

«Единственная просьба к суду довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что в органах НКВД имеется еще не выкорчеванный гнойник, который искусственно создает дела, принуждая ни в чем не повинных людей признавать себя виновными... Методы следствия таковы, что заставляют выдумывать и оговаривать ни в чем не повинных людей, не говоря уже о самом подследственном».

Просьба Рудзутака дать ему возможность все это описать для ЦК ВКП(б) судом удовлетворена не была, а он был расстрелян. Реабилитирован Рудзутак в 1956 году.

Кроме немецкого шпионажа следствие и суд только на основе «признательных» показаний обвинили Тухачевского в шпионаже в пользу Польши. В заявлении 29 мая 1937 г. Тухачевский писал:

«Примерно с 1925 года я был связан с Домбалем, как польским шпионом».

В суде же Тухачевский утверждал:

«Я не знал, что Домбаль — польский шпион. Домбаль был принят в Советский Союз - как член парламента, который выступал за поражение польской армии и за призыв в

Красную Армию при вступлении ее в Варшаву. Под этим углом зрения было и мое знакомство с ним и встречи. Я знал его как члена ЦК польской компартии. О шпионской деятельности его я не знал, но так или иначе, я не имел никакого права ему сообщать эти секретные данные. Так как он оказался польским шпионом, то я несу полную ответственность как за участие в шпионаже в пользу Польши».

Проверкой установлено, что член КП Польши и член ВКП(б) с 1920 г. академик Домбаль Т.Ф. - один из лидеров компартии Польши был незаконно арестован органами НКВД СССР в декабре 1936 г., а в августе 1937 г. осужден к расстрелу. В суде он виновным себя не признал и показаний на Тухачевского не давал. В декабре 1955 г. Домбаль посмертно реабилитирован.

Столь же несостоятельно обвинение Тухачевского и Якира в том, что с их ведома в 1935 г. Туровским и Саблиным были переданы польской разведке секретные планы Летичевского укрепленного района. Проверкой установлено, что комкор Туровский и комдив Саблин не давали показаний о передаче полякам сведений о Летичевском укрепленном районе и о том, что они сообщали об этом Тухачевскому и Якиру.

Комдив Саблин (член партии с 1919 г.) показал в суде, что «показания Якира о том, что он, Саблин, информировал его о передаче в польскую разведку планов Летичевского укрепленного района, являются ложными, так как подобных вещей он, Саблин, говорить не мог, поскольку никаких планов в польскую разведку он не передавал».

Суд не признал Саблина виновным в польском шпионаже, но осудил его тоже по ложному обвинению в терроре и вредительстве. Невинно осужденные Туровский и Саблин в 1956 г. посмертно реабилитированы.

Несмотря на то, что в материалах следствия никаких доказательств о принадлежности Тухачевского к японской разведке не было, следователь Ушаков в постановлении о предъявлении обвинения Тухачевскому утверждал, что Тухачевский изобличается и в том, что он состоял тайным агентом японского генштаба. В обвинительном же заключении и в приговоре суда по делу Тухачевского нет никаких упоминаний о его шпионских связях с Японией.

В показаниях, полученных от Тухачевского на следствии и в суде, упоминалось о том, что «участник заговора» Аппога был связан якобы с японской и немецкой разведками и что Аппога ему сообщил, что он по заданию «центра» совместно с работниками НКПС передал японской и немецкой разведкам данные о железнодорожных перевозках на Дальний Восток.

Начальник военных сообщений РККА комкор Аппога (член ВКП(б) с 1917 г.) был арестован одновременно с Тухачевским. В июне 1937 года Сталин, ознакомившись с протоколом допроса арестованного Карахана от 2 июня 1937 г., написал на нем: «Допросить Аппогу (крепко)». В результате от Аппоги были получены показания о вредительстве, диверсиях и по связям с немцами. В заявлении в ЦК ВКП(б) от 1 сентября 1937 г. Аппога от прежних показаний отказался и утверждал, что они являются ложными и были даны им в результате репрессивных мер со стороны следователя. О шпионаже в пользу Японии Аппога никаких показаний не давал. В ноябре 1937 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР Аппога был расстрелян. В 1956 году он реабилитирован в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

Таким образом, обвинения Тухачевского в немецком, польском и японском шпионаже являются ложными, созданными путем незаконных методов следствия, обмана, шантажа и запугивания. Подписанное Сталиным постановление ЦК ВКП(б) от 1 июня 1937 г., в котором упоминалось о данных, якобы изобличающих Якира и Уборевича в шпионаже в пользу Германии, Японии и Польши, также не основано на фактических данных.

Изучение материалов следствия, суда и документов партийных и государственных архивов показывает, что компрометация Тухачевского и многих других военачальников началась еще задолго до 1937 года. Для правильного понимания причин, приведших к расправе над Тухачевским и другими, крайне важно показать, каково было отношение Сталина к некоторым деятелям Красной Армии, начиная с периода гражданской войны.

IV. О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ СТАЛИНА В ВОЕННЫХ ВОПРОСАХ

а) Отношение Сталина к освещению некоторых вопросов истории гражданской войны

После гражданской войны в двадцатые годы в нашей стране развернулась работа по изучению и обобщению опыта партии по руководству вооруженными силами и обороной страны. В партийных и армейских кругах обсуждались важнейшие проблемы истории гражданской войны и руководства Красной Армией, обобщался положительный опыт, вскрывались и ошибки, допущенные в период гражданской войны.

Особенно острый характер приобрела дискуссия по вопросам советско-польской войны. В этой дискуссии приняли участие многие видные военные деятели.

В 1923 году были изданы лекции Тухачевского «Поход на Вислу», которые им были прочитаны в Академии им. Фрунзе. В этих лекциях Тухачевский прямо высказывал мысль об ответственности руководящих лиц Юго-Западного фронта за поражение в 1920 году наших войск под Варшавой. В лекциях не были названы конкретные лица, виновные в этом, однако было ясно, что ими были командующий Юго-Западным фронтом Егоров, член РВС фронта Сталин, командарм 1-й Конной армии Буденный и член РВС армии Ворошилов.

Имеющиеся по этому вопросу архивные документы свидетельствуют о следующем.

2 августа 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление о создании самостоятельного фронта по борьбе с Врангелем (Южного фронта). Ответственность за формирование реввоенсовета этого фронта была возложена на Сталина. Этим постановлением было также предусмотрено объединение Юго-Западного фронта (командующий Егоров) с Западным (командующий Тухачевский), с оставлением реввоенсовета Западного фронта в качестве реввоенсовета объединенного фронта, а т. Тухачевского - в качестве командующего этим фронтом.

В этот же день В. И. Ленин информировал Сталина о решении Политбюро ЦК РКП(б) об объединении фронтов. 3 августа Сталин в телеграмме В. И. Ленину высказан свое несогласие с этим решением и в грубой форме заявил, что «не следовало бы Политбюро заниматься пустяками». В.И. Ленин разъяснил Сталину политическую и стратегическую необходимость принятого ЦК партии решения.

5 августа 1920 года решение Политбюро ЦК было одобрено Пленумом ЦК РКП(б). На основе указаний ЦК РКП(б) и Правительства главком С. С. Каменев 6 августа отдал командованию еще действовавшего Юго-Западного фронта (Егоров, Сталин) директиву о подготовке 12-й, 1-й Конной и 14-й армий для передачи Западному фронту. В этот же день главком приказал вывести 1-ю Конную армию «...в резерв для отдыха и подготовки к решительному новому удару». Однако эта директива по существу не была выполнена. С 12 августа 1-я Конная армия без санкции главкома снова была брошена командованием Юго-Западного фронта в наступление на Львов. Между тем еще 11 августа главком подписал приказ о передаче 12-й и 1-й Конной армий Западному фронту, который предпринимал решающее наступление на Варшаву. Сталин категорически отказался выполнить этот приказ. 13 августа 1920 г.

он направил главкому следующую телеграмму:

«Ваша последняя директива 4774 оп/1052/ш без нужды опрокидывает сложившуюся группировку сил в районе этих армий, уже перешедших в наступление; директиву эту следовало бы дать либо три дня назад, когда Конармия стояла в резерве, либо позднее, по взятии Конармией района Львов, в настоящее время она только запутывает дело и неизбежно вызывает ненужную вредную заминку в делах в интересах новой перегруппировки. Ввиду этого я отказываюсь подписать соответствующее распоряжение Югозапа в развитие Вашей директивы, Пр. 38/20».

Действия Сталина означали по существу отказ от выполнения решений Политбюро и Пленума ЦК РКП(б) от 2 и 5 августа 1920 года. ЦК партии не мог пройти мимо этого факта и 14 августа Сталину была направлена телеграмма:

«Трения между Вами и Главкомом дошли до того, что (не расшифровано) необходимым выяснения путем совместного обсуждения при личном свидании, поэтому просим возможно скорее приехать в Москву. 14/8 248/ш. Секретарь ЦК Крестинский».

После отъезда Сталина в Москву командование 1-й Конной армии (Буденный и Ворошилов) под всякими предлогами отказывалось выполнять приказы Тухачевского о переброске армии на помощь Западному фронту. Только 20 августа 1920 г., после приказа Реввоенсовета республики, 1-я Конная армия начала выход из боев под Львовом и двинулась на Западный фронт. Но было уже поздно: противник, воспользовавшись слабостью сил на левом фланге Западного фронта, перешел в контрнаступление и вынудил советские войска к отступлению. Задержка 1-й Конной армии под Львовом явилась одной из причин неудачи наступления Западного фронта в августе 1920 г.

Несмотря на такой ход советско-польской кампании, Сталин еще тогда всячески стремился доказать правоту своих позиций. Так, 30 августа 1920 г. он направил заявление в Политбюро ЦК партии, в котором писал:

«Предлагаю ЦК образовать комиссию из трех (через Совобороны) по обследованию условий нашего июльского наступления и августовского отступления на Западном фронте. Комиссии дать срок двухнедельный. Председателем комиссии (если нет у ЦК лучшего кандидата) предлагаю т. Серебрякова».

Политбюро ЦК партии не рассматривало этого заявления Сталина. 20 сентября 1920 г., когда на Пленуме ЦК РКП(б) решался вопрос о направлении Сталина на Кавказ для выяснения там обстановки, на польском и врангелевском фронтах шли ожесточенные бои. На очереди дня стоял вопрос о разгроме Врангеля, с чем связывалось окончание военной интервенции и гражданской войны. В этот ответственный момент, будучи несогласным с оценкой причин отступления на Западном фронте, Сталин на Пленуме ЦК РКП(б) 20 сентября 1920 г. заявил об отставке с поста члена Реввоенсовета Республики. Пленум ЦК РКП(б) постановил: отставки Сталина не принимать.

Через несколько дней, 23 сентября 1920 г., на IX Всероссийской конференции РКП(б) Сталин снова пытался возложить всю ответственность за неудачу под Варшавой на главкома Каменева и комфронта Тухачевского. Однако В. И. Ленин, не согласившись с этим, в заключительном слове на конференции упрекнул Сталина в пристрастном отношении к командованию Западного фронта. Сталин и после этого не признал своего неправильного отношения к Тухачевскому и другим руководителям Западного фронта. Он выступил на конференции с заявлением «по личному вопросу» и, пытаясь отвести от себя упреки, высказанные Лениным, утверждал: «...заявление тов. Ленина, что я пристрастен к командованию Западного фронта... не соответствует действительности».

Таким образом, лекции Тухачевского «Поход на Вислу» (1923 год) положили начало послевоенной дискуссии о советско-польской кампании.

В последующие годы обсуждение вопросов, связанных с советско-польской войной, продолжалось.

В 1925 г. была издана книга профессоров Военной академии Какурина и Меликова «Война с белополяками 1920 г.». Авторы, анализируя боевые действия этой кампании, также отметили ответственность командования Юго-Западного фронта за поражение наших войск под Варшавой.

В 1929 г. вышла книга бывшего командующего Юго-Западным фронтом Егорова «Львов - Варшава», в которой он оправдывает действия этого фронта и вину за поражение наших войск под Варшавой перекладывает на Главкома Каменева и командующего Западным фронтом Тухачевского. Правда, в процессе работы над этой книгой Егоров, стремясь придать объективность своим рассуждениям, пытался осветить события, связанные с отказом Сталина выполнить постановление Пленума ЦК РКП(б) и директиву главкома о передаче 12-й и 1-й Конной армии Западному фронту. Но эта попытка Егорова встретила возражение со стороны Сталина. В письме к Егорову от 3 декабря 1928 г. Сталин вновь расценивал правильными свои действия в ходе советско-польской кампании. Впоследствии же он предложил вообще этот вопрос не затрагивать в исторических работах.

Книга Егорова «Львов - Варшава», в которой он оправдывал действия Юго-Западного фронта и пытался снять с себя и Сталина ответственность за поражение наших войск под Варшавой, вызвала недовольство со стороны многих военных деятелей и историков. Об этом Егорову стало известно, и он 20 декабря 1929 г. написал Сталину письмо, в котором информировал его о создавшемся положении.

«Обстоятельства, связанные с критикой моей книги «Львов - Варшава», - писал Егоров, - вынуждают меня беспокоить Вас и просить личного свидания для установления особо важных моментов, без чего я абсолютно не могу и просто не имею права дать необходимый ответ в печати, так как задетые вопросы носят глубоко принципиальный характер и имеют непосредственное отношение к работе и ответственности РВС Юго-Западного фронта, как такового».

В архивных материалах нет данных, показывающих реакцию Сталина на это письмо Егорова. Однако уже в то время изложенные в книге «Львов - Варшава» положения о якобы правильной позиции командования Юго-Западным фронтом в советско-польской войне стали как бы официально признанными, что давало возможность возвеличить заслуги Сталина и в этот период гражданской войны. Кроме того, используя свое руководящее положение в партии, Сталин и сам уже не стеснялся возвеличивать свою роль в гражданской войне. Так, выступая 8 сентября 1927 г. на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК, Сталин заявил: «Имеется ряд документов, и это известно всей партии, что Сталина перебрасывал ЦК с фронта на фронт в продолжение трех лет на юг и восток, на север и запад, когда на фронтах становилось туго».

Отмечавшееся 21 декабря 1929 года 50-летие со дня рождения Сталина было широко использовано для непомерного возвеличивания его заслуг перед партией и государством. Опубликованная в это время в газете «Правда» статья наркома Ворошилова «Сталин и Красная Армия» способствовала этому возвеличиванию Сталина и в военных вопросах. Основная цель этой статьи, как ее формулировал сам автор, состояла в том, чтобы восполнить «пробел» в исследовании военной деятельности Сталина, «как одного из самых выдающихся организаторов побед гражданской войны». В этой статье Ворошилов утверждал, что все основные победы, одержанные в гражданской войне (под Царицыном, под Пермью, над Деникиным, Врангелем, Юденичем и т. д.), были достигнуты ввиду исключительной роли Сталина.

Еще в рукописи Сталин был ознакомлен со статьей и сделал некоторые замечания. По

утверждению Хмельницкого, бывшего адъютанта Ворошилова, в этой рукописи, которую он читал в архиве Ворошилова, написано, что в период гражданской войны «имелись успехи и недочеты, у И. В. Сталина ошибок было меньше, чем у других». Эта фраза, как сообщает Хмельницкий, зачеркнута красным карандашом и рукою Сталина написано: «Клим! Ошибок не было, надо выбросить этот абзац. Ст[алин]».

К началу 30-х годов в связи с разгромом партией троцкистов, зиновьевцев и правых оппортунистов, а также с успехами в развитии экономики страны авторитет Сталина, как Генерального секретаря ЦК партии и руководителя государства, значительно возрос. Сталин воспринял оказанное ему доверие неправильно, стал злоупотреблять властью, создавая культ своей личности.

Непомерно возвеличивая свои заслуги в гражданской войне, Сталин, вместе с тем, принижал руководящую деятельность ЦК РКП(б) в организации обороны социалистического государства и роль В. И. Ленина, как руководителя этой обороны, создателя Красной Армии и основоположника советской военной науки. Чуждое марксизму-ленинизму возвеличивание роли Сталина в гражданской войне и извращение военной истории вызывали недовольство со стороны многих партийных и военных деятелей и вели их к столкновению со Сталиным.

В 1930 г. вышел в свет третий том «Гражданской войны» под редакцией Бубнова, Каменева С. С., Тухачевского и Эйдемана. Составителями этого тома являлись профессор Военной академии Какурин и бывший главком Вацетис. В период подготовки тома к печати Ворошилов и Егоров пытались оказать воздействие на редколлегия с целью вынудить ее внести коррективы в рукопись тома, подчеркивающие особую роль Сталина в гражданской войне. Сделав некоторые уступки в этом отношении, редколлегия не изменила своей оценки советско-польской войны, отметив ошибки командования Юго-Западного фронта (Егоров, Сталин). Следует сказать, что впоследствии весь состав редколлегии и авторы третьего тома были объявлены врагами народа и репрессированы.

После гражданской войны Тухачевский нередко подвергался нападкам со стороны Сталина, Ворошилова, Буденного и Егорова. Находясь на посту начальника штаба РККА, Тухачевский постоянно проявлял инициативу в улучшении организации работы штаба и вносил предложения по этим вопросам на имя Ворошилова. Однако эти предложения не получали поддержки. Ворошилов занял неправильную позицию по отношению к Тухачевскому, дискредитировал его, что сказывалось на работе всего штаба. Об их взаимоотношениях можно судить, например, по письму Тухачевского к Ворошилову от 5 апреля 1928 г.:

«В дополнение к тем соображениям, которые я высказывал Вам после заседания РВС, - писал Тухачевский, - считаю необходимым доложить два основных момента, делающих работу штаба РККА совершенно ненормальной... Прежде всего и в текущей и в плановой работе создается такое положение, что зачастую может казаться, будто Вы, как нарком, работаете сами по себе, а штаб РККА сам по себе, что совершенно противоестественно, так как по существу штаб должен быть рабочим аппаратом в Ваших руках по объединению всех сторон и работ по подготовке войны. Если он таким аппаратом не является, то значит дело не в порядке».

Буденный, Егоров и Дыбенко направили 16 апреля 1928 г. письмо Ворошилову, в котором допускали нападки на Тухачевского. В этом письме ими принижались заслуги и боевой опыт Тухачевского, умалялась его роль в руководстве деятельностью штаба РККА и ставился вопрос о замене его на этом посту. В сложившейся обстановке Тухачевский вынужден был поставить вопрос об освобождении его с поста начальника штаба РККА. В мае 1928 г. Тухачевский был освобожден от этого поста, отстранен от научной работы в Военной академии им. Фрунзе, где он руководил кафедрой стратегии, и был назначен командующим Ленинградским

военным округом.

Работая в округе, Тухачевский проявлял озабоченность об улучшении организации РККА в целом, ее росте и технической реконструкции. По этим вопросам он представлял Ворошилову свои конкретные предложения. Тухачевский, имея в виду приближение военной опасности, предлагал увеличить армию и на основе развития нашей экономики поднять боевую мощь РККА путем оснащения ее танками, артиллерией и авиацией. Ворошилов не только не поддержал этих предложений, но и высказал к ним отрицательное отношение. В письме Сталину от 5 марта 1930 г. он писал:

«...Направляю для ознакомления копию письма Тухачевского и справку штаба по этому поводу. Тухачевский хочет быть оригинальным и... „радикальным". Плохо, что в К[расной] А[рмии] есть порода людей, которая этот «радикализм» принимает за чистую монету. Очень прошу прочесть оба документа и сказать мне свое мнение».

Сталин также отрицательно отнесся к предложениям Тухачевского и в ответном письме к Ворошилову 23 марта 1930 г. сообщал:

«...Я думаю, что „план" т. Тухачевского является результатом модного увлечения „левой" фразой, результатом увлечения бумажным, канцелярским максимализмом. Поэтому-то анализ заменен в нем „игрой в цифири", а марксистская перспектива роста Красной Армии - фантастикой. „Осуществить" такой „план" - значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции... Твой И.Сталин».

Используя этот ответ Сталина, Ворошилов заготовил в адрес Тухачевского письмо следующего содержания:

«...Посылаю Вам его (т.е. Сталина) оценку Вашего „плана". Она не очень лестна... но, по моему глубокому убеждению, совершенно правильна и Вами заслужена. Я полностью присоединяюсь к мнению т. Сталина, что принятие и выполнение Вашей программы было бы хуже всякой контрреволюции, потому что оно неминуемо повело бы к полной ликвидации социалистического строительства и к замене его какой-то своеобразной и, во всяком случае, враждебной пролетариату системой „красного милитаризма"».

Это письмо Ворошилов не послал Тухачевскому, однако с целью дальнейшего подрыва его авторитета Ворошилов обнародовал письмо Сталина на расширенном заседании Реввоенсовета СССР.

Интриги, которые плелись вокруг Тухачевского, поставили его в невыносимые условия, о чем он 30 декабря 1930 г. Сталину писал:

«...Формулировка Вашего письма, оглашенного т. Ворошиловым на расширенном заседании РВС СССР, совершенно исключает для меня возможность вынесения на широкое обсуждение ряда вопросов, касающихся проблем развития нашей обороноспособности, например, я исключен как руководитель по стратегии из Военной Академии РККА, где вел этот предмет в течение шести лет. И вообще положение мое в этих вопросах стало крайне [с]ложным».

Происходившие изменения в международной обстановке и сдвиги в экономике страны подтвердили правильность предвидения Тухачевского и своевременность его предложений по укреплению обороноспособности нашей страны. Сталин и Ворошилов были вынуждены в конце концов посчитаться с опытом и знаниями Тухачевского в области военного строительства: в июне 1931 года Тухачевский был назначен заместителем наркома обороны и начальником вооружения РККА. Несмотря на это, травля и компрометация Тухачевского не прекращались.

В сентябре 1931 г. Академией им. Фрунзе было издано учебное пособие по итогам советско-польской войны, в котором вновь и в более резкой форме выдвигались обвинения против Тухачевского, якобы ответственного за неблагоприятный исход

Варшавской операции. В этом пособии действия Тухачевского во время его командования Западным фронтом расценивались уже как авантюристические. Основные положения и выводы учебного пособия были одобрены Ворошиловым. Ввиду этого Тухачевский в январе 1932 г. обратился к Сталину с письмом, в котором ставил вопрос о прекращении травли в отношении его, однако в то время ответа от Сталина не последовало. Позже, в мае 1932 г., Сталин направил письмо Тухачевскому, в котором признал ошибочность своей оценки его прежних предложений и просил извинения за нанесенную ему незаслуженную обиду. Сталин писал:

«В своем письме на имя т. Ворошилова (речь идет о письме от 23 марта 1930 г. — Прим. наше), как известно, я присоединился в основном к выводам нашего штаба и высказался о Вашей „записке" резко отрицательно, признав ее плодом „канцелярского максимализма", результатом „игры в цифры" и т. п. Так было дело два года назад. Ныне, спустя два года, когда некоторые неясные вопросы стали для меня более ясными, я должен признать, что моя оценка была слишком резкой, а выводы моего письма - не во всем правильными... Мне кажется, что мое письмо на имя т. Ворошилова не было бы столь резким по тону и оно было бы свободно от некоторых неправильных выводов в отношении Вас, если бы я перенес тогда спор на эту новую базу. Но я не сделал этого, так как, очевидно, проблема не была еще достаточно ясна для меня. Не ругайте меня, что я взялся исправить недочеты своего письма с некоторым опозданием. С коммунистическим] прив[етом] И. Сталин».

Доверие Сталина к Тухачевскому внешне было несколько восстановлено и это облегчало деятельность Тухачевского. Находясь на посту зам. наркома обороны, он честно и добросовестно относился к своему служебному долгу, разрабатывал и представлял Сталину и Ворошилову предложения по различным вопросам военного строительства. Предложения Тухачевского, в частности, по вопросам стратегического развертывания, развитию родов войск и вооружению, по повышению мобилизационной готовности армии и страны в основном были правильными и не расходились с теми планами, которые утверждались впоследствии. Однако инициатива Тухачевского не получала должной поддержки со стороны Сталина и Ворошилова, их отношения оставались все-таки неприязненными.

б) Возвеличивание роли Сталина в победах Красной Армии на фронтах гражданской войны

В создании культа личности Сталина немалую роль сыграла военно-историческая наука. Сталин и его ближайшие соратники, в частности, Ворошилов, используя власть и высокое положение в партии, уже с 1929 года оказывали прямое давление на авторов исторических трудов с тем, чтобы всемерно возвысить роль Сталина в гражданской войне и в строительстве советских вооруженных сил в ущерб исторической действительности. Наиболее безудержные похвалы в адрес Сталина сосредоточены в «Кратком курсе истории ВКП(б)», выпущенном в 1938 г. в качестве официального учебника. В этом учебнике Сталину приписывались все важнейшие победы Красной Армии в гражданской войне. Его изображали единственным человеком, которого партия посылала на самые опасные и решающие для революции фронты, где якобы он обеспечивал победы.

В действительности же роль Сталина в период гражданской войны была иной. Вот краткая хронологическая справка о пребывании Сталина на фронтах гражданской войны.

Летом 1918 г., когда главным фронтом республики был объявлен Восточный фронт против белочехов, Сталин принимал участие в обороне Царицына.

В начале 1919 г., когда главные усилия партии были сосредоточены на Южном фронте, Сталин выезжал на Восточный фронт для выяснения причин поражения 3-й армии под Пермью.

С апреля по июнь 1919 г. главным фронтом в обороне страны являлся Восточный фронт против Колчака. В это время Сталин в качестве уполномоченного Совета Оборона находился под Петроградом. С июля и до конца 1919 г. главным фронтом республики стал Южный фронт против Деникина. Сталин же с июля по сентябрь 1919 г. выполнял обязанности члена РВС Западного фронта и лишь 26 сентября того же года был назначен членом РВС Южного фронта. На этом главном фронте республики он находился в течение трех месяцев.

С 9 января и до апреля 1920 г. Сталин находился на Юго-Западном фронте. Главные же события в начале 1920 г. развернулись на Кавказском фронте, где под командованием Тухачевского и члена РВС фронта Орджоникидзе завершался разгром армии Деникина.

Во время войны с буржуазной Польшей главным фронтом являлся Западный фронт (командующий Тухачевский, член РВС фронта Уншлихт), Сталин же был членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта. Когда Южный фронт под командованием Фрунзе осуществлял разгром Врангеля, Сталин находился в командировке на Кавказе. Таким образом, в годы гражданской войны ЦК партии и В. И. Ленин всего один раз направляли Сталина на главный фронт борьбы - на Южный фронт против Деникина (октябрь - декабрь 1919 года), причем к моменту прибытия Сталина на Южный фронт план разгрома Деникина был уже разработан ЦК партии и созданы необходимые условия для его реализации. Существовавшее в период культа личности положение об исключительной роли Сталина в создании этого плана и в разгроме Деникина является несостоятельным.

В своей работе на фронтах Сталин допускал серьезные ошибки, вплоть до прямого неподчинения решениям ЦК РКП(б).

В период пребывания в Царицыне (1918 г.) Сталин вместе с Ворошиловым насаждал партизанщину, не подчинялся приказам Реввоенсовета Республики, занимал неправильную линию в использовании старых военных специалистов. Царицынская губернская ЧК по указанию РВС фронта проводила массовые аресты среди военных специалистов.

Член РВС республики Окулов, выезжавший в 1918 г. в Царицын по заданию ЦК партии, в своем выступлении на VIII съезде РКП(б) 21 марта 1919 г. заявил:

«Бывали случаи поголовного ареста офицерских кадров... причем эти аресты ничем не мотивировались... Я бы указал на знаменитую баржу в Царицыне, которая много послужила для того, чтобы сделать невозможным ассимиляцию военных специалистов».

Сталин, Ворошилов и Минин, назначенные в сентябре 1918 г. членами Реввоенсовета Южного фронта, отказались признать приказ Реввоенсовета республики о назначении бывшего царского генерала Сытина командующим Южным фронтом, хотя это назначение было сделано по решению ЦК партии. Вопрос о таком поведении Сталина рассматривался 2 октября 1918 г. на заседании Бюро ЦК РКП(б) с участием В.И.Ленина. В принятом постановлении указывалось:

«Принять предложение т. Свердлова - вызвать т. Сталина к прямому проводу и указать ему, что подчинение Реввоенсовету абсолютно необходимо».

В этот же день Свердлов передал Сталину по телеграфу решение Бюро ЦК РКП(б), но 3 октября 1918 г. Сталин и Ворошилов направили на имя В.И.Ленина письмо, в котором настаивали на снятии Сытина с должности командующего Южным фронтом, необоснованно характеризуя его как человека, не заслуживающего доверия. Более того, они потребовали вообще «пересмотреть вопрос о военных специалистах из

лагеря беспартийных контрреволюционеров» («Документы по истории гражданской войны в СССР». Т. 1. М, 1940. С. 383-390).

Сталин не хотел считаться с тем, что Сытин к тому времени был известен как крупный военный специалист, пользовавшийся доверием ЦК партии и В. И. Ленина. После Октябрьской революции Сытин, являясь выборным командиром корпуса, перешел на сторону революции и впоследствии имел большие заслуги.

Конфликт в Реввоенсовете Южного фронта достиг такого размера, что ЦК партии признал необходимым образовать новый Реввоенсовет фронта без Сталина и Ворошилова, в составе командующего фронтом Сытина, Мехоношина и Лёграна. Но и после этого Сталин продолжает нападки на Сытина и членов РВС Южного фронта. Он направляет в ЦК РКП(б) письмо с требованием привлечь к судебной ответственности командующего Южным фронтом и членов Военного Совета Южного фронта за то, что они якобы саботируют снабжение 10-й армии. Сталин не желал признавать, что заявки командования 10-й армии намного превышали потребности армии, а также возможности, которыми располагало командование фронта. Вопрос о требовании Сталина в отношении командования Южного фронта обсуждался на заседании ЦК РКП(б) 25 октября 1918 г. ЦК в связи с этим постановил: «Никого к судебной ответственности не привлекать и поручить т. Аванесову произвести расследование и результаты этого расследования сообщить в ЦК, после чего только и принять какое-либо определенное решение».

Дело кончилось тем, что Сталин и Ворошилов были отозваны из Царицына. Сытин впоследствии разделил судьбу многих военачальников: в 1937 году, находясь уже на пенсии, он был арестован и расстрелян.

В 1919 году на VIII съезде РКП(б) при обсуждении вопросов военного строительства против линии партии выступила «военная оппозиция». Она возражала против создания регулярной армии, отстаивая партизанщину, а также требовала отказа от использования старых военных специалистов. Активными участниками «военной оппозиции» были Ворошилов и Минин. Сталин, хотя и выступил на съезде в защиту тезисов ЦК РКП(б) по военному вопросу, однако не осудил неправильное отношение оппозиции к старым военным специалистам, не отмежевался от Ворошилова и других оппозиционеров, не дал партийной оценки их деятельности и своим ошибкам.

Позже, в 1927 г., Сталин пытался оправдать свое примиренческое отношение к «военной оппозиции». Он заявлял:

«Я не выступал так враждебно против «военной оппозиции»... потому, что я считал, что среди военных оппозиционеров имеются великолепные работники, без которых нельзя обойтись на фронте» (И. Сталин. Соч. Т. 10. С. 41-42).

Теоретическую несостоятельность и практический вред платформы «военной оппозиции» раскрыл В. И. Ленин в своем выступлении на закрытом заседании VIII съезда РКП(б) 21 марта 1919 г. На примере руководства военными действиями 10-й армии, оборонявшей Царицын, В. И. Ленин убедительно показал, к каким пагубным результатам ведет на практике пренебрежение к старым военным специалистам и их знаниям. В.И.Ленин отметил, что героизм советских воинов, проявленный в обороне Царицына в 1918 г., является одной из славных страниц в истории Красной Армии. Вместе с тем он считал недопустимым, что 10-я армия потеряла в этих боях 60 тысяч человек. Ленин на съезде указал: «Тов. Ворошилов говорит: у нас не было никаких военных специалистов и у нас 60.000 потерь. Это ужасно». В.И.Ленин подчеркнул, что таких огромных потерь могло бы и не быть, если бы в Царицыне были «специалисты, если бы была регулярная армия».

Это указание В.И.Ленина не было воспринято Сталиным, и он на протяжении всего периода гражданской войны проявлял резко отрицательное отношение к старым военным специалистам. Он огульно причислял их к лагерю контрреволюции и

настойчиво добивался проведения к ним политики недоверия.

Являясь членом РВС Южного фронта (против Деникина), Сталин в своих требованиях к ЦК РКП(б) неоднократно прибегал к ультиматумам. Эти действия, недопустимые в практике партийной работы, были осуждены решением Политбюро ЦК РКП(б) 14 ноября 1919 г., в котором говорилось:

«Сообщить т. Сталину, что Политбюро считает абсолютно недопустимым подкреплять свои деловые требования ультиматумами и заявлениями об отставках».

Как отмечалось выше, в 1920 г. на Юго-Западном фронте Сталин отказался выполнить директиву главкома, изданную на основе решения Пленума ЦК от 5 августа 1920 г. о переброске 1-й Конной и 12-й армий на помощь Западному фронту. Политбюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина 1 сентября 1920 г. освободило Сталина от обязанностей члена Реввоенсовета Юго-Западного фронта.

Неприглядная роль Сталина и его неправильное поведение в ряде важных вопросов были известны многим товарищам - участникам гражданской войны, впоследствии занимавшим видные руководящие посты в партии и Красной Армии. Многие из них открыто высказывали свое несогласие с непомерным возвеличиванием роли Сталина, отстаивали роль партии и народных масс в достижении победы над врагом.

Так, активный участник гражданской войны, командовавший после гибели Чапаева 25-й дивизией Кутяков, впоследствии заместитель командующего войсками Приволжского военного округа, в 1935 году написал книгу под названием «Киевские Канны». Автор, освещая операции Юго-Западного фронта против белополяков, вскрыл недостатки в управлении войсками со стороны командования фронта и 1-й Конной армии (Сталин, Ворошилов, Егоров и Буденный). Кутяковым дана объективная оценка боевых действий Юго-Западного фронта, за что он подвергся травле.

Обращает на себя внимание оценка этой книги Сталиным. На заседании Военного Совета при Наркомате Обороны в июне 1937 г. (после ареста Тухачевского и других) Сталин рассказал о мнении военных об этой работе.

«Говорят, дрянная, — сообщил Сталин. - Клима спросил - дрянная штука. Прочитал все-таки. Действительно дрянная штука».

Начавшиеся в 1935—1936 гг. репрессии вызвали у автора книги «Киевские Канны» Кутякова предчувствие надвигающейся над ним расправы. В своем личном дневнике, изъятном при аресте, он писал:

«26 октября 1936 г. Самара. Мои «Канны 1920 г.» есть петля на моей шее, они загубят при первом удобном случае. Значит к этому нужно быть готовым...

15 марта 1937 г. Куйбышев. Пока «железный» будет стоять во главе, до тех пор будет бестолковщина, подхалимство и все тупое будет в почете, все умное будет унижаться. «Канны» написаны моей кровью, потом и всем сердцем, несмотря на это, они мне как в прошлом, так и теперь, кроме страшного несчастья, ничего не дали и не дают. Одно меня успокаивает, это то, что в будущем, может быть даже далеко, они увековечат мое доброе имя».

Предчувствия Кутякова сбылись: в 1937 году он был объявлен врагом народа, арестован и уничтожен.

За «Киевские Канны» также пострадал видный военный деятель, командарм 2 ранга Седакин. В предисловии, которое он написал к книге Кутякова «Киевские Канны», была им дана положительная оценка книги, как правдивой и поучительной. Седакин в 1937 г. был арестован и расстрелян. Такая же участь постигла и всех других, кто критически отзывался о действиях Сталина на фронтах гражданской войны или был хорошо осведомлен о его действительной роли.

Таким образом, Сталин наряду с другими партийными и советскими руководящими работниками в годы гражданской войны выполнял ряд заданий ЦК партии. Однако

его деятельность не была особо выдающейся, решающей. Впоследствии же, когда Сталин сделался генеральным секретарем ЦК партии и сосредоточил в своих руках огромную власть, он после смерти В. И. Ленина принял все меры для возвеличивания своих заслуг в гражданской войне, явился ярким противником правдивого изображения истории борьбы советского народа против белогвардейцев и интервентов. Все те, кто попытался восстановить истинную картину событий на фронтах, где был Сталин, попадали к нему в немилость, объявлялись врагами народа и присущими Сталину методами компрометировались и уничтожались.

V. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРГАНОВ ОГПУ - НКВД ДЛЯ КОМПРОМЕТАЦИИ ТУХАЧЕВСКОГО И ДРУГИХ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ

Неприятные отношения Сталина и Ворошилова к Тухачевскому не только лишили его поддержки в выдвигаемых им вопросах военного строительства, но и явились основанием для создания вокруг него отрицательного общественного мнения. Это сказалось и на отношении к Тухачевскому со стороны органов ОГПУ — НКВД, которые на протяжении ряда лет крайне необъективно оценивали поступавшие к ним материалы о Тухачевском.

Агентура ОГПУ - НКВД распространяла внутри страны и за рубежом слухи о якобы несоветских, бонапартистских настроениях Тухачевского, о группировании вокруг него различных антисоветски настроенных элементов из числа бывших царских офицеров и генералов. Распространялись также за границей и в СССР ложные слухи о существовании в РККА антисоветской организации и принадлежности к ней Тухачевского.

Создание версии о политической неблагонадежности Тухачевского М. Н., Каменева С. С. и других военачальников и использование этой версии для дезинформации иностранных разведок и белоэмигрантских центров

С ноября 1921 года по апрель 1927 года органами ОГПУ велось агентурное дело под названием «Трест», основным назначением которого являлась разработка зарубежной белоэмигрантской военной организации, носившей название «Российский общевоинский Союз» (РОВС). В целях обеспечения агентурного проникновения в монархические эмигрантские круги за границей и в разведки буржуазных государств органами ОГПУ было слендировано существование на территории СССР нелегальной контрреволюционной организации под названием «Монархическое объединение Центральной России» (МОЦР).

Советской разведкой принимались меры к тому, чтобы представить МОЦР за границей как мощную заговорщическую шпионскую организацию, охватывающую значительную часть командного состава РККА и способную возглавить контрреволюционные силы и свергнуть Советскую власть. В самом же деле «создание» такой организации имело целью способствовать получению данных о белоэмигрантских воинских формированиях, их планах, а также для дезинформации иностранных разведок и пресечения деятельности их агентуры на территории СССР.

Представителями мнимой монархической организации выступали различные агенты ОГПУ, которые еще в 1922 году завязали контакты с разведорганами Эстонии и Польши, а позднее - с разведкой Латвии, Финляндии и Англии. С 1922 г. МОЦР установила регулярную связь с руководителями белоэмигрантских воинских формирований «великим князем» Николаем Николаевичем, царскими генералами Врангелем, Кутеповым и Миллером, а также с Марковым, Тальбергом, Араповым, Артамоновым, Лампе и многими другими яркими контрреволюционерами,

проживавшими во Франции, Германии и других буржуазных государствах.

В феврале 1922 года сотруднику эстонской миссии в Москве < >^v была передана дезинформация о наличии МОЦР на территории Советского Союза^{vi} с тем, чтобы он, не подразумевая о фиктивном ее существовании, мог сообщить о ней белоэмигрантам и разведке буржуазной Эстонии. Позднее, 18 апреля 1922 г., < > был завербован советскими органами госбезопасности, после чего стал принимать активное участие в разработке легенды, которая и получила условное наименование «Трест».

Помимо < > с эстонской разведкой и штабом поддерживали связь под видом шпионской деятельности и другие агенты ОГПУ. Так, в мае 1922 г. в Эстонию от имени МОЦР был направлен для установки «шпионской связи» агент < > - быв. полковник царской армии. Для передачи белоэмигрантам и разведке Эстонии < > был вручен ряд документов, в том числе «наказ», в котором говорилось:

«...МОЦР может взять на себя обязательство информировать эти государства о положении в России и предоставить в их распоряжение разведывательные материалы своего Военного штаба в пределах потребности именно тех государств, с которыми настоящие условия будут заключены».

Сообщая о беседе с начальником контрразведки эстонского штаба Лаурицем, состоявшейся 11 мая 1922 г., < > донес:

«В 4 часа мы были у Лаурица, не вдаваясь в подробности относительно оружия и связи, я обещал давать ему сведения о русской Красной Армии, взамен чего он выразил согласие нам содействовать. Сведения, данные мною, составляли организацию штаба РККА к новому году. Организация штаба округов, форма одежды и ГУВУЗ и протокол характеристики некоторых деятелей Троцкого, Каменева, Склянского. Очень интересуются они и Ткачевым, Каменевым, Слащевым и Лебедевым».

В октябре 1923 года агенты ОГПУ < > также от имени МОЦР установили связь с польским генштабом и передали ему меморандум, в котором было указано:

«Организация существует уже почти три года, причем в стройной форме пребывает свыше полутора лет и имеет распространение по всей России. Связь центра с местами поддерживается через местных уполномоченных по числу военных округов... Характер организации преимущественно военный и членами ее состоят в большинстве военные, благодаря чему организация может проникать во все воинские части, из коих некоторые целиком принадлежат к ней. Кроме того, организация имеет своих людей почти во всех центральных правительственных учреждениях и в большинстве местных, чем объясняется ее большая осведомленность.

Целью организации является свержение большевиков путем производства военного переворота в России и восстановление в ней законности и порядка».

К этому же времени МОЦР под видом шпионских сведений направляла дезинформационные данные о Советской Армии и другим буржуазным разведкам.

Примерно в июне 1923 г. агент ОГПУ < > с ведома ОГПУ установил связь с английским разведчиком в Ревеле Миклиджоном и его помощником - работником английского паспортного бюро эмигрантом Жидковым, который от имени английской разведки стал вести нелегальную переписку с «Трестом».

По этому вопросу сотрудник ОГПУ < > 9 декабря 1924 года писал:

«Проводилась в этом отношении следующая дезинформационная работа: на средства от передачи сведений при Разведотделе штаба РККА создано специальное отделение по работе Д. и по директивам Военного ведомства мы снабдили все штабы государств

^v Здесь и далее данным знаком обозначены изъятия из текста (псевдонимы агентов и осведомителей и другие данные), сделанные при подготовке текста к публикации.

^{vi} Так в документе. Правильно - на территории РСФСР.

Центральной Европы (ибо, хотя материалы фактически передавались только полякам, эстонцам, финнам и англичанам на основе взаимного обмена военными сведениями, документально установлено, что наши материалы имеются в латышском, французском, японском и немецком штабах); при этом мощь Красной Армии была показана значительно сильнее фактической».

Из имеющихся в агентурном деле «Трест» документов видно, что органы ОГПУ с самого начала легендирования этой и других подобных организаций распространяли за границей и в СССР ложные мнения о том, что большинство бывших царских офицеров, служивших в то время в РККА, значительное число советских военнослужащих и даже воинских частей враждебно относятся к Советской власти и ждут момента, чтобы принять участие в совершении контрреволюционного переворота в СССР.

Агенты с ведома ответственных сотрудников ОГПУ сообщали белоэмигрантам и иноразведкам заведомо ложные, порочащие сведения о Тухачевском, Каменеве С. С., Лебедеве и других видных военных деятелях, как о лицах, якобы враждебно относящихся к Советской власти.

Будучи в командировке, агент < > в декабре 1922 года имел встречи в Берлине с рядом белоэмигрантов, в том числе с председателем так называемого «Высшего Монархического Совета» (ВМС) Марковым. Во время этих встреч были выработаны для МОЦР «программа» и «тактика» борьбы с Советской властью.

Так, в документе, озаглавленном «Тактика русской монархической партии», сказано, что ближайшей целью МОЦР является:

«...ниспровержение правительства коммунистической партии и захват от нее власти организованной силой, способной сразу установить порядок и приступить к государственному строительству... Все партии и группы, стоящие на антисоветской платформе, должны быть использованы для достижения ближайшей цели - ниспровержения большевиков... Очередной задачей в России является подготовка рабочих и армии...»

Информируя Маркова о проделанной уже работе в СССР, < > заявил, что на их стороне в западных районах СССР стоит до 25 проц. военнослужащих, в Москве и Ленинграде - от 15 до 18 проц., на Украине и в других районах СССР также много поддерживающих их лиц.

На вопрос Маркова, есть ли на Западном фронте старые генералы, < > ответил:

«...прежних генералов на Западном фронте почти нет вовсе, но на высших командных постах много бывших младших кадровых офицеров, которых и выдвигаем на ответственные посты по своей организации».

Далее < > сообщил Маркову:

«Вообще во всех крупных частях имеем своих людей или среди командного состава, или в штабах... Имеем очень сильные связи в центре. Можно сказать, что почти во всех центральных учреждениях, особенно в военных, имеются наши люди, вследствие чего всегда можно влиять на назначение и на отвод нежелательных лиц».

Из отчета < > видно, что из числа «руководителей» МОЦР он назвал Маркову служивших в РККА Зайончковского, Потапова и Саблера, которые в царской армии были крупными военачальниками.

Маркова, как ярого контрреволюционера, естественно, интересовало, не принадлежит ли к МОЦР кто-либо из видных советских военнослужащих, занимающих высокое положение в РККА. Поэтому он спросил у < >: «...как Тухачевский, Каменев, Лебедев, Брусилов?»

На это < > ответил:

«Они не входят официально в организацию, но первые трое безусловно наши, а четвертый слишком состарился и не представляет ничего интересного».

Из этого донесения < > видно, что им уже в 1922 году было создано за границей мнение о нелояльном отношении Тухачевского, Каменева С. С., Лебедева и других крупных военачальников к Советской власти, чего так желали и ждали белоэмигранты и буржуазия.

Естественно, что после этого белоэмигранты и представители зарубежной разведки, связанные с МОЦР, стали особенно пристально интересоваться Тухачевским, Каменевым С.С. и другими.

Так, в 1923 г. польская разведка ставила перед мнимыми участниками МОЦР следующие вопросы:

- «1) Сведения Высшей Аттестационной Комиссии.
- 2) Круг знакомых Троцкого, Склянского, Каменева, Лебедева, Шапошникова и др.
- 3) Штаты Разведупра.
- 4) Сведения по Западному округу...»

«Точный маршрут поездки Главкома Каменева. 30 мая он выехал в Туркестан... Из Варшавы получены сведения, что Фрунзе и Тухачевский находятся в данное время в Штеттине. Просит срочно проверить...»

Эстонская разведка требует от МОЦР:

«Владимирову. Тульский просит сообщить:

1. Верно ли, что Лебедев получил или получает новое назначение куда-то на Восток.
2. Верно ли, что уходит со своего поста Якир.
3. Какую должность сейчас занимает Левичев».

На этом документе кем-то от руки написано: «Ввиду отъезда Тульского ответить прошу сегодня».

По мере разрастания сведений о «деятельности» так называемого «Монархического Объединения Центральной России» из-за границы все чаще и чаще стали поступать требования к «руководителям» МОЦР о вовлечении Тухачевского в эту организацию. Желая придать МОЦР более «авторитетный» и «могущественный» характер, органы ОГПУ «выполнили» это требование белоэмигрантских кругов и, пойдя фактически на дальнейшую компрометацию Тухачевского, сообщили за границу о «вовлечении» его в МОЦР.

В обзоре «Трест», составленном 15 сентября 1931 года сотрудником особого отдела ОГПУ Стырне, по этому вопросу сказано:

«Затем на некоторое время Трест занял зарубежных монархистов якобы происходящими внутри самого Треста недоразумениями на почве привлечения к работе М. Н. Тухачевского. Дело в том, что неоднократно нам из-за рубежа рекомендовали вовлечь в Трест Тухачевского. Особенно монархическая молодежь хотела видеть в нем русского Бонапарта, предполагали, что он только прикидывается коммунистом, в действительности же монархист. «Поддавшись» этим настроениям, за границу было написано, что Тухачевского удалось привлечь в Трест. Там это сообщение произвело эффект...»

Из этого же обзора видно, что нелегально прибывшие осенью 1923 г. в Советский Союз из Франции от генерала Кутепова его агенты Захарченко и Радкович, введенные в заблуждение агентами и сотрудниками ОГПУ, выдававшими себя за участников МОЦР, в письмах из СССР к Кутепову подтверждали участие Тухачевского в этой антисоветской организации.

В заграничных белоэмигрантских кругах на основе дезинформации из ОГПУ создалось твердое убеждение о заговорщической деятельности Тухачевского. Правда, при написании в 1931 г. обзора «Трест» Стырне, как лицо непосредственно ответственное за распространение компрометирующих данных в отношении Тухачевского, представляет дело таким образом, что будто бы инициатива

«вовлечения» Тухачевского в МОЦР исходила из-за границы, ибо там предполагали о его нелояльности к Советской власти. Однако Стырне умалчивает, что об этой «нелояльности» Тухачевского сообщил еще ранее за границу агент ОГПУ < >, что в распространении этой версии участвовали и другие агенты ОГПУ.

В середине 1923 года < > снова выехал в командировку в Берлин и Париж, где встречался с белоэмигрантами Лампе, Климовичем, Миллером, Кольмсенем, «великим князем» Николаем Николаевичем и др., с которыми обсуждал вопросы подготовки переворота в СССР, говорил с ними о Советской Армии и личном составе МОЦР.

Перед отъездом < > в эту командировку 26 июня 1923 года были подготовлены вопросы, которые он должен осветить при встречах с белоэмигрантами. В вопроснике сказано:

«Требуется:

1. Список генералов, находящихся в контакте с МОЦР и готовых выступить.
2. Список прежних крупных сановников, примыкающих к МОЦР.
3. Список воинских частей, в которых имеется организация, с указанием местонахождения части и по возможности разделение частей по степени готовности на несколько разрядов. (Указать [процентное отношение])...
5. Указать, не следует ли требовать скорейшего выступления.
6. Разрешить проводить мысль, что активная молодежь, томясь бездействием, все более начинает увлекаться фашизмом, почему, если пройдет еще некоторое время до решительных действий, все движение может принять иную форму и вылиться в фашизм...
8. Указать, на чье имя адресовать корреспонденцию.
9. Предупредить о приезде в Берлин и предложить ему принимать корреспонденцию для отправки по адресу».

Для информации (вернее - дезинформации) белоэмигрантских кругов < > также были вручены «Резолюция по военному вопросу» и резолюция якобы собиравшегося съезда МОЦР.

В «Резолюции по военному вопросу», в частности, говорится:

«3. Считать, что основной задачей штаба и военной группы является упрочение монархических и национальных идей в Красной Армии, что должно привести к превращению последней в национальную русскую армию.

4. Основными моментами работы признаются:

- а) Завоевание кадровым офицерством командных постов.
- б) Борьба за единоначалие в Красной Армии с упразднением комиссарского состава, причем в частях, где он упраздняется, кадровому офицерству предлагается для сохранения командных постов записываться в коммунистическую партию...
8. Направить все усилия к вхождению во все без исключения штабы и к созданию агитационных ячеек в частях.
9. Обратить самое серьезное внимание на насаждение наших людей во все арсеналы и склады боевых припасов и снаряжения...
13. Предложить штабу заняться изучением фашизма».

В этой резолюции указано также, что с ведома Совета и штаба МОЦР можно передавать шпионские материалы о Красной Армии разведкам иностранных государств.

Для придания за границей большей уверенности в «могуществе» МОЦР и в ее «прямых связях» с крупными должностными лицами Красной Армии органы ОГПУ и Разведупр РККА передавали агентам иностранных разведок различные «документы» о боевой и мобилизационной готовности Красной Армии, дислокации, численности, штатах и боевой оснащённости частей и соединений, фамилии командиров и

начальников штабов корпусов и дивизий, провозной способности железных дорог, мощности военной промышленности и ряд других военных сведений, интересовавших разведки буржуазных государств, в частности, Польши, Эстонии и др.

Однако, боясь, что передача заведомо ложных данных может расшифровать легенду «Трест», руководство ОГПУ, наряду с дезинформационными материалами по этим вопросам, передавало через своих агентов и действительные сведения о Красной Армии, причем был передан ряд документов за подлинными подписями ответственных военных работников.

В обзоре «Трест» Стырне указал, что иноразведкам направлялись:

- «1) агентурные донесения по заданиям иноразведок;
- 2) донесения, составляемые по собственной инициативе источника;
- 3) подлинные приказы или копии с них, поскольку таковые уже имелись у противников, или подлинные, передача которых вызывалась «тактическими» соображениями;
- 4) «подлинные», но переработанные приказы, документы или копии с них;
- 5) совершенно ложные приказы и другие равноценные документы;
- 6) официальные, неофициальные и секретные (устаревшие или потерявшие актуальное значение) военные издания;
- 7) инспирированные статьи и хроникерские заметки в печати».

Получение белоэмигрантами и иноразведками сведений за подлинными подписями должностных лиц РККА бесспорно убеждало их в том, что они имеют дело с антисоветской организацией, в состав которой входят видные военные руководители. Так, в 1923 году польской разведке был передан для фотографирования «доклад с подробными цифрами обеспечения техническим снабжением Красной Армии военного времени» от 15 X.1923 г. за № 2143/сс за подлинными подписями Каменева С. С, Уншлихта и Шапошникова.

По поводу передачи этого документа Стырне указал.

«Наши агентурные донесения по разным источникам в общем носили успокоительный характер, но в целом на этот вопрос был дан ответ польской разведке путем передачи на фотографирование «подлинного» документа за подлинными подписями Главнокомандующего всеми вооруженными силами тов. С. С Каменева, члена РВС СССР тов. Уншлихта и за нач. штаба тов. Б. М. Шапошникова. Этот исключительно важный документ, содержащий цифровой материал технического снабжения Красной Армии военного времени и его заключительная военно-политическая часть... имел не только в данный тревожный политический момент весьма большое значение, но и во всей нашей дальнейшей работе, поскольку эти цифровые данные нашей материальной обеспеченности легли в основу последующих работ польского и французского генеральных штабов и специального совещания представителей французского и польского генеральных штабов осенью 1924 года».

29 января 1925 г. польской разведке были переданы списки командиров и начальников штабов корпусов и дивизий РККА, а также другие сведения о Советской Армии в списках командиров и начальников штабов соединений значатся: «Дыбенко, Федько, Фельдман, Каширин, Кутяков и многие другие».

В конце 1923 г. - начале 1924 года, когда выяснилось, что органы ОГПУ «переиграли» с именем Тухачевского, было дано указание (кем, не установлено) о «выводе» Тухачевского из разработки «Трест». По этому поводу Стырне писал:

«...так как было признано неудобным «числить» Тухачевского в составе Треста и было получено распоряжение прекратить игру с его фамилией, - пришлось для заграницы вывести его из состава Треста. Но это нужно было сделать постепенно. Мы писали,

что руководитель «Треста» Заянчковский^{vii} (который в то время еще и не знал о том, что он состоит в какой-то контрреволюционной] организации), вопреки постановлению политического совета, не допускает к практической деятельности Тухачевского и что на этой почве возник серьезный конфликт между Заянчковским и другими руководителями «Треста», дело якобы дошло до того, что крупнейшие руководители «Треста» вынуждены уйти в отставку и ждут замены. Этот маневр давал некоторую передышку, т. к. в роли ушедших, но еще не сдавших должности, трестовские деятели могли некоторое время не проявлять особой деятельности. Работа организации якобы временно заглохла.

Кроме того, происшедший «конфликт» должен был поднять авторитет Заянчковского в глазах Парижа - ибо там его считали недостаточно авторитетным, недостаточно сильным для руководства монархической организацией, а на этом эпизоде, в результате которого по нашим письмам и по разговорам с «племянниками» (то есть с Захарченко и Радковичем — агентами Кутепова, нелегально проживавшими в это время в СССР и связанными с «Трестом» - прим наше), он должен был остаться победителем, Заянчковский выигрывал в смысле и своего авторитета и проявленной твердости и силы воли.

Написав по этому поводу с десяток писем и продержав «племянников» несколько недель в состоянии волнения за судьбы организации, было решено сообщить, что «конфликт» улажен и Тухачевского оставили в покое. Париж разразился рядом писем, в которых излагал свое удовольствие по поводу ликвидации всех недоразумений. «Племянники» тоже были довольны и тоже подробно писали за границу все те перипетии внутри трестовской склоки.

Надо сказать, что этот эпизод потребовал к себе большего внимания, приходилось совершенно точно распределять роли в разговорах с «племянниками». Оперпут излагал свою точку зрения по поводу этих склок. Якушев по-своему оттенял и расценивал якобы происходящие отдельные эпизоды, наконец, Потапов, встречаясь с «племянниками», иногда «считал» нужным бросить то или иное замечание, которое должно было характеризовать и его тревогу за судьбу «Треста» и его взгляды на происходящее».

Однако, как это видно из архивных материалов, органы ОГПУ при «выводе» Тухачевского из МОЦР не преследовали цели рассеять сложившееся за границей по их вине ложное представление о нем как о человеке, враждебно настроенном к Советской власти.

Вместо того, чтобы, например, сообщить за границу, что Тухачевский отказался проводить какую-либо антисоветскую работу и порвал связь с МОЦР, органы ОГПУ представили дело так, будто Тухачевский готов и дальше проводить «практическую деятельность» в заговорщической и шпионской организации, но его не допускает к этой «деятельности» руководитель МОЦР - Заянчковский. Больше того, ОГПУ сообщало, что ряд руководящих работников МОЦР, солидаризируясь с Тухачевским, ушли из этой организации. Таким образом, «выход» Тухачевского и его сторонников из МОЦР в том виде, как он был представлен органами ОГПУ, фактически предполагал, что все эти лица будут продолжать антисоветскую работу, но вне МОЦР. Органы ОГПУ и дальше продолжали компрометацию Тухачевского, создавали за границей еще большую уверенность о его враждебном отношении к Советской власти.

Компрометирующие сведения о Тухачевском и других советских военных деятелях не оставались достоянием лишь белоэмигрантских организаций. Эти сведения от белоэмигрантов попадали иностранным разведкам разных стран, раздувались,

^{vii} Здесь и далее так в документе. Правильно –А.М. Заянчковский.

искажались и распространялись ими в выгодных для разведок направлениях. Изобретенная ОГПУ легенда о Тухачевском, как об антисоветском человеке, в устах иноразведок приобретала уже характер «секретных сведений», которые подхватывались нашей агентурой за границей и возвращались в адрес авторов этой легенды. Так, проживавший в Эстонии английский разведчик Жидков в письме, адресованном МОЦР, 12 января 1925 года сообщил:

«По имеющимся у меня сведениям из солидного источника - вполне пригодны для обработки в желательном для Вас духе (партийном) Тухачевский и Вацетис. Особенно последний, к нему имеются даже ходы». ::

На этом письме имеется резолюция: «т. Артузову. Стырне. 24.1.25 г.».

Направлялись ли за границу от имени МОЦР какие-либо компрометирующие Вацетиса данные, пока не установлено, но они могли исходить и по собственной инициативе от агента ОГПУ <>, который был знаком с Вацетисом.

После вербовки <> с ним состоялась беседа, которая была оформлена документом, озаглавленным: «Разговор с <> 7 мая 1922 г.». В нем о Вацетисе сказано:

«Вацетиса <> знает еще с империалистической войны, когда он служил в латышском полку, командиром которого и был Вацетис. Связь между ними почти никогда не прекращалась. В 1921 году Вацетис заходил к <> довольно часто. Материалов в письменном виде разведывательного характера <> от Вацетиса не получал, кроме военных журналов и советской военной литературы. Связь с Вацетисом после переезда последнего на новую квартиру в конце 1921 года прекратилась и в этом году уже не возобновлялась».

Это признали достаточным «основанием» для органов ОГПУ, чтобы взять под подозрение Вацетиса и организовать за ним агентурное наблюдение с помощью <>.

В докладной записке от 2 мая 1922 г. на имя начальника ИНО ОГПУ Артузова сотрудник ОГПУ Кияковский писал:

«Относительно Академии Генштаба «Груша» (т. е. <> - прим. наше) дал следующие данные. До марта месяца он встречался с проф. Свечиным и Незнамовым, а раньше и со скрывшимся теперь в Эстонию б[ывшим] генер[алом] Лебедевым, через которого он с нами и познакомился. Фактически документальных данных он от них не получал и агентами их назвать не может, но из их разговоров по военным вопросам он часто узнавал весьма ценные для Эстштаба сведения. В дальнейшем решено, что Груша вновь свяжется со Свечиным и сведет его с нашим № 202. Этим мы надеемся осветить Свечина и выяснить его поведение. Тем более, что ближайший друг Свечина Лебедев давал материалы Груше. То же самое Груша говорит и относительно Генштаба Вацетиса. К нему тоже решено снова направить Грушу».

Лишь имея прямое указание Менжинского не связывать «Трест» с английской разведкой из-за боязни расконспирации, органы ОГПУ не сообщили представителю английской разведки Жидкову о «причастности» Тухачевского и Вацетиса к антисоветской организации, а написали 29 января 1925 г. уклончивый, двусмысленный ответ:

«Мы не сомневаемся в солидности источника, из которого Вы почерпнули данные относительно пригодности для обработки Т. и В. (Тухачевского и Вацетиса. — прим. наше), но оба эти лица — герои не нашего романа. Они достаточно обнюханы и обследованы нами и мы не видим никакой пользы от того, чтобы привлекать их к себе».

Несмотря на то, что Тухачевский был «отстранен» от участия в «деятельности» МОЦР, однако им усиленно продолжали интересоваться белоэмигранты. Они жаждали того, чтобы он и другие видные военачальники были на их стороне.

Об этом свидетельствует, например, донесение агента ОГПУ <>, выезжавшего в октябре 1926 года в Париж для встречи с Кутеповым и другими белоэмигрантами:

«В отношении Красной Армии Кутепов интерес проявлял только в области настроений - преимущественно у командного состава и взаимоотношений военнослужащих в служебное и внеслужебное время; отчасти также интересовался бытом армии.

Из отдельных лиц интересовался т. Ворошиловым, Тухачевским и крупными военспецами, из числа бывших полковников, генералов. Особенный интерес проявлял почему-то к т. Тухачевскому, спрашивал, не может ли быть он привлечен в ряды сторонников национального движения».

К 1927 году работники ОГПУ, занимавшиеся разработкой «Треста», пришли к убеждению о необходимости свертывания этого дела. По их мнению, широкие связи, завязанные «участниками игры», все больше и больше вели к расшифровке «Треста». Предложение о ликвидации «Треста» было поддержано руководством ОГПУ. В связи с этим началась подготовка к «ликвидации» МОЦР.

Однако события развернулись по-другому. В апреле 1927 года один из главных агентов «Треста» работник ОГПУ Оперпут вместе с агентом ген[ерала] Кутепова Марией Захарченко бежали за границу, и там Оперпут расшифровал легендированную организацию МОЦР. Оперпут, бывший сподвижник террориста Савинкова, был в 1921 г. арестован органами ВЧК и, находясь в заключении, в январе 1922 г. был привлечен к работе < >. В деле «Треста» он принимал очень активное участие. Оперпут — политически неустойчивая личность, карьерист и авантюрист, затаивший на время свою злобу к Советской власти. Вскоре после бегства из СССР в Финляндию он вместе с Захарченко нелегально возвратился в Москву для проведения диверсионной и террористической деятельности. Серьезного акта им осуществить не удалось. Однако Оперпут и Захарченко сумели в июне 1927 года совершить поджог общежития работников ОГПУ на Малой Лубянке. После этого они пытались бежать за границу, но, будучи обнаруженными работниками ОГПУ в Смоленской области и находясь в безвыходном положении, застрелились.

В агентурном деле «Трест» имеется переведенный с польского языка документ, озаглавленный «Оценка доклада начальника штаба Красной Армии за время с 9.XII.25 г. - 19.III.27 г. на имя Председателя Ревсовета».

Из содержания этого документа видно, что польская разведка получила доклад начальника штаба РККА Тухачевского от «монархической организации». Доклад, как это видно из архивных материалов, содержал ряд дезинформационных сведений. Однако с точки зрения военных данных он раскрывал важные вопросы, касающиеся мобилизационной и боевой готовности РККА, железнодорожного транспорта и т. п. Был ли доклад передан полякам за подписью Тухачевского или в виде копии или фотокопии - неизвестно, но польская разведка отметила, что «в отношении формы подлинность документа не вызывает сомнения».

После измены Оперпута, расшифровавшего легендированную организацию МОЦР, польская разведка в конце 1928 года провела обстоятельный анализ «доклада» Тухачевского путем сопоставления его содержания с различными данными, в том числе с официальными выступлениями в печати Ворошилова, Тухачевского, Каменева С. С., Пугачева и др. В этом анализе говорится:

«...Из вышеизложенного сопоставления вытекает совершенно ясно, что оперативная мысль, представленная в рапорте якобы Тухачевского, не имеет ничего общего с наблюдениями II отдела Генштаба».

В разделе «Общий итог анализа доклада Тухачевского» польская разведка указала: «Таким образом, мы имеем дело с типичным фактом инспирации. Принимая во внимание сам характер инспирации, ранее уже сделанные наблюдения в отношении работы источника (монархическая организация) и в отношении метода ведения инспирации со стороны советского штаба (преувеличенно представляет в хорошем

освещении ценность Советской Армии) можно утверждать с полной уверенностью, что, несмотря на монархическое происхождение источника, откуда был получен документ, документ этот сфабрикован и доставлен советским штабом и что весь источник является просто его органом... Монархическая организация в Москве, имеющая представителей у нас в Варшаве и в других зарубежных центрах, является просто организацией советского шпионажа как по отношению к нам, так и в отношении ко всей русской эмиграции».

Еще до провала «Треста» органы ОГПУ слегадировали ряд других, подобных МОЦР, фиктивных антисоветских организаций, через агентуру которых направляли за границу дезинформационные материалы, а также компрометирующие Тухачевского сведения.

По этому поводу сотрудники ОГПУ в документе, озаглавленном «Цели легенды «Трест», писали:

«Посредством проработанных материалов о Красной Армии (специально организованным для этой цели при Разведупре РВС отделением) дезориентировать разведку противника в желательном для Революционного] Воен[ного] Совета направлении. Эти материалы сперва распространялись нами через «Трест», а затем стали передаваться по другим линиям».

Создание параллельных «нелегальных антисоветских организаций» необходимо было ОГПУ для того, чтобы, во-первых, организовать передачу иноразведкам и белоэмигрантам сведений и документов якобы из различных источников, что должно полнее убедить их в «доброкачественности» получаемых материалов и, во-вторых, в случае провала «Трест» органы ОГПУ могли использовать для связи с иноразведками и белоэмигрантами эти параллельно «существующие» каналы.

Одним из таких каналов, например, являлась агентурная разработка, именовавшаяся «Синдикат-4», которая велась с 1924 по 1930 г.

По этой разработке органы ОГПУ легендировали перед белоэмигрантами и иностранными разведками существование на территории СССР нелегальной «Внутренней российской национальной организации» («ВРНО») с центром в Москве, которая ставит целью свержение Советской власти.

В период 1925 года ОГПУ вело переписку через своего агента < > с представителями берлинского объединения монархистов-кирилловцев («великий князь» Кирилл Владимирович претендовал на царский престол и даже объявил себя за границей русским императором). В ноябре 1925 г. под видом представителя штаба «ВРНО» в Берлин был направлен < >, который там встретился с представителями Кирилловцев Бельгардом и генералом Бискупским. В состоявшихся беседах < > проинформировал их о состоянии «ВРНО» и договорился о проведении совместной антисоветской работы. Он также сообщал Бискупскому ложные компрометирующие данные на Тухачевского, якобы имеющего бонапартистские намерения.

По этому поводу < > 24 декабря 1925 г. в своем докладе в ОГПУ писал:

«Бискупский очень интересовался, что из себя представляют Раттель, Савватеев, Тухачевский и новые командующие округами. А когда я ему несколькими мазками нарисовал Тухачевского как чистейшего бонапартиста, то он сказал, чтобы мы обещали ему, что государь (имеется в виду „великий" князь Кирилл Владимирович - примечание наше) его назначит флигель-адъютантом, если он перейдет на нашу сторону в нужный момент и вообще бы не скупился всяких наград лицам, нам нужным, если этим можно перетянуть их на свою сторону».

При содействии Бельгарда < > установил связь с членом межсоюзной контрольной комиссии в Германии флигель-адъютантом английского короля полковником Раддеем, которому нарисовал общую схему и цель организации «ВРНО», и договорился с ним о дальнейшей связи. Эта связь развития не получила, так как

Раддей с указанной должности был отозван.

В дальнейшем выяснилась слабость кирилловского движения, в связи с чем усилия ОГПУ были направлены на установление связей «ВРНО» с английской и немецкой разведками.

Так, в июне 1926 года < > через немецкого барона Клейста вел переговоры о контакте с разведкой немецкого рейхсвера, но чины рейхсвера от прямой связи с «ВРНО» уклонились, а подставили для этой цели некоего Рау, являвшегося агентом немецкой полиции и разведки генштаба Германии.

В феврале 1927 года < > при содействии Бискупского связался с представителем немецкой фашистской организации «Стальной шлем» Энкелем и с некоей Ваттер, являвшейся уполномоченным лидера германской национальной партии, члена рейхстага графа Вестарпа. Однако Энкель и Ваттер отказались содействовать «ВРНО».

В августе 1926 года была развернута и английская линия в разработке «Синдикат-4» через < >, имевшего обширные связи с русской белоэмиграцией. В 1926—1927 гг. < > провел переговоры о поддержке «антисоветской» деятельности «ВРНО» с английскими правыми консерваторами Локар-Лемпсоном, Биркенхедом, Детердингом и др. После этого ОГПУ направило за границу < >, который встретился с англичанами Детердингом, Биркенхедом и др., а также вел переговоры от имени «ВРНО» с уполномоченным начальника русского отдела английского МИДа Моором в присутствии бывшего начальника английской разведки в России Торнхилла и руководителя английской разведки в Прибалтике Мак-Ферзона.

В своем докладе < > 16 мая 1927 года писал в ОГПУ:

«Интересуясь вопросом будущего переворота в России, Детердинг добивался от меня, чтобы я сказал ему, кто из лиц, пользующихся особой симпатией, будет во главе движения. Этот вопрос он задал мне три раза, добиваясь определенного ответа. Я ответил, что такого человека у нас нет и его невозможно отыскать в России, но есть человек, который очень популярен в армии, который и будет выдвинут у нас на роль высшего руководителя в нашем движении. Детердинг очень обрадовался этому и говорил, что вот о таком-то человеке он и спрашивал».

Из архивных материалов «Синдикат-4» нельзя установить, называлось ли в 1927 году имя Тухачевского как возможного руководителя антисоветского движения. Однако его имя, как предполагаемого военного диктатора после свержения Советской власти, уже упоминается в подписанном < > 17 апреля 1928 года плане командировки агентов < > в Париж, Берлин и Лондон. В этом плане подробно изложена линия поведения агентов при переговорах по делу «ВРНО» с представителями различных белоэмигрантских центров, а также с руководителем английской парламентской фракции консерваторов Локар-Лемпсоном, его секретарем Смисом, Мак-Ферзоном, Детердингом и др.

На вопрос, кто будет в случае благоприятного переворота в России поставлен во главе движения, агенты должны были ответить:

«Вероятнейшим спасителем России от возвращения комвласти и способом удержания благоприятных результатов предполагаемого переворота является диктатура лица, которое в момент переворота будет избрано поднявшими меч. На это лицо и будет возложено вывести Россию из хаоса, т. к., совершив переворот, невозможно удерживать до бесконечности достигнутое только штыками. Конечно, нельзя вперед назначать такого диктатора, но подготовить обстановку к избранию именно данного лица, пользующегося популярностью, особенно в армии, которая будет играть в этом перевороте не последнюю роль, мы должны. Считаясь со свойствами характера, с популярностью как в обществе, так особенно в армии, и с жизненной подготовкой, организация наметила на эту роль Тухачевского, который, конечно, об этом не знает,

но окружение его в этом случае настолько подготовлено в нужном направлении, что у нас нет никаких сомнений, что в решительную минуту он будет с нами и во главе нас».

О том, что указанный план с компрометацией Тухачевского был выполнен органами ОГПУ, видно из доклада агента < > от 27 июля 1928 года о поездке его в Париж, где он встречался с белоэмигрантами Мельгуновым, Кутеповым, Зайцевым и др.

«Во время второго свидания Кутепов поднял вопрос о переходном времени и необходимости на этот период установления твердой и сильной диктатуры. «Фотограф» (псевдоним < >. - прим. наше) ответил, что этот вопрос у нас разбирался и что мы именно решили, что первые 1,5-2 года... мы предполагали установить на этот срок диктатуру. Тогда Кутепов задал сразу вопрос, как мы в этом случае смотрим на Тухачевского. Таким образом, очевидно Мельгунов передал Кутепову разговор с ним на эту тему, во время которого «фотограф» указывал ему на Тухачевского, как на предполагаемого нами в будущем диктатора. К этому времени Кутепов уже достаточно выпил, и «фотограф», отвечая ему, заявил, что нами был намечен этот кандидат только потому, что в своих рядах мы не находили человека, пользующегося в армии и у населения такой популярностью и симпатией, как Тухачевский».

В ноябре 1928 года для перепроверки деятельности «ВРНО» в Москву нелегально прибыл представитель Кутепова - белоэмигрант Огарев, с которым имел неоднократные встречи агент < >, представившийся как участник «ВРНО».

В своей сводке от 1 декабря 1928 года < > со слов Огарева сообщил, что руководитель белогвардейского эмигрантского «Народно-революционного союза» в Париже Алексинский в 1928 году в присутствии Огарева обращался к представителю французского генерального штаба с просьбой оказать финансовую помощь для развития антибольшевистского движения среди эмиграции. Как подчеркивает < >, этот представитель генштаба указал:

«...денег дадут немедленно, если Алексинский будет доставлять материалы о вооруженных силах СССР. В частности, ему было указано, что генштаб интересуется сведениями... о возможностях пропаганды в войсках идей бонапартизма путем выдвижения Тухачевского... О возможностях осуществления бонапартизма Огарев спрашивал М. < >, который и указал, что касается Тухачевского, то последний имеет все данные для такой роли и пользуется большой популярностью среди комсостава, особенно из числа быв. офицеров».

В январе 1930 года агенты < > были направлены в Берлин, где встречались с Кутеповым и др. белоэмигрантами, а также членом германского рейхстага Бантом и берлинским уполномоченным «Стального шлема» майором Вагнером. Все эти лица обещали оказывать помощь мнимой «ВРНО».

Агентурная разработка «Синдикат-4» прекратила свое существование в 1930 году, так как < > были заподозрены в причастности к исчезновению белого генерала Кутепова, являвшегося в то время председателем РОВС.

В архивах КГБ при Совете Министров СССР имеются и некоторые другие данные, говорящие о том, что органы ОГПУ, легендируя существование антисоветских организаций с различными наименованиями, вводили в игру имя Тухачевского и других руководящих работников Красной Армии и советских государственных учреждений, сообщали на них иноразведкам различные ложные компрометирующие сведения.

Агентурная разработка органами ОГПУ - НКВД Тухачевского, Каменева С.С. и других советских военачальников

Имеется немало данных о том, что Тухачевский, Каменев С. С., Шапошников, Якир,

Корк, Буденный и многие другие известные советские военачальники длительное время находились под агентурным наблюдением органов НКВД. В отношении их с помощью специально подосланной агентуры распространялись всяческие слухи, сплетни, дезинформационные материалы и другие компрометирующие данные.

Ознакомление с этими < > материалами свидетельствует о том, что органы НКВД, наряду с искусственной компрометацией Тухачевского, старались держать его в поле своего зрения и предпринимали меры по освещению его взглядов и настроений. Тухачевский, как и другие военные специалисты, разрабатывались органами НКВД, причем в их разработке принимали участие сотрудники НКВД, которые участвовали и в легендированной разработке «Трест».

Выше подчеркивалось, что провокационные методы работы органов ОГПУ - НКВД приводили к тому, что распространяемые агентами «компрометирующие» сведения о Тухачевском становились достоянием третьих лиц и возвращались назад в эти органы уже по другим каналам, как агентурные данные. Получаемые таким путем материалы, как правило, не проверялись, а до определенного времени накапливались в архивах НКВД СССР.

Деятельное участие в провокационной затее по компрометации Тухачевского и его окружения принимали агенты НКВД < > и другие.

Основным агентурным делом, по которому органы ОГПУ - НКВД вели разработку Тухачевского и других видных военных специалистов, является дело «Генштабисты». В нем сосредоточены материалы о военачальниках, начиная с 1924 года. По делу проходило свыше 350 человек. На оперативный учет органов НКВД как «неблагонадежные» были взяты Тухачевский, Каменев С. С, бывший главком Вацетис, Бонч-Бруевич, генералы Снесарев, Свечин и многие другие.

Впервые агентурные донесения о якобы имевшихся у Тухачевского бонапартистских настроениях стали поступать в органы НКВД в декабре 1925 года от агента < >:

«В настоящее время, - сообщал он, - среди кадрового офицерства и генералитета наиболее выявилось 2 течения: монархическое... и бонапартистское, концентрация которого происходит вокруг М.Н. Тухачевского».

В связи с тем, что в последующих сообщениях < > называл ряд военнослужащих Красной Армии из бывших офицеров царской армии, которые якобы входили в кружок Тухачевского, то органы НКВД привлекли к негласному сотрудничеству и некоторых сослуживцев Тухачевского и направили их на разработку этого кружка, называя его « бонапартистским».

Однако никто из них, в том числе и < >, не сообщали о какой-либо антисоветской деятельности Тухачевского. Будучи арестованным в 1938 году, < > показал, что органы ОГПУ давали ему задание по разработке Тухачевского, но никаких компрометирующих его материалов установить ему, < >, не удалось.

Среди агентов НКВД, разрабатывавших Тухачевского, были и такие, < >, которые действовали активно, проявляли инициативу в добывании любых слухов и сплетен о Тухачевском, обрабатывали эти сплетни, дополняли их своими домыслами и предположениями. Эти агенты, наряду с выполнением задания ОГПУ - НКВД по разработке и компрометации Тухачевского, участвовали в агентурных мероприятиях по упоминаемому выше делу «Трест». Будучи знакомыми между собой и не зная вначале о связи каждого из них с органами госбезопасности, агенты < > передавали один другому различные слухи, порочащие Тухачевского. Впоследствии эти компрометирующие сведения стекались в НКВД СССР и становились достоянием многих работников НКВД.

Лица, использовавшиеся органами ОГПУ - НКВД в разработке Тухачевского и других, не внушают доверия. < >

Весной 1928 года, например, < > по заданию органов НКВД установила связь с

немецким журналистом Гербингом, проживавшим до 1937 г. в Москве. Гербинг подозревался в связи с германскими разведывательными органами и характеризовался как лицо, враждебно настроенное к Советскому Союзу. Ссылаясь на сообщения Гербинга, < > поставляла в НКВД различные компрометирующие видных советских военачальников сведения. Она явилась автором измышлений о существовании в Красной Армии военного заговора.

Германской разведке было известно о связи < > с органами НКВД. Бежавший в 1927 году за границу Оперпут, раскрывая агентуру, участвовавшую в разработке «Грест», в числе агентов ОГПУ - НКВД назвал и < >. Не исключена поэтому и та возможность, что компрометирующие Тухачевского и других советских военачальников сведения передавались в НКВД через Гербинга по заданию германской разведки.

Вот одно из донесений < > о сведениях, полученных ею в июне 1929 года от Гербинга:

«В 1929 году германский корреспондент Гербинг говорил нам, что Каменев С. С. и Тухачевский отдельно друг от друга работают в пользу Германии по заданиям германского генштаба. Гербинг говорил, что Каменев работает давно и активно, а Тухачевский очень вяло».

< > Несмотря на то, что имевшиеся в органах НКВД «компрометирующие материалы» в отношении Тухачевского и других военнослужащих являлись, с одной стороны, следствием провокационных методов работы самих органов НКВД, а с другой стороны, представляли собой дезинформационный материал иностранных разведок или различного рода клеветнические измышления и домыслы, эти материалы систематически обобщались в НКВД и были затем положены в основу выводов о том, что все военные специалисты дореволюционного периода, находившиеся на службе в Красной Армии, в том числе Тухачевский и его окружение, были враждебно настроены по отношению к Советской власти.

В одном из таких обобщающих документов НКВД СССР указывалось:

«В РККА преимущественно в высших учреждениях на службе состоит значительное количество б[ывшего] кадрового офицерства. Эта категория военспецов является по своему бывшему и социальному положению наиболее чуждой Советской власти... Все они ждут падения Советской власти».

Названные выше материалы явились в 1930-32 гг. поводом для проведения массовых репрессий в отношении военачальников и, прежде всего, бывших военных специалистов. Лишь по одному очень большому делу, получившему условное наименование «Весна», было арестовано более 3000 офицеров и генералов бывшей царской армии, служивших на различных должностях в Красной Армии в Москве, Ленинграде, на Украине, в Белоруссии. Все они голословно обвинялись в принадлежности к различного рода антисоветским офицерским организациям, в проведении вражеской деятельности. Колебания и неустойчивость некоторых из них по отдельным вопросам политики нашей партии квалифицировались как организованная деятельность против Советской власти.

Среди арестованных находились преподаватели Военной академии Какурин и Троицкий. Арестом этих лиц, как наиболее близко стоявших по совместной работе в Академии к Тухачевскому и поддерживавших его в военных взглядах, преследовалась цель получения компрометирующих показаний на Тухачевского.

Троицкий и Какурин дали много таких показаний, из которых при желании можно было сделать, например, вывод о симпатиях Тухачевского к правому уклону. Вначале эти показания были очень общими и расплывчатыми. В них высказывались лишь различные предположения и сомнения.

Однако на допросе 26 августа 1930 года от Какурина были уже получены показания, которые прямо компрометировали Тухачевского:

«В Москве временами собирались у Тухачевского, временами у Гая, временами у цыганки. В Ленинграде собирались у Тухачевского. Лидером всех этих собраний являлся Тухачевский, участники: я, Колесинский, Эстрейхер, Егоров, Гай, Никонов, Чусов, Ветлин, Кауфельдт. В момент и после XVI съезда было уточнено решение сидеть и выжидать, организуясь в кадрах в течение времени наивысшего напряжения борьбы между правыми и ЦК. Но тогда же Тухачевский выдвинул вопрос о политической акции, как цели развязывания правого уклona и перехода на новую высшую ступень, каковая мыслилась как военная диктатура, приходящая к власти через правый уклон. В дни 7-8 июля у Тухачевского последовали встречи и беседы вышеупомянутых лиц и сделаны были последние решающие установки, то есть ждть, организуясь».

На последующих допросах Какурин пошел еще дальше и сообщил, что заговорщическая организация Тухачевского якобы зародилась еще до 1930 года. Какурин много рассказывал на допросах о взглядах Тухачевского, его окружения, методах привлечения людей на свою сторону, о популярности Тухачевского. Всему этому он придавал окраску тайного сговора об антиправительственных действиях, хотя каких-либо конкретных фактов такой деятельности Тухачевского в показаниях Какурина и Троицкого не содержится.

Всем этим показаниям против Тухачевского было придано исключительно важное значение. Они были доложены Менжинскому, который 10 сентября 1930 года письменно сообщил Сталину следующее:

«Я доложил это дело т. Молотову и просил разрешения до получения ваших указаний держаться версии, что Какурин и Троицкий арестованы по шпионскому делу. Арестовывать участников группировки поодиночке - рискованно. Выходов может быть два: или немедленно арестовать наиболее активных участников группировки, или дождаться вашего приезда, принимая пока агентурные меры, чтобы не быть застигнутым врасплох.

Считаю нужным отметить, что сейчас все повстанческие группировки созревают очень быстро и последнее решение представляет известный риск».

К своему письму Менжинский приложил протоколы допросов Какурина и Троицкого. Получив эти документы, Сталин воспринял их без должной критической оценки и 24.X.1930 года в письме к Орджоникидзе высказал мысль о политической нелояльности Тухачевского. Он писал:

«Прочти-ка поскорее показания Какурина - Троицкого и подумай о мерах ликвидации этого неприятного дела. Материал этот, как видишь, сугубо секретный: о нем знает Молотов, я, а теперь будешь знать и ты. Не знаю, известно ли Климу об этом. Стало быть, Тух[ачев]ский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру, лишь бы избавиться от ЦК, от колхозов и совхозов, от большевистских темпов развития индустрии. Как видишь, показания Орлова и Смирнова (об аресте П[олит]б[юро]) и показания Какурина и Троицкого (о планах и «концепциях» Т[ухачевско]го) имеют своим источником одну и ту же питательную среду — лагерь правых. Эти господа хотели, очевидно, поставить военных людей Кондратьевым - Громанам - Сухановым. Кондратьевско-сухановско-бухаринская партия, - таков баланс. Ну и дела...

Покончить с этим делом обычным порядком (немедленный арест и пр.) нельзя. Нужно хорошенько обдумать это дело. Лучше было бы отложить решение вопроса, поставленного в записке Менжинского, до середины октября, когда мы все будем в сборе.

Поговори обо всем этом с Молотовым, когда будешь в Москве».

В дальнейшем от Какурина были получены показания сначала о заговорщических, а затем и о террористических настроениях Тухачевского. Так, 5 октября 1930 года Какурин заявил на следствии:

«Далее Михаил Николаевич говорил, что, наоборот, можно рассчитывать на дальнейшее обострение внутрипартийной борьбы. Я не исключаю возможности, сказал он, в качестве одной из перспектив, что в пылу и ожесточении этой борьбы страсти и политические и личные разгораются настолько, что будут забыты и перейдены все рамки и границы. Возможна и такая перспектива, что рука фанатика для развязывания правого уклона не остановится и перед покушением на жизнь самого тов. Сталина... у Мих[аила] Николаевича] возможно есть какие-то связи с Углановым и возможно с целым рядом других партийных или околопартийных лиц, которые рассматривают Тухачевского, как возможного военного вождя на случай борьбы с анархией и агрессией. Сейчас, когда я имел время глубоко продумать все случившееся, я не исключу и того, что, говоря в качестве прогноза о фанатике, стреляющем в Сталина, Тухачевский просто вуалировал ту перспективу, над которой он сам размышлял в действительности».

Аналогичные показания были получены и от арестованного Троицкого.

Сталин совместно с Орджоникидзе и Ворошиловым решили проверить показания Какурина и Троицкого в отношении Тухачевского. В этих целях Какурина и Троицкому была дана с Тухачевским очная ставка, на которой они подтвердили свои показания. Опрошены были также видные военные деятели Гамарник, Якир и Дубовой, хорошо знавшие Тухачевского по совместной работе в РККА. Решение об аресте Тухачевского тогда принято не было.

Протоколов очных ставок Тухачевского с Какуриным и Троицким не сохранилось, не обнаружено также каких-либо других документов, характеризующих эти очные ставки. Нет в архивах и записей бесед Сталина, Орджоникидзе и Ворошилова с Гамарником, Якиром и Дубовым. Однако обо всем этом можно судить по заявлениям Сталина и Ворошилова на заседании Военного Совета при НКО в июне 1937 года. Во время выступления на этом заседании Щаденко Сталин и Ворошилов прервали его следующими репликами:

«Сталин: Мы обратились к т.т. Дубовому, Якиру и Гамарнику. Правильно ли, что надо арестовать Тухачевского как врага. Все трое сказали нет, это должно быть какое-нибудь недоразумение, неправильно.

Ворошилов: Мы очную ставку сделали.

Сталин: Мы очную ставку сделали и решили это дело зачеркнуть. Теперь оказывается, что двое военных, показавших на Тухачевского, показывали правильно...»

Однако утверждение Сталина о правильности показаний Какурина и Троицкого никакими другими данными не подтверждается.

Какурин, участник гражданской войны, во внесудебном порядке в 1932 году был осужден к расстрелу, с заменой в последующем 10 годами лишения свободы; содержался в строгой изоляции и умер в 1936 году. В настоящее время он реабилитирован.

Троицкий в 1930 году был осужден к 3 годам ссылки < >. В 1938 году по вновь сфальсифицированным материалам он был арестован как участник военного заговора, возглавляемого якобы Тухачевским. На следствии Троицкий подтвердил показания, данные им в 1930 году, об антисоветских настроениях Тухачевского и заявил:

«...Вернувшись из Турции (примерно в 1925 году. - прим. наше), я восстановил связи с Тухачевским и Какуриным. У Тухачевского я сделался частым гостем. У него собирались почти каждый день и хотя о какой-либо политической группировке не было и речи, но все члены компании молча соглашались друг с другом, что центром объединения является Тухачевский и его политическое будущее. За период 1926-30 гг.

я являлся агитатором достоинств Тухачевского. Восхвалял при всех удобных случаях его таланты, хотя и чувствовал его контрреволюционную сущность, говорю «чувствовал», потому что он был слишком осторожен, да и нас считал, вероятно, недостаточно крупными величинами, чтобы высказываться о своих дальнейших планах. В 1930 году я был арестован. Длинные и тяжелые переживания и размышления привели меня к тому, что я решил раз навсегда отмежеваться от всякой контрреволюции и разоружиться перед Соввластью. Я дал показания о Тухачевском и его окружении и подтвердил их на очной ставке с Тухачевским в присутствии тт. Сталина, Ворошилова, Орджоникидзе и др. членов Политбюро...»

В судебном заседании Военной Коллегии Верховного суда СССР 11 мая 1939 года Троицкий виновным себя не признал, от прежних показаний отказался, заявив, что вынужден был говорить неправду по принуждению. Будучи осужденным к расстрелу, Троицкий в кассационной жалобе от 12.V.1939 года по этому поводу писал:

«Мои показания давались в суровой обстановке 5-месячного пребывания моего в Лефортовской тюрьме, которая ослабила во мне способность бороться за правду даваемых мною показаний и заставила во многих случаях подписывать в протоколах не те формулировки своих ответов, которые отвечали действительности, а те, которые предлагало следствие».

Как было отмечено выше, много видных военных специалистов в 1930 году было арестовано по делу, именуемому «Весна». Обвинения, выдвинутые против этих лиц в антисоветской деятельности, были ложными, сфабрикованными. Это установлено в настоящее время по большому количеству дел, все осужденные по которым реабилитированы. Однако несостоятельность обвинений лиц, осужденных по делу «Весна», была известна и в 1930-1931 годах. Так, например, от арестованного по делу «Весна» преподавателя Военной академии Бежанова-Сакворелидзе в ОГПУ были получены показания, что в состав Московского контрреволюционного центра входили Пугачев С. А. и Шапошников Б. М. На очной ставке, проведенной 13 марта 1931 года в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова и Орджоникидзе, Шапошников и Пугачев изобличили Бежанова в клевете. В связи с этим Пугачев в тот же день был освобожден из-под стражи. Ряд других военачальников, в том числе Шапошников, Каменев С. С. и некоторые другие бывшие офицеры старой армии, вообще не арестовывались, хотя на них тоже имелись показания арестованных.

Отдельные руководящие работники ОГПУ, в их числе Мессинг, Вельский и Евдокимов, еще в 1931 г. считали дела на военных специалистов «дутыми», искусственно созданными и выражали недоверие к показаниям арестованных. Однако эти сигналы не получили правильной оценки. Более того, в этом усматривали «групповую борьбу против руководства ОГПУ». В связи с такой обстановкой указанные лица были освобождены от занимаемых должностей. 6 августа 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об изменениях в составе ОГПУ и перемещениях некоторых членов коллегии ОГПУ на другую работу.

В тот же день Сталиным было подписано директивное письмо, адресованное секретарям ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов партии, в котором указывалось: «Поручить секретарям национальных ЦК, крайкомов и обкомов дать разъяснение узкому активу работников ОГПУ о причинах последних перемен в руководящем составе ОГПУ на следующих основаниях:

1. Тт. Мессинг и Вельский отстранены от работы ОГПУ, тов. Ольский снят с работы в Особом отделе, а т. Евдокимов снят с должности начальника секретно-оперативного управления... на том основании, что...

- б) они распространяли среди работников ОГПУ совершенно не соответствующие действительности разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым» делом;

в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ... ЦК отмечает разговоры и шушуканья о «внутренней слабости» органов ОГПУ и «неправильности» линии их практической работы, как слухи, идущие без сомнения из враждебного лагеря и подхваченные по глупости некоторыми горе-«коммунистами». Характерно, что тогда же решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 августа 1931 г. Реввоенсовет СССР лишился права давать Особому отделу задания и осуществлять контроль за их выполнением, «с тем, чтобы Особый отдел был непосредственно подчинен ОГПУ».

Один из руководящих советских военных работников, в прошлом офицер царской армии Верховский, арестованный еще в 1931 году, в письме на имя Ворошилова, пересланном 5 января 1935 г. Сталину, описывал факты нарушения законности, которыми сопровождалось следствие и судебный процесс по его делу. Верховский указывал, что ему прямо было заявлено, что если не даст показаний о своей антисоветской деятельности и преступлениях его знакомых из числа военнослужащих, то его ждет неминуемый расстрел. Верховский в течение 11 месяцев подвергался изнурительным допросам, содержался в невыносимых тюремных условиях. В своем письме Верховский писал также:

«В камере три раза посещали представители прокуратуры, которым я делал заявление о том, что следствие ведется так, что правду выяснить оно не может. Прокуратура не находила нужным даже выслушать меня.

По всему ходу следствия становилось ясно, что никто совершенно не интересуется правдой, что меня хотят насильно заставить дать ложные показания.

Если к этому прибавить сознание полной беззащитности и внушаемое следствием убеждение, что партия требует от меня дачи этих ложных показаний, во имя каких-то неведомых целей, то станет ясно, что заставило целый ряд лиц, которых следствие связало в одно со мной дело, дать ложные показания и оговорить меня».

Таким образом, имевшиеся в отношении Тухачевского и других военачальников агентурные и следственные материалы об их якобы антисоветской деятельности в процессе следствия по делу ряда арестованных в 1930-31 гг. бывших военных специалистов подтверждения не нашли. Тем не менее органы НКВД продолжали заниматься сбором различного рода агентурных и других материалов, компрометирующих Тухачевского. Его разработкой продолжала упорно заниматься < >, которая умышленно распространяла клеветнические измышления. Руководствуясь низменными соображениями, < >, начиная с 1931 года, вновь начала поставлять в органы НКВД различные клеветнические сведения, порочащие не только Тухачевского, но и многих других руководящих военных работников — Шапошникова, Якира, Путну, Уборевича, Ворошилова и Буденного.

По заданию НКВД СССР < > продолжает поддерживать связь с названным выше Гербингом. В марте 1934 года она, например, доносила:

«Гербинг говорит, что ему известно, что существует заговор в армии, точнее среди высш[его] комсостава в Москве и еще точнее среди коммунистов высш[его] комсостава. Заговор имеет пока целью убийство Сталина, уничтожение существующего сейчас Политбюро и введение воен[ной] диктатуры. Конкретная работа заговорщиков должна начаться в недалеком будущем. Происходящие в данное время аресты - последние конвульсии ГПУ не могут беспокоить армию, т. к. в ее среде безусловно не могут теперь иметь место аресты».

2 мая 1934 года < > донесла, что 30 апреля 1934 г. она посетила Гербинга, который снова заявил ей о существовании заговора в РККА:

«В командном составе Красной Армии, по словам Гербинга, в самых верхах имеется уже реальная измена соввласти с смягчающими ее конкретность видоизменениями по нисходящей линии. Помимо этого в командном составе Красной Армии идет

совершенно самостоятельное, самобытное, так сказать, явление в виде скрытого кипения».

В этой же беседе Гербинг якобы еще сказал:

«Что такое большевики для русской армии? Это не враги, а тот, кто не враг, тот уже по существу и не большевик. Тухачевский - не большевик, им никогда и не был, Уборевич - тоже, Каменев тоже. Не большевик и Буденный. Но их выбор, ск[азал] как бы про себя Герб[инг], пал на Тухачевского».

Донесения о Тухачевском и др. видных военных деятелях < > поставляла не только со слов иностранцев. Как отмечалось, она с 1933 года активно собирала различные слухи о них от своих знакомых, писала в сводках свои личные домыслы, порочащие не только отдельных военных командиров, но и некоторые советские организации и учреждения.

Дело с подлинными донесениями < > в связи с истечением срока хранения уничтожено, но и из сохранившихся копий этих донесений установлено, что она на протяжении более чем 10 лет представила в ОГПУ - НКВД значительное количество сообщений, компрометировавших Тухачевского, Якира, Уборевича, Каменева С.С. Путну, Шапошникова, Буденного и многих других специалистов Советской Армии.

Будучи арестованной в 1937 г., она на допросах и в своих собственноручных показаниях выдавала в качестве своих заслуг тот факт, что систематически доносила в ОГПУ - НКВД о якобы имевшемся в РККА военном заговоре и сообщала порочащие сведения о Тухачевском и других. По этим вопросам < >, в частности, показывала:

«Приблизительно с 1933 г. я сообщала о предательской работе Шапошникова (быв. нач. Академии им. Фрунзе в Москве, потом ком. войск Ленинграда)...

С 1932 г. со времени моей поездки с Гаем в Ленинград я по ленинградским материалам обращала внимание Гая на Корка, Путну, Криворучко и др. менее видных военных».

«В 1933 году меня посылал Сосновский в Ленинград под именем „Веры Павловны Николаевой" для того, чтобы я выяснила настроения среди командного состава РККА, а также и среди бывших офицеров царской армии... В Ленинграде я пробыла дней десять. О настроениях командного состава мною была написана сводка, принятая Гаем, где освещались разговоры о создавшейся организации, захватившей руководство в свои руки. Тогда же мне было известно, что в эту организацию входят ответственные работники парторганов - Шарангович, а из военных Путна, Корк, Эйдеман, Сергеев Е., Фельдман и др. Я Гаю писала, что проскальзывают слухи о якобы готовящемся террористическом акте. Тогда я не могла точно знать, над кем готовится теракт. Впоследствии мне из газет стало известно, что убит был Киров.

Для полного освещения этой группировки я Гая просила, чтобы еще побыть некоторое время в Ленинграде, но он не разрешил.

Тогда я там же связалась с женой Шаранговича, с которой встретила я в Москве во время ее приезда из Ленинграда в Москву. Шарангович должна была меня связать с Корком, Путной, но связь не состоялась, так как Сосновский Шаранговича арестовал. После этого все нити к разработке Корка, Путны и др. порвались».

«С Сосновским я разрабатывала Халепского - начальника мотомеханизированных] частей.

Сосновскому в своих сводках о Халепском я писала, что он создает группировку в частях Красной Армии, которая принадлежала к линии Тухачевского и была сторонниками немцев.

Сведения о такой группировке мною были получены от Готовского Александра Николаевича — полковника, преподавателя Военно-инженерной академии, от Матуля М. А. - помощника Халепского и от его жены».

Изучение в настоящее время донесений < > показывает их провокационный характер.

Многие ее донесения были фантастическими, надуманными, совершенно неправдоподобными. Такого мнения об агентурных сообщениях < > придерживались многие работники НКВД СССР даже в те годы. Например, в одном из донесений от 9.XII. 1934 года < > сообщала, что контрреволюция внутри страны в армии опирается на бывших офицеров и что «из среды военной должен раздаться выстрел в Сталина... выстрел этот должен быть сделан в Москве и лицом, имеющим возможность близко подойти к т. Сталину или находиться вблизи его по роду своих служебных обязанностей».

Прочитав это донесение, бывший начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Гай 13 декабря 1934 года написал: «Это сплошной бред глупой старухи, выжившей из ума. Вызвать ее ко мне».

Однако этот заведомо ложный агентурный материал продолжал концентрироваться в НКВД, а с агентами-провокаторами типа < > поддерживалась постоянная связь.

По своему содержанию сводки < > неконкретны и противоречивы. Сведения, сообщенные ею в этих донесениях, исходят не со слов Тухачевского, с которым она не встречалась с 1923-1924 гг., а со слов третьих лиц. Об этом < > писала еще в декабре 1929 года:

«Лично я, кроме самого Мих. Ник. Тухачевского, который был у нас лет пять тому назад, из его семьи никого не знаю».

Это она подтвердила и в своих объяснениях в ЦК КПСС от 27 апреля 1962 года.

«Фактически я лично ни одного раза с Тухачевским на политические темы не говорила и не сообщила ни одного слова, сказанного мне лично Тухачевским, так как такого случая не было.

Я сообщала о Тухачевском со слов моего отца, моего двоюродного брата Какурина Н.Е., матери и сестры Ивана Александровича Троицкого, Де-Лазари, Александра Николаевича, братьев Готовских... (далее называется еще 20 фамилий. - прим. наше). Возможно, что были еще другие, которых я сейчас вспомнить не могла.

Поскольку я помню, я обычно приводила подробно и точно слова того лица, которое высказывало свое мнение о Тухачевском. У меня с ним, за исключением одного Какурина, не было даже общих знакомых, то есть таких, у которых на дому бывал бы и Тухачевский и я».

Что касается содержания агентурных донесений, то по этому поводу < > в своих объяснениях от 10 мая 1962 года написала:

«Как видно из предъявленных мне показаний и сводок, данных в 1937-1939 гг., я в период с 1923-24 гг. по 1937 г. систематически собирала и передавала в ОГПУ -НКВД различные голословные противоречивые мнения, суждения, высказывания и разговоры, не подтвержденные фактами, а по некоторым вопросам и свои собственные выводы, обобщения и домыслы в отношении Тухачевского, Каменева С. С, Шапошникова, Путны, Якира, Примакова и других командиров Красной Армии. Все эти сведения я получала от Де-Лазари, Какурина, Зуева, Соллогуба, матери Троицкого, Малевского, Гербинга, Ренетто и некоторых других, большинство из которых у меня вызывали сомнения и в тот период. Никакими конкретными фактами, подтверждающими преступную работу Тухачевского, Каменева С. С, Шапошникова, Путны, Примакова и Других и тем более об их организованной антисоветской работе, я не располагала. С Корком, Якиром, Шапошниковым, Каменевым С. С, Путной, Примаковым, Уборевичем я вообще знакома не была, а Тухачевского видела несколько раз до 1924 года, с семьей его знакома вообще не была».

Бывшая сотрудница ОГПУ - НКВД Тарловская на допросах в 1937 году указывала, что она, работая с 1933 г. сначала секретарем начальника отдела НКВД СССР Сосновского, а затем оперуполномоченным, встречалась с < > до декабря 1936 года. Давая оценку работы < >, Тарловская на допросе 29.VIII.1937 г. показала:

«Она являлась агентом Сосновского. Он встречался с ней, принимал сводки, платил ей деньги. Еще до меня с ней встречался и относил ей деньги секретарь, который работал до меня < >. ...Она имела кооперативную книжку и билет в санчасть. После отъезда Сосновского в Ленинград, я по поручению Сосновского стала встречаться с нею, получала сводки и передавала их Гаю. По указанию Гая я передавала сводки по назначению, так, по военным вопросам - Добродицкому и Гарту, по немцам - Волынскому и Кононовичу. Все от ее сводок отрешивались и не хотели их брать, считая их лживыми... Она много писала на руководящий армейский состав, на Якира, Тухачевского, Корка и др. Об этом же писал и ее муж, что мне известно со слов Гарта...

Над этими сводками смеялись, когда я приносила их Добродицкому и Гарту, и говорили, что она выдумывает...

Она особенно хорошо относилась к Сосновскому и Гаю. Однажды ей Гай дал 1.000 рублей на дачу и, с ее слов, мне известно, что ей раньше Гай подарил золотые часы. Внешне к ней относились хорошо, рассказывали, что она в прошлом давала очень ценный материал, но в последнее время якобы «исписалась», часто ее сводки называли бредом сумасшедшей и держали ее за прежние заслуги.

К 1937 году, когда репрессии против партийных, советских и других руководящих кадров стали принимать широкий размах, органы НКВД с большой активностью начали фабриковать компрометирующие материалы и в отношении военных, прежде всего против Тухачевского, Якира, Уборевича и других. Из архивов НКВД СССР был поднят имевшийся там лживый агентурный и следственный материал, вокруг имени Тухачевского стали быстро распространяться различного рода небывлицы.

В январе 1937 года на имя Ежова поступило письмо бывшего руководителя иностранного отдела НКВД СССР Артузова, в котором он, ссылаясь на имевшиеся в архивах сведения закордонных агентов о якобы вредительской деятельности Тухачевского, высказывал свое мнение о существовании в Красной Армии троцкистской организации.

Тогда же в плане работы по материалу иностранного отдела НКВД, составленном начальником Особого отдела Леплевским, предусматривались многочисленные мероприятия оперативного характера по активной разработке военных работников. В плане, в частности, намечалось:

«б. Собрать все имеющиеся материалы на Роговского, Орлова, Шапошникова и других крупных военных работников, проверить материалы, наметить конкретный план их разработки и взять эти разработки под повседневный непосредственный контроль начальника 5 отдела...

8. Особое внимание обратить как в Москве, так и на периферии на выявление фашистских группировок среди военнослужащих».

13 мая 1937 года работниками НКВД СССР была представлена Ежову справка по материалам, имеющимся в отношении Тухачевского. В справке вновь приводятся показания Какурина и Троицкого о заговорщической деятельности Тухачевского, ложность которых была установлена еще в 1930 году. В ней используются агентурные сообщения < > о том, что Тухачевский еще в 1931 году «...больше мечтал быть маршалом по воле Германии, чем советского правительства...».

Все эти заведомо ложные агентурные и следственные материалы способствовали созданию мнения о политической неблагонадежности Тухачевского, Якира, Уборевича и других военачальников и послужили основанием, на котором были нагромождены в их адрес обвинения в тяжких государственных преступлениях.

VI. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОВОКАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ СИЛ В «ДЕЛЕ»

ТУХАЧЕВСКОГО

Расстрел Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка и других выдающихся советских военных деятелей, жестокие репрессии в отношении значительного числа офицеров Красной Армии вызвали широкий отклик в зарубежной буржуазной печати. В связи с этими событиями на протяжении последних 25 лет опубликовано немало различных мемуаров и исследований. Часть этой литературы появилась еще в довоенные годы, однако наибольшая ее часть издана после Второй мировой войны.

Для более полного анализа западной литературы, посвященной «делу» Тухачевского, в процессе подготовки настоящей записки было переведено (с английского, немецкого, французского и итальянского языков) и изучено свыше 30 статей, брошюр и книг. Среди авторов этих изданий немало бывших офицеров и сотрудников германской разведки (В. Шелленберг, В. Хеттль, А. Наукок, К. Абсхаген, К.Шпальке), а также английской разведки (Я. Колвин, Дж. Макинтош и, возможно, Дж. Бейли). Воспоминания по этому вопросу оставили некоторые видные политические деятели и дипломаты, которые в силу занимаемых ими постов в те годы были близки к рассматриваемым нами событиям или даже играли в них какую-то роль (У. Черчилль, Э. Бенеш, У. Додд). Определенный интерес представляют материалы, о которых сообщают, с той или иной степенью достоверности, бывшие советские граждане, изменившие Родине и не вернувшиеся в СССР (В.Кривицкий, Э. Волленберг). Среди авторов немало буржуазных журналистов и историков, генералов и офицеров армий капиталистических стран, которые пытаются подойти к «делу» Тухачевского на основе анализа данных, уже имеющих в печати (Балтикус, Л.Шапиро, Г. Хегнер, З. Бжезинский, Ф. Шуман, В. Александров). Обращает на себя внимание то, что некоторые авторы предпочли выступить либо анонимно, либо под псевдонимами (Балтикус, Бейли, автор в «Ди Гегенварт»).

Необходимо подчеркнуть, что в подавляющем большинстве рассмотренные источники излагают события интересующего нас периода с определенным антисоветским привкусом. Многие из этих работ порождены непосредственно задачами пропаганды антикоммунизма, хотя она и упрятана в оболочку мнимой объективности. Естественна антисоветская озлобленность авторов, являющихся предателями Родины и невозвращенцами. У гитлеровских разведчиков-мемуаристов, описывающих «успехи» гитлеровской разведки в уничтожении руководящего ядра советских военных накануне войны, ощущается также стремление взять своеобразный «реванш» за поражение в войне. Есть свои антисоветские акценты и в мемуарах У. Черчилля и Э. Бенеша, которые заставляют нас относиться с известной настроенностью к их «свидетельствам».

В абсолютном большинстве зарубежных книг и статей отвергается версия о заговоре М. Н. Тухачевского и других военачальников Красной Армии в пользу гитлеровской Германии, об их участии в каких-либо актах шпионажа вообще и в изменнических отношениях с гитлеровской разведкой и армией в частности. Большинство авторов считает решающей причиной гибели группы военных деятелей Красной Армии развитие внутривнутриполитических событий в Советском Союзе.

Вместе с тем в источниках довольно всесторонне рассматривается роль, которую сыграли в судьбе Тухачевского некие сфабрикованные «документальные свидетельства» о его сотрудничестве с определенными германскими кругами. При этом в подавляющем большинстве источников в принципе поддерживается версия о том, что Гитлер и его окружение решили использовать в своих интересах сложившуюся в СССР 1936—1937 гг. атмосферу репрессий, сфабриковать фальшивые документы, якобы изобличающие Тухачевского и группу других советских военных деятелей в изменнических отношениях с руководителями

германского рейхсвера, и затем передать эти «компрометирующие» материалы Сталину с целью спровоцировать его на уничтожение крупнейших советских военачальников. Практическое осуществление этой операции авторами приписывается эсэсовской разведке во главе с Гейдрихом.

О фальсификации немцами материалов против Тухачевского было впервые подробно рассказано бывшими сотрудниками германской политической разведки СС Вильгельмом Хеттлем в книге «Тайный фронт. История нацистского политического шпионажа», вышедшей в 1950 г. в немецком издании в Вене, и Вальтером Шелленбергом в книге «Лабиринт», написанной в 1950-1951 г. и изданной в 1956 г. в Лондоне.

В последующем многие авторы, ухватившись за версию о «фальшивках» Гейдриха, о которых известили мир Шелленберг и Хеттль, пытаются ею объяснить возникновение «дела» Тухачевского. Не говоря уже о том, что такие авторы, становясь на позиции Шелленберга и Хеттля, крайне упрощают обстоятельства, связанные с «делом» Тухачевского. Они вместе с тем вуалируют ту широкую провокационную и дезинформационную деятельность против Красной Армии, которую на протяжении многих лет проводили не только германские, но и французские, польские, чехословацкие и другие правящие круги и разведывательные органы.

Версия о фабрикации Гейдрихом документов против Тухачевского в том виде, как она преподносится в публикациях бывших гитлеровских разведчиков (Хеттля, Шелленберга и др.), не находит своего подтверждения на основе архивных или иных документальных источников. Прежде всего, до сих пор не найдено важнейшее доказательство - сами «документы». Все попытки разыскать эти «документы» в архивах ЦК КПСС, архивах Советской Армии, ОГПУ - НКВД, а также в судебно-следственных делах Тухачевского и других советских военачальников ни к чему не привели. Нет никаких данных и о том, что эти «документы» предъявлялись участникам группы в ходе следствия. Не фигурировали эти «документы» и на суде. Об этих «документах» никто даже не упомянул ни в период расследования, ни в судебном заседании. Не выявилось никаких убедительных косвенных улик, в какой-то мере отражавших реальное существование этих «документов». О них ничего не говорит в своем письме на имя Сталина после процесса над Тухачевским член Специального судебного присутствия Верховного суда СССР С.М.Буденный, хотя он в письме подробно излагает ход процесса. На заседании Военного Совета при НКО СССР, которое проходило 1-4 июня 1937 г. и было посвящено специально вопросу о «военном заговоре», и прежде всего в докладе Ворошилова и выступлении Сталина также не было сказано ни слова о каких-либо изобличающих Тухачевского документах.

Следует также сказать, что на последовавших после осуждения Тухачевского различных оперативно-служебных и партийных совещаниях и собраниях в НКВД СССР никогда и никем не упоминалось о каких-либо немецких «документах», которые якобы легли в основу доказательства измены советских военачальников.

Важно отметить и то, что на Западе по сей день не сделано ни одной попытки публикации или детального описания этих «документов», если верить некоторым версиям, гитлеровская разведка передала советским представителям лишь фотокопии, а не подлинники документов. Казалось бы, подлинники фальшивок должны были остаться в архивах СД или других германских архивах. Однако в опубликованных источниках нет никаких указаний на то, что в архивах Германии содержались какие-либо документальные данные о проведенной будто бы Гейдрихом операции. Нет этих данных и в германских архивах, захваченных во время войны советскими службами. Следует, наконец, подчеркнуть, что авторы различных опубликованных книг далеко не едины в перечне якобы сфабрикованных немцами документов. Наоборот, их

варианты сильно отличаются друг от друга.

Конечно, все это вовсе не означает, что при анализе причин возникновения «дела» Тухачевского возможно исключить его международный аспект. Наоборот, он, бесспорно, играл, быть может, не основную, но все же немалую роль в «деле» Тухачевского. Материалы и документы достаточно обстоятельно подтверждают, что в обстановке 1935-1937 гг., когда Красная Армия стала мощным фактором мировой политики, Тухачевский и другие советские военачальники, занимавшие в армии ключевые посты, оказались в фокусе сложных внешних событий, имевших в их судьбе важное значение.

а) Дезинформации немцев о военном заговоре в СССР и участии в нем Тухачевского и других военачальников

В органы ОГПУ - НКВД на протяжении ряда лет, начиная с 1926 года, поступали из Германии через различные каналы сведения о подготовке в СССР военного заговора. Исследования материалов, связанных с подобными сообщениями, показывают, что важнейшая роль в инспирировании и распространении таких сведений принадлежит германским политическим кругам, а также военной и нацистской разведкам. Если пока нельзя сказать об убедительных доказательствах версии о фальшивках, якобы изготовленных и подброшенных Гейдрихом, то можно с достаточными основаниями говорить о проведении германскими органами широких провокационных действий, которые выразились в потоке клеветы и дезинформации, пущенном в международную политическую жизнь. Германские разведывательные службы делали все возможное, чтобы внедриться в советские органы, в том числе и в Красную Армию, завербовать неустойчивые элементы, скомпрометировать руководящие кадры.

В декабре 1932 года в ОГПУ начали поступать агентурные сообщения о так называемой военной партии, имевшейся якобы в Советском Союзе и подготовляющей в контакте с немцами государственный переворот. Сведения об этом наша разведка получала от агента <>, к которому они поступали от завербованного им агента по прозвищу «Сюрприз». Агент <> сообщил, что «Сюрприз» беседовал с доверенным лицом Абвера Германом фон Бергом, который встречался якобы с советским военным атташе в Берлине Яковенко. Рассказывая агенту о содержании встречи Берга и Яковенко, «Сюрприз» сообщил, что... «...атташе говорил о работе «военной партии» в СССР и что эта партия развивает в настоящее время большую активность. Берг объяснил «Сюрпризу», что атташе также состоит членом этой партии. Партия эта стоит на антикапиталистической платформе, но в то же время национальна и хочет отстранить евреев от руководства государством».

Через короткий промежуток времени тот же агент сообщил, что, хотя в рейхсвере любят употреблять слова «военная партия», на самом деле, как пояснил агенту Берг, какой-либо организационно оформленной особой партии, стоящей вне ВКП(б), не существует, а существуют только определенные националистические настроения, охватившие широкие круги руководства Красной Армии. Берг заявил агенту:

«Красная Армия чувствует себя очень сильной и перед лицом больших внутренних трудностей, переживаемых СССР, ее ожидает в будущем большая историческая задача - взять на себя в нужный момент роль спасителя отечества в форме сильной и авторитетной военной диктатуры».

Далее в сообщении «Сюрприза» говорится:

«Идеологической головой этого течения Берг называет «генерала Турдеева». Турдеев якобы бывший царский офицер, около 46 лет, в этом году (1932) приезжал в Германию на маневры. Турдеев в штабе Ворошилова является одним из наиболее ответственных организаторов Красной Армии. Турдеев в большой дружбе с

Нидермайером, с которым он на «ты». Берг говорит, что Турдеев произвел на него впечатление определенного националиста».

В последующих сообщениях «Сюрприза» о беседах с Бергом вместо «генерала Турдеева» называются другие фамилии - Тургалов, Тургулов, Тургуев. Работники ОГПУ пытались установить лицо, скрывающееся под этими фамилиями. Так, в письме < > имеется запись:

«...Непонятым является имя генерала Турганова. Когда я переспросил «Наха», идет ли речь о советском работнике под этим именем или о старом генерале, он ответил, что речь идет о старом генерале...»

В архивном деле КГБ < > имеется документ, представляющий определенный интерес. Это фотокопия с донесения < >, датированная 26 января 1933 года. В переводе, напечатанном на машинке, указывается:

«1. Тургуев - в штабе Ворошилова. Ранее был офицером царской армии. Во время германских маневров осенью 1932 года был в Германии. Один из главных лидеров так называемой военной партии.

2. Другой «генерал» в Красной Армии, работающий совместно с Тургуевым (политический)...»

В напечатанном на машинке переводе (на стр. 219) над фамилией Тургуев синим карандашом от руки написана фамилия Тухачевский. Кто учинил эту надпись и когда она была сделана - установить из дела нельзя.

В июне 1933 г. в ОГПУ поступили агентурные сообщения от другого, как подчеркивается в материалах ОГПУ, «проверенного и весьма осведомленного источника о существовании в СССР подпольной организации, подготовляющей в контакте с немцами правительственный переворот». Сообщения эти давал агент < >. В них говорится, что в России будто бы удалось завербовать нужных людей даже в окружении Сталина. В июне — июле 1933 г. тот же агент сообщил, что германское правительство не только связано, но и совместно работает со сформированным уже будущим «русским правительством», что это правительство в ближайшее время произведет переворот в СССР. При этом агент ссылался, например, на беседу, которая происходила в первых числах июля на вечере у польского посла в Берлине Надольного между высокопоставленным германским лицом Бломбергом и неким Майснером. Агент сообщил, что Геббельс поддерживает «национально-большевистскую» группировку в русском контрреволюционном лагере. Она имеет значительное количество своих сторонников в крестьянстве, в Красной Армии и связана с видными работниками Кремля - оппозиционерами, которые добиваются экономических реформ и падения Сталина. Другая, «монархическая группа», поддерживаемая якобы Герингом, также развивает активную работу по разложению крестьянства и Красной Армии. Тактика обеих группировок направлена к дезорганизации советского хозяйства, к всевозможным препятствиям во внешней политике Советского Союза и должна завершиться переворотом с провозглашением военной диктатуры.

Агент < > в донесении от 31 августа 1933 г. информировал также о беседе Гитлера с польским послом Надольным по вопросу восточной политики. Польский вопрос, подчеркивает агент, Гитлер поставил в тесную связь со своими планами переворота в СССР. Поляки высказали полную заинтересованность в движении по перевороту в России. В информации агента говорится, что в Союзе существует польская организация, сходная с немецкой, объединение этих двух организаций намечается.

На этой информации написано:

«Послано т. Сталину и Кагановичу. 14.9.». Подписи нет.

В декабре 1934 г. в НКВД СССР поступили агентурные сообщения < > о террористических планах, направленных против СССР, разработанных германскими

национал-социалистами совместно с троцкистами. В этих сообщениях, в частности, утверждалось, что в Советском Союзе эта немецко-троцкистская организация имеет много сторонников, преимущественно в Красной Армии. Агент утверждал, что сведения эти сообщались в разговоре между главарем берлинских теоретических курсов при «Антикоминтерне» (объединение всех антисоветских союзов в Германии) белогвардейцем В.С. Слепяном и другими участниками.

В феврале 1935 года в НКВД поступило следующее сообщение:

«Во Франции англичанами пущен в ограниченном кругу военных и католиков (группа Кастельно) по рукам «апокриф» относительно переговоров Геринга и Тухачевского в начале января в Берлине. Этот отчет составлен с тем и в такой форме, чтобы укрепить в военно-политических кругах Франции недоверие к русской политике, тем самым тормозить укрепление отношений и выиграть время, пока «Германия нагонит темпы, а Советы их потеряют». Апокриф составлен немцами. Есть такой доктор Драегер в Берлине, большой спец по этому делу, вот с разрешения начальства пустил через третьих лиц этот отчет. В нем намекается на тайный сговор немецких и советских военных с целью провести французов и т. п. Чушь. Но есть и о Польше, но с ведома поляков, так что они не протестуют».

В сентябре и декабре 1936 г. поступают сообщения \diamond об участии в заговоре маршала Советского Союза Блюхера. Агент сообщает, что недовольство в Красной Армии нынешним режимом якобы возросло и совершенно неожиданно проникло в военные круги, строящие планы на будущее, которые оправдали бы германские надежды. Генерал Блюхер, играющий видную роль в Маньчжурии, симпатизирует Германии. Как подчеркивается в донесении агента, командированный в Эстонию представитель германского военного министерства фон Зауцен «на основании установления им связей, ведущих в Россию», сообщал о намерениях Блюхера добиться отделения Дальнего Востока от России.

Агентурные сообщения о Блюхере 21 сентября 1936 г. и 14 февраля 1937 г. были посланы Ежову для ЦК ВКП(б).

Все эти и другие подобные сведения о «военной партии», о будущем «русском правительстве», о советских военачальниках, поступавшие в ОГПУ - НКВД от своей агентуры в Германии, длительное время не только не находили какой-либо реализации, но и вызывали сомнения у многих работников Иностранного отдела ОГПУ.

Так, бывший начальник III отделения ИНО ОГПУ Штейнбрюк, непосредственно руководивший разработкой агентурного дела о «военной партии», показал при допросе в 1937 году, что когда в ОГПУ поступили материалы о существовании против Сталина армейского заговора, возглавляемого «генералом Тургуевым», то этот «генерал» был расшифрован в ОГПУ как Тухачевский. Однако далее Штейнбрюк показал:

«Эти материалы были доложены Артузову, а последним - Ягоде, причем Ягода, ознакомившись с ними, начал ругаться и заявил, что агент, давший их, является двойником и передал их нам по заданию германской разведки с целью дезинформации. Артузов также согласился с мнением Ягоды и приказал мне и Берману больше этим вопросом не заниматься».

На допросе 25 мая 1939 года сотрудник ИНО НКВД Кедров И. М., говоря об отношении Артузова к сообщениям из Германии, показал:

«Он говорил, что имя Тухачевского легендировалось по многим делам КРО ОГПУ как заговорщика бонапартистского типа и нет никакой уверенности в том, что наша же дезинформация, нами направленная в польскую или французскую разведку, не стала достоянием немецкой разведки, а теперь из немецких источников попадает обратно к нам. Существование заговора в СССР, в особенности в Красной Армии, едва ли

возможно, говорил Артузов». < >

После 1933 года, как видно из архивных материалов, никаких новых сведений о «военной партии» от < > агентов в ОГПУ - НКВД не поступало. Однако с 1935 года, когда начальником ИНО НКВД стал Слуцкий (Артузов был назначен зам. нач. Разведупра РККА), принимаются меры по активизации разработки дела о «военной партии». Особый интерес в этом плане представляет находящееся в архиве КГБ датированное мартом 1935 года письмо резиденту НКВД в Германии < >.

«Дорогой товарищ < >. На днях Вы получили нашу телеграмму о желательности возобновления одной нашей старой разработки по так называемой «военной партии». Разработка эта чрезвычайно интересная и заслуживает концентрации к ней всего нашего внимания».

Далее НКВД счел необходимым подробно изложить < > для его ориентировки все то, что было ранее известно по этому вопросу от агентов, с тем, видимо, чтобы < > знал, на какой основе добывать дополнительные «улики» против Тухачевского и других военачальников. Основываясь на донесениях агентов, в письме < > прямо инспирировалась мысль о том, что некоторые советские военные, очевидно, связаны с немцами непосредственно и, очень возможно, были немцами завербованы.

В начале января 1937 года за ряд провалов по работе Артузов был снят с поста заместителя начальника Разведупра РККА. Некоторое время он был без работы, а затем возвращен в НКВД СССР на рядовую работу - сотрудником 8-го отдела ГУГБ. Вокруг Артузова создавалась обстановка недоверия, некоторые из его близких товарищей и родственников были арестованы. Пытаясь, видимо, чем-либо проявить себя, а также в связи с начавшимися арестами бывших троцкистов и военнослужащих, Артузов направил Ежову 25 января 1937 года записку, в которой доложил ему об имевшихся ранее в ОГПУ агентурных донесениях < > о «военной партии». К своей записке Артузов приложил «Список бывших сотрудников Разведупра, принимавших активное участие в троцкизме» (в списке 34 человека). На записке Артузова Ежов 26 января 1937 года написал:

«гг. Курскому и Леплевскому. Надо учесть этот материал. Несомненно, в армии существует] троцкистск[ая] организация. Это показывает, в частности, и недоследованное дело «Клубок». Может, и здесь найдется зацепка».

Чтобы оценить доброкачественность донесений о «военной партии», следует ознакомиться с обликом агентов, информировавших о военном заговоре.

Фон Берг Герман Васильевич, со слов которого агенты сообщали в Москву о «военной партии», по национальности немец, до 1918 года был русским подданным, окончил университет в России, служил царским чиновником. В 1919 г. выехал в Германию, принял германское подданство, работал в «Экономическом институте по изучению России и восточных стран» в Кенигсберге (прикрытие германской разведки против СССР), затем перешел в Русский комитет германской промышленности. Берг в течение ряда лет был посредником между германскими фирмами и советским торгпредством, сопровождал различные советские хозяйственные комиссии и советских специалистов, приезжавших в Германию, ездил несколько раз в СССР для торговых переговоров. По сообщениям ряда агентов ОГПУ < > Берг являлся доверенным лицом Абвера (германской военной разведки), выполнял в этом учреждении роль консультанта по русским делам. < >

Содержание донесений, изложенных выше, облик и поведение представивших эти донесения агентов позволяют судить о «ценности» и «надежности» полученных ОГПУ сведений из Германии. Можно сказать, что все эти сведения были частично сознательной дезинформацией, выдуманной самими агентами, частично дезинформацией, поступившей из германских нацистских и военных разведывательных органов, частично дезинформацией, обусловленной различными

слухами и сплетнями о Советском Союзе и его военачальниках, имевшими хождение в белогвардейской и буржуазной прессе, среди белоэмигрантов и многих других лиц, враждебно настроенных по отношению к СССР. Важную роль в создании слухов о заговоре в Красной Армии и распространении этих слухов сыграли, как это подчеркивалось выше, компрометирующие данные, слегендированные против Тухачевского и других военачальников органами ОГПУ по известным делам «Трест», «Синдикат-4» и некоторым другим.

Проверка материалов о так называемом военно-фашистском заговоре показывает также, что дезинформация о Красной Армии фабриковалась и распространялась не только органами германской разведки. Этими методами не брезговали и сами руководители гитлеровской Германии, нацистской партии и рейхсвера. Так, в публичных выступлениях Гитлера, Геринга и других фашистских лидеров, в беседах с политическими и государственными деятелями других стран ими всячески навязывалась и подчеркивалась мысль о противоречиях в руководстве ВКП(б) и советском правительстве, о стремлении Красной Армии свергнуть Сталина и его окружение, о существовании в СССР профашистских элементов, работающих на пользу Германии.

В архивах Сталина обнаружены и некоторые другие документы, подтверждающие стремление германских разведывательных органов довести в начале 1937 года до Сталина дезинформационные сведения о Тухачевском. К таким документам можно отнести письма корреспондента «Правды» в Берлине А. Климова (настоящая его фамилия - Кантор), которые в то время направлялись Сталину редактором «Правды» Мехлисом.

16 января 1937 года Мехлис прислал Сталину следующую выдержку из письма Климова, направленного им Мехлису из Берлина:

«IV. Мне стало известно, что среди высших офицерских кругов здесь довольно упорно говорят о связях и работе германских фашистов в верхушке командного состава Красной Армии в Москве.

Этим делом по личному поручению Гитлера занимается будто бы Розенберг. Речь идет о кружках в Кр[асной] Ар[мии], объединяющих антисемитски и религиозно настроенных людей. В этой связи называлось даже имя Тухачевского. Агитация идет по линии освобождения русского народа от «еврейского ига». В антисоветской газетной кампании фашистской печати эта нота особенно сильна.

Источник, на который сослался мой информатор: полковник воздушного министерства Линднер. Он монархически настроенный человек, не симпатизирует национал-социалистам]», был близок к Секту и принадлежит к тем кругам военных, которые стояли и стоят за соглашение с СССР».

Письма Климова направлялись Мехлисом Сталину и после расстрела Тухачевского. Так, 2 июля 1937 г. Мехлис направил Сталину и Ежову сопроводительное письмо, в котором отмечал, что берлинский корреспондент «Правды» Климов, «посылавший в свое время информацию о Тухачевском», прислал сейчас еще два письма, заслуживающие внимания. Эти письма Мехлисом были приложены к сопроводительному письму.

В первом письме, написанном Климовым 27 июня 1937 года, рассказывается о двух беседах, которые имел его «информатор» с тем же Линднером по поводу процесса над Тухачевским. В этом письме Климов прежде всего напоминает, что за 3-4 месяца до процесса тот же «информатор» передавал ему содержание двух разговоров с Линднером о Тухачевском и германо-шпионских связях в Красной Армии. Как подчеркивает Климов, об этих двух разговорах он сообщал Мехлису.

Далее в своем письме Климов пишет, что еще до процесса Линднер сказал «информатору», что об аресте Тухачевского военные круги узнали в Берлине через

несколько часов из телеграммы германского военного атташе в Москве, что у последнего такие «связи», которые обеспечивают такую быстроту сообщения о самых важных и секретных делах. В разговоре Линднер называл Тухачевского «немецким другом». Он сказал, что Тухачевский стремился учинить военный переворот. Вторая беседа с Линднером у информатора была после процесса и расстрела Тухачевского и других. По сообщению Климова, в этой беседе Линднер сказал, что, хотя «германские военные круги и «потрясены» этим делом», устранение этих лиц не так еще страшно, «...так как у Германии остались еще в Кр[асной] Армии «весьма влиятельные друзья», которые будут работать и впредь в том же направлении».

Для оценки доброкачественности сведений, сообщенных Климовым, надо иметь в виду, что Линднер являлся одним из работников разведки военно-воздушных сил Германии. Анализ этих писем и их содержание дают основания считать, что они представляют собой дезинформацию, которую усиленно распространяла тогда германская разведка. Сам Климов был использован немецкой разведкой в качестве передатчика этой «дезы». Через Климова и Мехлиса эта дезинформация в промежуток между январем и июнем 1937 года стала достоянием Сталина и Ежова.

i

В процессе настоящей проверки получен дополнительный, весьма интересными материал, раскрывающий провокационную деятельность германских разведывательных органов в отношении Тухачевского и других советских военачальников. Речь идет о «деле Виттига».

В феврале 1962 года органами госбезопасности Германской Демократической Республики был арестован гражданин ФРГ Виттиг Карл, 1900 года рождения, немец, уроженец Берлина, с высшим образованием, журналист. Арестован он за связь (в прошлом) с разведорганами фашистской Германии и за сотрудничество с американской разведкой. При расследовании его дела Виттиг заявил, что ему известны некоторые сведения, имеющие отношение к советскому маршалу Тухачевскому. В связи с этим, с согласия Министерства госбезопасности ГДР, Виттиг в октябре - ноябре 1962 года был допрошен сотрудниками Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР. Подлинники его показаний по этому вопросу находятся в материалах проверки Парткомиссии при ЦК КПСС.

Как показал Виттиг, в 1934 году он, работая журналистом, был привлечен к негласному сотрудничеству с гестапо и включился в разработку бывшего генерала германской армии Людендорфа, являвшегося политическим конкурентом Гитлера. Одновременно Виттигу было дано задание включиться в разработку чехословацкого посольства в Берлине, основанием для использования Виттига в этих направлениях явилась его прежняя связь с Людендорфом и чехами.

В 1928 году как журналист немецкой газеты «Людендорф фольксварте» в Мюнхене, издаваемой Людендорфом, Виттиг зарекомендовал себя человеком, проявлявшим симпатии к Чехословакии. Пользуясь этим, Виттиг впоследствии установил знакомства с представителями посольства Чехословакии в Берлине, в частности, с прессатташе посольства Камиллом Хоффманом.

В 1933 году, как показал Виттиг, с приходом к власти Гитлера газетные издания Людендорфа были закрыты, а ряд журналистов, сотрудничавших с этими изданиями, в том числе и Виттиг, были арестованы. Под стражей Виттиг тогда находился около 8 месяцев. На следствии по его делу он сообщил обстоятельства своего знакомства и подробности своих отношений с чехами. Вместе с тем Виттиг рассказал о своих взаимоотношениях с Людендорфом.

Учитывая близкие отношения Виттига с чехами и Людендорфом, гестаповцы освободили Виттига из-под стражи и привлекли его к секретному сотрудничеству. Виттигу было Поручено восстановить свои связи с чехами и Людендорфом. Выполняя

эти поручения, Виттиг по освобождении из заключения стал посещать Людендорфа, проживавшего в г. Тутцине, и имел с ним ряд разговоров по различным политическим вопросам.

Людендорф рассказал Виттигу, что между рейхсвером и командованием Красной Армии продолжает иметь место сотрудничество, причем в отличие от сотрудничества, которое между рейхсвером и командованием РККА до 1933 года носило чисто военно-технический характер, после 1933 года оно приобрело якобы политический характер и было направлено против государств, подписавших Версальский договор, в том числе и против Чехословакии. О сообщениях Людендорфа Виттиг донес в гестапо.

Получив эти сообщения, сотрудники гестапо предложили Виттигу встретиться с Хоффманом и рассказать ему о существовании секретной связи между рейхсвером и Красной Армией. Виттиг, как это потребовали гестаповцы, должен был указать, что эти сведения он узнал от Людендорфа. Сотрудники гестапо предложили Виттигу сообщить также чехам, что со стороны советского командования сотрудничество с рейхсвером осуществляет маршал Тухачевский. Сейчас Виттиг утверждает, что Людендорф, говоря о сотрудничестве рейхсвера и Красной Армии, имя Тухачевского не упоминал, и оно было сообщено чехам Виттигом исключительно по вымыслу гестаповцев. Вместе с этим Виттиг по заданию сотрудников гестапо передал чехам информацию о намерении Германии присоединить к себе территорию Чехословакии, причем сослался как на источник этой информации на того же Людендорфа. О наличии в рейхсвере оппозиционной группировки Виттигу было запрещено рассказывать чехам.

В ноябре 1935 года с Виттигом установил связь сотрудник службы безопасности нацистской партии (СД) Кребс, официально занимавший пост пресс-референта министерства внутренних дел Германии. По заданию Кребса Виттиг в июле 1936 года при встречах с Хоффманом подтвердил свои прежние сообщения и, сославшись на Людендорфа, еще раз подчеркнул, что якобы в 1936 году тайная связь между рейхсвером и Красной Армией продолжала иметь место и что со стороны советского командования эта связь осуществлялась Тухачевским. Виттиг отметил, что связь эта способствовала вооружению германской армии.

Хоффман, как подчеркивает Виттиг, проявил к этой информации большой интерес и высказал свою озабоченность по поводу того, что эта информация является, видимо, правдивой, так как все более наглядным становится вооружение Германии. Хоффман просил Виттига продолжать сбор таких сведений.

В 1938 году за попытку получить взятку с разрабатываемого предпринимателя Виттиг был арестован и пробыл в заключении до конца войны. После войны, стремясь придать себе «политический вес», Виттиг стал выдавать себя за «жертву» нацизма. С целью подтверждения своей «деятельности» против гитлеризма Виттиг обратился к президенту Чехословакии Бенешу с письмом, в котором просил подтвердить, что он, Виттиг, вел в 1934-1936 гг. подпольную деятельность в пользу чехов. На это письмо Виттиг получил из Праги ответ от 24 декабря 1946 года (№ 15-088/46) за подписью начальника политической секции канцелярии президента республики доктора Я. Ина. В ответе, написанном, как указывается в тексте, по поручению Бенеша, ничего не говорится ни о «деле» Тухачевского, ни о каком-либо отношении к нему Виттига. Однако в ответе сообщается Виттигу, что президент Бенеш «...очень хорошо помнит Вашу отличную информацию, переданную ему через Камилла Гоффмана во время усиления гитлеризма. Особенно прочные воспоминания остались в его памяти о Вашем сообщении от марта 1935 года относительно Вашей беседы с Гитлером, в ходе которой Гитлер сообщил Вам о своих намерениях в отношении Чехословацкой республики».

Для оценки показаний Виттига о своей деятельности в качестве агента гестапо, а затем СД, представляют интерес донесения < > от 31 октября - 1 ноября 1962 года. В беседе < > Виттиг говорил о том, что как сейчас перед советскими следователями, так и особенно в свое время перед Хоффманом он преувеличивал свою роль и свою осведомленность о важнейших вопросах политики. Перед Хоффманом он стремился показать себя не тем, кто он есть на самом деле, выходил за рамки задания гестапо, собирал информацию сам, использовал свою старую осведомленность, многое выдумывал. Информация о намерениях Гитлера напасть на Чехословакию является его собственным вымыслом, которую он придумал, чтобы повисить себе цену в глазах Хоффмана. Кроме того, Виттиг сообщил < >, что он «...раздул информацию о связях Бендлерштрассе (улица, где помещался германский рейхсвер. — Прим. наше) с Москвой так, что эта связь стала походить на конспиративную деятельность. Виттиг высказал Гоффману также подозрения о заговоре этой группы против Сталина».

Следовательно, переданное в 1934—1936 гг. чехам сообщение Виттига о Тухачевском и его связях с германским рейхсвером является дезинформацией, пущенной германской разведкой и преувеличенной к тому же самим агентом с целью выслужиться и перед немцами, и перед чехами. Эта дезинформация Виттига наряду, конечно, с другими подобными сообщениями, несомненно, могла лежать в основе утверждения Бенеша в своих мемуарах о том, что о тайном сотрудничестве рейхсвера с командованием Красной Армии, о котором он якобы довел до сведения Сталина, ему, Бенешу, было известно задолго до 1937 года.

Интересно отметить также, что распространяемые германской разведкой сведения о тайных связях советских военачальников с рейхсвером в период 1933-1937 гг. не находят каких-либо подтверждений в показаниях бывших сотрудников германского посольства и военного атташата в Москве, арестованных советскими органами госбезопасности в ходе и после второй мировой войны. Эти сотрудники категорически отрицали наличие у них шпионских связей с советскими военачальниками.

Таким образом, анализ изложенных выше материалов позволяет сделать тот несомненный вывод, что кампания дезинформации из германских источников была исключительно целеустремленной и активной на протяжении ряда лет, особенно в период, непосредственно предшествующий трагическим событиям в судьбе Тухачевского и других военачальников. Эта германская дезинформация достигала Москвы и лично Сталина и при возникновении «дела Тухачевского» могла приниматься в расчет.

б) «Донос» на советских военачальников со стороны правящих кругов Франции и французской разведки

Быстрый рост мощи Красной Армии сильно беспокоил французские правящие круги. Особенно тревожила их возможность союза русских с немцами против Франции. Стремясь помешать укреплению Вооруженных Сил СССР, французские правящие круги и их разведка на протяжении ряда лет и особенно после 1935 г. через печать и путем распространения слухов всячески дискредитировали советских военачальников и прежде всего Тухачевского, распространяя легенду о его «германофильстве», «бонапартизме», стремлении военных установить свою диктатуру в СССР.

Одной из акций, предпринятых французами в этом направлении, был демарш премьер-министра Франции Э. Даладьё. Об этом демарше впервые в открытой печати рассказал в своей книге Дж. Бейли, когда он описывал беседу Э. Даладьё с советским полпредом в Париже В.П. Потемкиным. Бейли уверяет, что в ходе этой беседы Даладьё сообщил Потемкину о «военном заговоре в СССР».

Сейчас мы располагаем документами, подтверждающими эти сообщения Дж. Бейли. Так, в шифротелеграмме от 17 марта 1937 г. из Парижа на имя членов Политбюро и руководства НКВД СССР за подписью советского полпреда Потемкина сообщалось: «Даладьё, пригласивший меня к себе, сообщил следующее: 1) из якобы серьезного французского источника он недавно узнал о расчетах германских кругов подготовить в СССР государственный переворот при содействии враждебных нынешнему советскому строю элементов из командного состава Красной Армии. После смены режима в СССР Германия заключит с Россией военный союз против Франции. Об этих планах знает будто бы и Муссолини, сочувственно относящийся к такому замыслу, сулящему поражение Франции и возможность расширения владений итальянской империи за счет бывших французских земель. Даладьё добавил, что те же сведения о замыслах Германии получены военным министерством из русских эмигрантских кругов, в которых-де имеются по данному вопросу две позиции. Непримириемые белогвардейцы готовы поддержать германский план, оборонцы же резко высказываются против. Даладьё пояснил, что более конкретными сведениями он пока не располагает, но что он считал «долгом дружбы» передать нам свою информацию, которая быть может для нас бесполезна. Я, конечно, поблагодарил Даладьё, но выразил решительное сомнение в серьезности его источника, сообщающего сведения об участии представителей командования Красной Армии в германском заговоре против СССР и в дальнейшем против Франции. При этом я отметил, что недостаточная конкретность полученных сообщений лишь подтверждает мои сомнения. Даладьё ответил, что, если получит более точные данные, он немедленно мне их сообщит. Он-де все же не исключает возможности, что в Красной Армии имеются остатки троцкистов. Эта часть разговора произвела на меня двойственное впечатление. Во-первых, Даладьё явно заинтересован в том, чтобы своими «дружественными» сообщениями внушить нам большее доверие к нему самому. Во-вторых, он невольно выдает привычный страх французов, как бы мы не сговорились против них с немцами. Думаю, что в конце концов и то, и другое не так уже вредно для нас».

В связи с сообщением Потемкина обращает на себя внимание еще один документ, подтверждающий содержание беседы между Даладьё и Потемкиным. Речь идет о телеграмме М.М.Литвинова полпреду СССР во Франции Я.З.Сурицу от 21 июня 1937 г., то есть уже вскоре после расстрела Тухачевского и других. В этой телеграмме Литвинов пишет:

«Я не знаю, известно ли Вам, что Даладьё как-то в разговоре с Потемкиным предупредил его, что, по сведениям французской разведки, немецкий рейхсвер хвастал тем, что у него имеется агентура в верхушке Красной Армии».

Оценивая доброкачественность французских сообщений о замыслах немцев подготовить военный заговор в СССР, надо иметь в виду, что люди, сеявшие слухи о «военном заговоре» в печати и в салонах, как правило, были связаны с французскими правящими кругами, генеральным штабом и его «вторым бюро» (разведкой). Сотрудничали с французской разведкой и многие белогвардейские генералы, проживавшие после Октябрьской революции в Париже. Нет сомнения, что сведения об «измене» Тухачевского, слегендированные еще по делам «Трест» и «Синдикат-4», от белогвардейцев через агентов «второго бюро» доходили до французских правящих кругов.

То, что в Париже были распространены слухи и сплетни о «военном заговоре» в СССР, подтверждается также некоторыми материалами следствия по делу Берия. Установлено, например, что в марте 1937 года Берия по указанию Сталина направил за границу врача Гегечкори Николая, родственника своей жены, с заданием «прощупать» настроения меньшевистской эмиграции. В Париже Гегечкори Н.

встречался с меньшевиком Гегечкори Евгением и другими эмигрантами из числа меньшевиков. К середине мая 1937 года Гегечкори Н. вернулся из Парижа и доложил Берия о сообщении Гегечкори Евгения о том, что «большевикам следовало бы обратить внимание на командный состав Красной Армии». Об этой «рекомендации» лидера грузинских меньшевиков Гегечкори Евгения тогда же Берия было доложено Сталину.

В начале августа 1937 г. Гегечкори Николай по указанию Берия был арестован. На следствии он был ложно обвинен в преступных связях с грузинскими меньшевиками, в подготовке теракта против Берия и по постановлению тройки при НКВД Грузинской ССР в сентябре 1938 г. расстрелян.

О своей встрече в Париже с Гегечкори Евгением на допросе 26 июня 1938 г. Гегечкори Николай показал:

«Гегечкори Евгений мне сказал, что у него имеются сведения о том, что в Советском Союзе существует и активно действует очень крупный военный заговор, который подготавливает государственный переворот в стране».

Таким образом, стремление французов ослабить Красную Армию путем компрометации ее руководителей привело к тому, что они решили использовать слухи о «военном заговоре» в СССР для «официального» сообщения советскому правительству. В самом же деле это была сознательная провокационная акция, рассчитанная на сложившуюся в те годы в СССР ситуацию и подозрительность Сталина. Это был своего рода донос на руководство Красной Армии, сделанный Даладые в форме дипломатической беседы с Потемкиным. Безусловно, акция со стороны Даладые порождена не его сочувствием к Советскому Союзу, как говорил об этом сам Даладые, а интересами, явно враждебными СССР. Сообщение Даладые о «заговоре» Красной Армии через Потемкина достигло Москвы и лично Сталина, принималось, вероятно, им также в расчет и могло сыграть немалую роль в решении судьбы Тухачевского и других советских военачальников.

в) Действия правящих кругов и разведки Чехословакии и их реальная роль в «деле» Тухачевского

Изучение материалов, связанных с действиями правящих кругов и разведки Чехословакии в 1937 году, показывает, что Бенеш и его окружение в интересах своей политической игры на международной арене активно действовали в «деле» Тухачевского. Есть достаточно оснований сказать, что Бенешу принадлежит немалая роль в формировании и распространении слухов о заговоре Тухачевского и других, об их связях с германским рейхсвером.

Особый интерес в этом отношении представляет обнаруженное в архиве МИД СССР письмо, написанное полпредом СССР в Чехословакии С. Александровским 15 июля 1937 г., то есть более чем через месяц после казни Тухачевского и других, на имя народного комиссара иностранных дел Литвинова. Письмо Александровского составлено на основании его беседы с президентом Бенешем 3 июля 1937 г. и своего разговора 13 июля 1937 г. с одним из приближенных лиц Бенеша - Лауриным. Кроме того, в архиве МИД СССР найдена также и запись самой беседы Александровского с Бенешем.

В связи с тем, что эти документы крайне важны для понимания позиции Бенеша в «деле» Тухачевского, они достаточно широко использованы в настоящей записке.

В начале своего письма к Литвинову посол в Праге Александровский говорит о том, что после расстрела Тухачевского он, Александровский, по-иному представляет содержание и смысл более ранних бесед с Бенешем и другими чехословацкими политическими деятелями. Далее в письме Александровского сообщается следующее:

«Насколько припоминаю, усиленные разговоры о возможности чехословацко-германского сближения, и в частности разговоры Лаурина, в которых он утверждал, что Бенеш сам ищет возможность договориться с Германией, относятся к началу этого года, главным образом к февралю и марту. В конце апреля у меня был разговор с Бенешем, в котором он неожиданно для меня говорил, почему бы СССР и не договориться с Германией, и как бы вызывал этим меня на откровенность, на то, чтобы я сказал, что мы действительно собираемся кое о чем договориться. Весь этот период я решительно опровергал какую бы то ни было особую нашу связь с Германией.

...Мой последний разговор с Бенешем, запись которого вы получите с этой почтой, и разговор с Лауриным 13.VII, мне кажется, не оставляют на этом фоне сомнений в том, что чехи действительно имели косвенную сигнализацию из Берлина о том, что между рейхсвером и Красной Армией существует какая-то особая интимная связь и тесное сотрудничество. Конечно, ни Бенеш, ни кто бы то ни было другой не могли догадаться о том, что эта сигнализация говорит об измене таких крупных руководителей Красной Армии, какими были предатели Гамарник, Тухачевский и др. Поэтому я легко могу себе представить, что Бенеш делал из этих сигналов тот вывод, что советское правительство в целом ведет двойную игру и готовит миру сюрприз путем соглашения с Германией. В положении Бенеша было вполне естественно задаваться тогда вопросом, что же делать Чехословакии перед лицом такой возможности... Я не сомневаюсь в том, что Бенеш и Крофта действительно зондировали почву у немцев, встречались с Траут-Мансдорфом (доверенное лицо Гитлера - прим. наше) и пользовались своим посланником Мастным в Берлине для того, чтобы расчистить дорогу для чехословацко-германского соглашения, а Бенеш имел в виду забежать таким образом вперед и договориться с Германией раньше, чем ожидавшийся им «сюрприз» советско-германского сближения стал бы общеизвестным фактом. Одновременно он поручал Лаурину сигнализировать через меня, что он может договориться с Германией раньше, чем это сделает СССР, и тем понудить нас, если не заговорить с ним откровенно, то учесть заблаговременно такую возможность в пактировании с Германией. Если бы советское правительство действительно подготовляло соглашение с Германией, то такой план Бенеша был бы вполне понятен и достиг бы своих результатов. Я считаю весьма характерным то, что сказал мне Бенеш теперь, а именно, что Чехословакия вынуждена была бы «опираться и на Россию Тухачевского», а также договориться с Германией, хотя это и было бы началом зависимости Чехословакии от Германии.

Никто из нас не понял и не мог понять этого смысла поведения Бенеша и его клеветы Лаурина, не зная о том, что против нас работает банда изменников и предателей. Зная же теперь это, мне становится понятным очень многое из тех намеков и полупризнаний, которыми изобиловали разговоры со мною не только Лаурина, Бенеша, Крофты, но и ряда других второстепенных политических деятелей Чехословакии».

В записи беседы Александровского с президентом Бенешем от 3 июля 1937 г., присланной Литвинову вместе с упоминавшимся выше письмом, отмечается, что Бенеш обстоятельно изложил свое понимание значения процесса над Тухачевским и те мотивы, которыми руководствуется Бенеш в своей политике по отношению к СССР.

Бенеш в беседе выставил утверждение, что события в СССР ничуть его не удивили и совершенно не испугали, ибо он давно их ожидал. Он почти не сомневался и в том, то победителем окажется, как он выразился, «режим Сталина». Он приветствовал эту победу и расценивал ее как укрепление мощи СССР, как победу сторонников защиты мира и сотрудничества советского государства с Европой.

Бенеш заявил, что все время наблюдает в СССР борьбу двух основных настроений, одно из которых идет на реальный учет обстановки и проявляет готовность к сотрудничеству, а значит, и к компромиссу с Западной Европой, а другое - «радикальное», продолжающее требовать немедленного разворачивания мировой революции. По заявлению Бенеша, его задачей всегда было помочь первому, реальному течению в советской политической жизни. Особенно резко встал вопрос борьбы этих двух течений тогда, когда СССР сделал решительный шаг в сторону сотрудничества с Западной Европой. Это было в 1932 году в связи с вопросом о вступлении СССР в Лигу Наций. Бенеш тогда понял, что наступил «исторический перелом», и считал своей прямой обязанностью всячески помочь «реалистам» в СССР. Советскую внешнюю политику в последние годы он расценивал именно как ставку СССР на западноевропейскую демократию французского, английского или чехословацкого типа, как на союзников в борьбе с фашизмом и за мир. Бенеш это приветствует, ибо его внешнеполитическая концепция целиком базируется на опоре, с одной стороны, на Францию, а с другой стороны, на СССР.

Последующую часть разговора с Бенешем Александровский передает следующим образом:

«...Бенеш утверждал, что уже начиная с 1932 года он все время ожидал решительной схватки между сталинской линией и линией „радикальных революционеров“. Поэтому для него не были неожиданностью последние московские процессы, включая и процесс Тухачевского... Здесь, между прочим, Бенеш особо подчеркивал, что, по его убеждению, в московских процессах, особенно в процессе Тухачевского, дело шло вовсе не о шпионаже и диверсиях, а о прямой и ясной заговорщической деятельности с целью ниспровержения существующего строя. Бенеш говорил, что он понимает нежелательность «по тактическим соображениям» подчеркивать именно этот смысл событий. Он сам, дескать, тоже предпочел бы в аналогичных условиях «сводить дело только к шпионажу», Тухачевский, Якир и Путна (Бенеш почти все время называл только этих трех), конечно, не были шпионами, но они были заговорщиками. Тухачевский - дворянин, офицер, и у него были друзья в офицерских кругах не только Германии, но и Франции (со времен совместного плена в Германии и попыток Тухачевского к бегству из плена). Тухачевский не был и не мог быть российским Наполеоном, но Бенеш хорошо представляет себе, что перечисленные качества Тухачевского плюс его германские традиции, подкрепленные за советский период контактом с рейхсвером, могли сделать его очень доступным германскому влиянию и в гитлеровский период. Тухачевский мог совершенно не сознавать, что совершает преступление поддержкой контакта с рейхсвером. Особенно если представить себе, что Тухачевский видел единственное спасение для своей родины в войне рука об руку с Германией против остальной Европы, в войне, которая осталась единственным средством вызвать мировую революцию, то можно даже себе представить, что Тухачевский казался сам себе не изменником, а даже спасителем родины».

Далее в беседе Бенеш под большим секретом заявил Александровскому, что во время пребывания Тухачевского во Франции в 1936 году, Тухачевский вел разговоры совершенно частного характера со своими личными друзьями французами. Эти разговоры точно известны французскому правительству, а от последнего и Бенешу. В этих разговорах Тухачевский весьма серьезно развивал тему возможности советско-германского сотрудничества и при Гитлере, так сказать, тему «нового Рапалло». Бенеш утверждал, что эти разговоры даже несколько обеспокоили Францию.

Развивая тезис «субъективного фактора», Бенеш говорил, что ряд лиц, оказавшихся в числе «заговорщиков», мог руководствоваться такими побуждениями, как неудовлетворенность своим положением, жажда славы, беспринципный авантюризм и т.д. В этой связи он упомянул Якира и Путну. О последнем Бенеш знает, что он был

под Варшавой со своей 27-й дивизией и, очевидно, «не мог помириться с тем, что от него ускользнула слава покорителя Варшавы». Бенеш высказал предположение, что Ягода знал все о заговоре и занимал выжидательную позицию, что из этого выйдет.

Бенеш в беседе отмечал, что в Москве расстреливают изменников, и так называемый европейский свет приходит в ужас. Это, с его точки зрения, лицемерие. Бенеш не только отлично понимает, но и прямо одобряет московский образ действий. Бенешу пришлось даже успокаивать некоторых людей в Западной Европе.

Большой интерес представляет та часть беседы, где Бенеш говорит о близости между рейхсвером и Красной Армией. По этому поводу Александровский сообщает:

«Бенеш напомнил мне, что в разговоре со мной (кажется, 2.IV.1937 г.) он говорил, что почему бы СССР и не договориться с Германией. Я ответил, что помню, и признался, что меня тогда очень удивила эта часть разговора, как совершенно выпадающая из рамок обычного хода мыслей Бенеша. Лукаво смеясь, Бенеш ответил, что теперь может объяснить мне скрытый смысл своего тогдашнего разговора. Свои объяснения Бенеш просил считать строго секретными и затем рассказал следующее.

Начиная с января месяца текущего года, Бенеш получал косвенные сигналы о большой близости между рейхсвером и Красной Армией. С января он ждал, чем это закончится. Чехословацкий посланник Мастный в Берлине является исключительно точным информатором. Он прямо фотографирует свои разговоры в докладах Бенешу. У Мастного в Берлине было два разговора с выдающимися представителями рейхсвера. Мастный их сфотографировал, видимо, не понимая сам, что они обозначают. Бенеш даже сомневается, сознавали ли эти представители рейхсвера, что они выдают свой секрет. Но для Бенеша из этих разговоров стало ясно, что между рейхсвером и Красной Армией существует тесный контакт. Бенеш не мог знать о том, что это контакт с изменниками. Для него возникала проблема, что делать, если Советское правительство действительно вернется к какой-нибудь политике «нового Рапалло». В этой связи Бенеш задавал риторический вопрос, где средство для защиты Чехословакии, и без обиняков отвечал на этот вопрос, что тогда Чехословакия тоже должна была бы заключить соглашение с Германией. Это было бы началом чехословацкой зависимости, но другого выхода не было бы. Гитлер вовсе не стремится к тому, чтобы физически немедленно уничтожить Чехословакию, но он хочет «союза» с ней».

Заканчивая беседу, Бенеш заявил Александровскому, что Чехословакия не примет никакого диктата, что она будет драться за свою свободу, за демократию, за европейский мир. Поскольку это является и задачей СССР, говорил Бенеш, постольку Чехословакия безоговорочно является союзником Москвы, постольку его политика как аксиому принимает независимость советско-чешских дружественных взаимоотношений. Никакие расстрелы, никакие внутренние изменения, подчеркивал Бенеш, не могут потрясти эту дружбу. В этой связи Бенеш задавался и таким вопросом: что произошло бы, если бы в Москве победил не Сталин, а Тухачевский? Тогда Чехословакия, по его мнению, вынуждена была бы оставаться в дружбе и с Россией Тухачевского. Но Чехословакия тогда была бы вынуждена достигнуть соглашения и с Германией, а это опять-таки было бы началом зависимости либо от России, либо от Германии, ибо «Россия Тухачевского не постеснялась бы заплатить Германии Чехословакией».

В заключение Бенеш еще раз повторил, что расценивает московские процессы как признак укрепления СССР и что его концепция дружбы с СССР была и остается главной основой внешнеполитического поведения Чехословакии.

Эти документы, раскрывающие позиции Бенеша во внешнеполитической игре, позволяют сделать некоторые выводы.

Прежде всего становится ясным, что акция Бенеша, направленная на компрометацию

советских военачальников, находилась в определенной связи с действиями французских и английских правящих кругов. Бенеш так же, как и Даладье, действовал в направлении, которое должно было привести к устранению ориентирующей якобы на союз с немцами группы Тухачевского, считая, что от этого Чехословакия выиграет на политической арене. Процесс над Тухачевским и другими военачальниками с его логическими последствиями для Красной Армии вполне устраивал так же и английские правящие круги.

Содержание документов ясно выявляет провокационную роль Бенеша и его группировки. Весь характер беседы Бенеша с Александровским говорит о том, что признаниям, сделанным Бенешем в беседе 3 июля 1937 года, ясно предшествовала его политическая интервенция во внутреннее развитие событий в Советском Союзе. Бенеш сам признает, что его задачей всегда было «помочь» тому течению в советской политической жизни, которое направлено в сторону компромисса с Западной Европой. Следовательно, и действия его могли быть направлены только на то, чтобы подтолкнуть ход событий в том направлении, которое было выгодно чехословацким, а стало быть, французским и английским правящим кругам в 1936-1937 годах. Бенеш явно использовал сложившуюся в СССР политическую ситуацию в целях империалистической группировки Англии и Франции. Отсюда и неожиданны в устах такого буржуазного демократа, каким всегда слыл Бенеш, лицемерные похвалы в адрес «режима Сталина», отсюда его заявления о том, что события в СССР его не испугали, ибо он «ожидал» их, отсюда его одобрение «расстрелов» и вообще «московского образа действий», отсюда, наконец, его попытка играть на такой заведомо точной карте и чувствительной струне, как многолетняя неприязнь Сталина к Тухачевскому, Путне и некоторым другим военачальникам.

В беседе с Александровским 3 июля 1937 года Бенеш явно пытался выставить себя перед Сталиным человеком, который вовремя сигнализировал ему об опасном «заговоре» против него, человеком, который хочет дружбы не вообще с СССР, а именно с «режимом Сталина», человеком, которому органически чужд «курс» Тухачевского. Если же говорить всерьез, Бенеш не мог не знать об антигитлеровской позиции Тухачевского, о его преданности советской стране и партии. Поэтому все спекуляции Бенеша относительно «связи» Тухачевского с Германией, относительно того, что «Россия Тухачевского» не постеснялась бы заплатить Германии Чехословакией, носят, несомненно, грубо провокационный характер.

В своих мемуарах, опубликованных в 1948 году, Бенеш писал, что о ставших ему известными связях германского рейхсвера с верхушкой Красной Армии, то есть о «заговоре военных», он сообщил советскому послу в Праге Александровскому. Черчилль в своих мемуарах, опубликованных тоже в 1948 году, также сообщает, что Бенеш рассказывал ему о связях немцев с высокопоставленными лицами из Красной Армии. Однако, как показывает письмо Александровского Литвинову, смысл намеков Бенеша о заговоре военных стал ясен Александровскому не до ареста Тухачевского, а лишь из беседы с Бенешем, состоявшейся после казни Тухачевского. Вместе с тем сам по себе тот факт, что информация о заговоре, вопреки утверждениям Бенеша, не попала вовремя в Москву через Александровского, совершенно не означает, что эта «информация», в которой Бенеш видел в то время весь смысл своей политической жизни, не была своевременно «подкинута» в Москву по другим каналам. А эти каналы могли быть весьма различны. В частности, писательница Анна-Луиза Стронг сообщала в печати, что она лично слышала о «заговоре» Тухачевского от высших чехословацких военных деятелей. Уже сам факт распространения таких слухов из Праги показывает, что Бенеш отнюдь не монополично владел этим «секретом». Более того, как можно предположить, Бенеш сознательно предал его гласности через определенных лиц, стараясь, чтобы этот «секрет» как можно скорее дошел до

сведения советских органов.

г) Действия разведки Японии и ее роль в «деле» Тухачевского

В ходе проверки «дела» Тухачевского был обнаружен в Центральном государственном архиве Советской Армии важный документ, спецсообщение 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР, которое было направлено Ежовым наркому обороны Ворошилову с пометкой «лично» 20 апреля 1937 г., то есть в момент, непосредственно предшествовавший арестам крупных советских военачальников. На этом документе, кроме личной подписи Ежова, есть резолюция Ворошилова, датированная 21 апреля 1937 г.: «Доложено. Решения приняты, проследить. К. В.». Судя по важности документа, следует предположить, что доложен он был Сталину. Ниже приводится это спецсообщение в том виде, в каком оно поступило к Ворошилову:

«СПЕЦСООБЩЕНИЕ

3-м отделом ГУГБ сфотографирован документ на японском языке, идущий транзитом из Польши в Японию диппочтой и исходящий от японского военного атташе в Польше - Савада Сигеру, в адрес лично начальника Главного управления Генерального штаба Японии Накадзима Тецудзо. Письмо написано почерком помощника военного атташе в Польше Арао.

Текст документа следующий:

«Об установлении связи с видным советским деятелем.

12 апреля 1937 года.

Военный атташе в Польше Саваду Сигеру.

По вопросу, указанному в заголовке, удалось установить связь с тайным посланцем маршала Красной Армии Тухачевского.

Суть беседы заключалась в том, чтобы обсудить (2 иероглифа и один знак непонятны) относительно известного Вам тайного посланца от Красной Армии № 304».

Спецсообщение подписано заместителем начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР комиссаром государственной безопасности 3-го ранга Минаевым. Фотопленки с этим документом и подлинник перевода в архиве НКВД не обнаружены.

Об истории этого документа сообщили в ЦК КПСС бывшие работники НКВД СССР Н. А. Солнышкин, М.И. Голубков, Н.М. Титов и К. И. Кубышкин, занимавшиеся в те годы негласными выемками и фотографированием, в том числе иностранной почты, которая направлялась транзитом в почтовых вагонах из Европы на Восток и с Востока на Запад через советскую территорию. Проводя в апреле 1937 г. операцию по выемке почты, шедшей из Польши в Японию, Лицкевич (впоследствии расстрелян) и Кубышкин обнаружили в бауле документы на японском языке и сфотографировали их. Содержания этих документов они не знали, однако через некоторое время им сказали, что они изъяли серьезный документ, в котором якобы говорилось о преступной связи Тухачевского с японским военным атташе в Варшаве. За эту операцию участвовавшие в ней сотрудники НКВД вскоре были награждены знаком «Почетного чекиста». Голубков и Кубышкин, например, были награждены 19 апреля 1937 года, то есть еще за день до того, как Ежов направил спецсообщение Ворошилову.

В связи с тем, что качество фотодокумента было плохим и иностранный отдел НКВД, куда был передан для расшифровки этот документ, не смог выполнить этой работы, заместитель начальника 3 отдела ГУГБ Минаев-Цикановский предложил М. Е. Соколову, работавшему тогда начальником 7-го отделения этого отдела, выехать с документом в Лефортовскую тюрьму к находившемуся там арестованному работнику ИНО НКВД Р. Н. Киму и поручить ему, как квалифицированному знатоку японского языка, расшифровать документ. Ким был арестован 2 апреля 1937 г. по подозрению в

шпионаже в пользу Японии, и следствие по его делу вел аппарат отделения, возглавляемого Соколовым.

Как сообщил сейчас в ЦК КПСС Соколов, этот плохо сфотографированный документ Киму удалось расшифровать после двух-трех визитов к нему. Ким был крайне возбужден, когда сообщил Соколову, что в документе маршал Тухачевский упоминается как иностранный разведчик. Соколов утверждает, что содержание спецсообщения, которое было направлено Ворошилову, совпадает с содержанием перевода, сделанного Кимом, причем в то время Соколов и другие его сотрудники, знавшие содержание документа, были убеждены в его подлинности. Теперь же Соколов считает, что они тогда глубоко заблуждались, и документ, видимо, является дезинформацией со стороны польской или японской разведок с расчетом, что за эту фальшивку ухватятся.

Соколов обращает сейчас внимание на то, что столь секретное сообщение, если бы оно действительно предназначалось только адресату - генштабу японской армии, не могло быть направлено в общей почте, в бауле, перевозившемся через советскую территорию в советских почтовых вагонах, без охраны дипкурьеров. Кроме того, Соколов утверждает, что хотя фотодокумент вернулся к нему из иностранного отдела без перевода, из каких-то источников ему уже было известно, что в документе упоминается фамилия Тухачевского.

В своем объяснении в ЦК КПСС проживающий сейчас в Москве Ким подтверждает, что действительно в апреле 1937 г. Соколов, со ссылкой на приказание наркома Ежова, поручил ему перевести с японского языка документ, который никто из работников ГУГБ, слабо зная японский язык, не смог прочитать из-за дефектов снимка. Киму было обещано, что если он расшифрует документ, то это благоприятно отзовется на его судьбе. Документ был совершенно смазан, и перевести его на русский язык удалось ценой огромного напряжения. Как утверждает Ким, после перевода документа он написал еще и заключение, в котором сделал вывод, что этот документ подброшен нам японцами. Такого заключения в архивах не найдено. Документ, с которым имел дело Ким, состоял, с его слов, из одной страницы и был написан на служебном бланке военного атташата почерком помощника военного атташе в Польше Арао (почерк этот Ким хорошо знал, так как ранее читал ряд документов, написанных Арао); в документе говорилось о том, что о том, что установлена связь с маршалом Тухачевским, документ посылается в адрес генштаба. Все эти данные Ким сообщил в ЦК КПСС до предъявления ему текста спецсообщения.

Ким, как и Соколов, считают, что если бы столь важное сообщение необходимо было скрыть от советской разведки, то японцы нашли бы немало способов для этого - передали бы его шифром или с дипкурьером, или, скорее всего, устно. В данном случае японская разведка, видимо, имела противоположную цель - довести до сведения русских содержание этого документа. Ким подчеркивает, что как в 1937 г., так и теперь он считает, что японский документ, содержащий «компрометирующие данные» о Тухачевском, является дезинформирующим документом, подброшенным с провокационной целью.

Обращает на себя внимание тот факт, что японская разведка, сообщая провокационные сведения о советских военачальниках, в то же время в официальных секретных документах давала совершенно иную оценку событий, происшедших в Красной Армии.

В июле 1937 года помощник японского военного атташе в Москве Коотани выступил с докладом «Внутреннее положение СССР (анализ дела Тухачевского)» на заседании политических и военных деятелей Японии. В этом докладе Коотани заявил:

«Неправильно рассматривать расстрел Тухачевского и нескольких других

руководителей Красной Армии как результат вспыхнувшего в армии антисталинского движения. Правильно будет видеть в этом явлении вытекающее из проводимой Сталиным в течение некоторого времени работы по чистке, пронизывающей всю страну».

Он заявил далее, что совершенно нельзя верить официальному обвинению о том, что генералы были связаны с руководством армии некоей иностранной державы и снабжали ее шпионскими данными, что они замыслили восстание против нынешнего правительства. По мнению Коотани, у советских военных не было ни плана восстания, ни террористических планов. События в Красной Армии поразили, подчеркивал Коотани, не только его, но и такого специалиста по России, как начальник советской секции 2-го отдела японского генштаба полковника Касахара.

Оценивая имеющиеся японские материалы, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, «документ Арао», посланный Ежовым Ворошилову, надо признать провокационным. Эта дезинформация была тем или иным путем подброшена советским органам японской разведкой, быть может, в кооперации с польской разведкой, а возможно, и немецкой.

Не исключено также, что этот документ был сфабрикован в НКВД с прямой провокационной целью или что так называемый тайный посланец, если он так объявил себя в Варшаве, в действительности являлся агентом НКВД.

Во-вторых, несмотря на сомнительную ценность в качестве свидетельства против Тухачевского, «документ Арао», дошедший до Ежова, Ворошилова и, вероятно, до Сталина, мог все же ими браться в расчет и сыграть в условиях апреля - мая 1937 года определенную роль в формировании обвинения против Тухачевского.

Вместе с тем, видимо, именно неправдоподобностью этого документа надо объяснить тот факт, что на следствии вопрос о «тайном посланце Тухачевского» и о связях его с японской разведкой вообще никак не допрашивался. В деле нет ни самого документа, ни его копии. Никакой оперативной разработки вокруг этого перехваченного японского документа не проводилось; его использовали против Тухачевского в том виде, в каком он оказался в руках работника НКВД.

д) Дезинформационная деятельность польской разведки

То, что польский Главный штаб был жизненно заинтересован в «изменениях», которые произошли в 1937 г. в руководстве Красной Армии и во всем ее офицерском составе, подтверждается рядом документов самой польской разведки. Среди трофейных документов, хранящихся в Особом архиве Главного архивного управления, а также в архиве КГБ, содержатся материалы, проливающие свет на провокационную деятельность польской разведки и вместе с тем на то, как она реально оценивала события 1937 года в СССР.

Представляет интерес документ реферата «ИД» от 29 ноября 1926 года второго (разведывательного) отдела Главного штаба польской армии. Этот документ носит название «Активная дезинформация Советского Союза, создание резидентуры». В этом документе 2-й отдел Главного штаба Польши ставил задачей создаваемой резидентуры - «разработку и учет трений и споров по программным вопросам в коммунистической партии», «отработку идентичного материала о международном коммунистическом движении» и «создание на основе полученного материала информации для печати и секретной, предназначенной для подрыва РКП изнутри». В том же 1926 году в связи с «левой оппозицией» Зиновьева реферат «ИД» специально занимался «политической дезинформацией по отношению к Советам» по вопросу о «разногласиях в коммунистической партии». Польская разведка решила «в целях получения материалов для создания дальнейших трений» распространять в печати

сведения «растрavляющего характера и создающие атмосферу недоверия между нами сегодня примирившимися противниками».

Подобные методы «растрavляющего характера» были применены польской разведкой и в ее долгодетней дезинформации по поводу «заговора военных» в СССР.

Кроме непосредственной заинтересованности в ослаблении Красной Армии и цепей кооперирования своих действий с гитлеровской разведкой, у польских военных кругов были особые счеты с Тухачевским, Путной, Корком, Эйдеманом, Примаковым и другими участниками польской кампании 1920 года.

Польские органы весьма давно стали «изобретать» компрометирующие материалы на этих военачальников и распускать о них всяческие слухи. В спецархиве ГРУ Генерального штаба Советской Армии находится, например, сообщение советского военного атташе в Англии Ключко, который 30 января 1928 года писал в Москву:

«29 и 30 января вся польская пресса полна самыми фантастическими сообщениями о восстании Красной Армии; говорится о восстании 4 дивизий во главе с т. Тухачевским, наступающим будто бы на Москву; за два дня сообщения польской прессы перелетели в английскую, а оттуда они вновь перепечатывались польской прессой; характерно, что основную кампанию ведет официоз «Глас Правды»; сегодня на совещании у полпреда я предложил немедленно опубликовать опровержение полпредства, назвав всю эту провокационную кампанию «сплошной ложью от начала до конца», что и сделано. Я рассматриваю эту клевету как одно из средств поддержания общественного мнения против нас, как „моральную мобилизацию"..."»

В предшествовавший процессу Тухачевского период польская печать не только коллекционировала и подавала в сенсационном духе международные слухи и сплетни относительно «заговора в Красной Армии» и предполагаемого «переворота в СССР», но и активно запускала свои вымыслы на международный политический рынок. Варшава (как и столицы Прибалтийских государств) постоянно фигурировала в такого рода сообщениях иностранных агентств печати как «источник» слухов.

То, как польская разведка организовывала и доводила до сведения советских органов провокационные, дезинформационные сведения по вопросам внешней политики, а также и о советских военачальниках, видно, например, из дела < > Илинич В. А.

В материалах, направляемых Илиничем в ИНО НКВД за 1932-1935 годы, содержалась информация о том, что Польша, Германия, Англия, Франция, США и Япония строят свою внешнюю политику в направлении полной политической изоляции СССР, что они активно готовятся к разделу территории СССР путем военного вторжения, высказывалось предположение о неизбежном союзе Польши, Германии, Англии, Италии и Японии против СССР; о непрочности и фиктивности существовавшего в то время договора о взаимопомощи между СССР и Францией.

По вопросам внутривнутриполитического положения в СССР Илинич < > систематически доносил о существовании на территории СССР различных антисоветских заговорщических организаций, таких, как «Трудовая крестьянская партия», заговор среди ученых, разного рода заговоры среди высшего командования Красной Армии. Он также сообщал о нелегальной связи высокопоставленных лиц из командного состава Красной Армии с польской и германской разведками.

Так, еще в 1932 году Илинич сообщал:

«...В связи с предстоящей 10-15 августа конференцией представителей штабов в Париже, там, на этой конференции, будут сделаны доклады о положении в СССР представителями какой-то существующей на территории Союза политической партии, имеющей якобы свою сильную организацию среди крестьянства.

По словам Гонсяровского (начальник польского Главного штаба. - Прим. наше), эта партия возглавлена крупными общественными деятелями СССР, некоторые из них даже члены ВКП(б), а также имеются в ее руководстве люди, занимающие высокие

командные должности в Красной Армии».

В другом донесении (ноябрь 1932 г.) Илинич писал:

«...Относительно диверсионной работы, которую Пилсудский ведет в СССР, агенту конкретно ничего неизвестно. Известно лишь, что работа ведется в верхах Красной Армии, обрабатываются командиры крупных частей и есть какие-то командиры, на которых очень надеются».

Илинич сообщал также, что как установил один из его агентов, между советским военачальником Блюхером и германским генералом Гаммерштейном (занимал пост начальника немецкого штаба) существует тайная связь. В 1934 году доносил Илинич в Москву следующее:

«...Во второй половине июля с. г. польская разведка получила сообщение из весьма авторитетного германского источника о том, что тов. Блюхер находится в тесном военно-политическом контакте с руководящими лицами германской армии.

...В глазах Пилсудского информация о Блюхере заслужила особого внимания, когда в первых днях августа польской разведкой в Англии был раздобыт скопированный доклад английской разведки (кажется, английскому генералу Болтону Мону) о том, что германское командование в лице генерала Гаммерштейна нашло в лице т. Блюхера человека, который, опираясь на Германию, совершит переворот в СССР».

Сведения о «готовящихся заговорах» в Красной Армии, об участии в них командиров из «верхушки» Красной Армии, о политическом курсе Польши, Франции и других стран направлялись Илиничем в ИНО НКВД СССР вплоть до 1936 года, то есть до момента ареста Илинича органами НКВД и разоблачения его как польского агента.

При расследовании дела Илинича выяснилось, что он < > в 1932 году совершил ряд служебных подлогов, связанных с присвоением больших денежных сумм, что стало достоянием польских разведорганов. На этой почве Илинич был завербован польской разведкой, привлечен к секретному сотрудничеству с разведывательными органами бывшей буржуазной Польши и по ее заданию в течение 1932-1936 годов под видом агентурных материалов поставлял в ИНО НКВД дезинформацию, разрабатываемую 2-м отделом Главного штаба польской армии. < >

В июне 1957 года дело Илинича В. А. по просьбе его родственников проверялось Следственным управлением КГБ при Совете Министров СССР; признано, что он был осужден в 1936 году правильно, и в реабилитации Илинича отказано.

Изучение архивных материалов показывает, что некоторые сведения, сообщаемые Илиничем в ОГПУ - НКВД, докладывались Сталину. В архиве КГБ имеется, например, докладная об агентурных донесениях Илинича, адресованная в марте 1932 года Сталину, из которой видно, что Сталин знал об Илиниче. < >

Из различных пометок и резолюций, сделанных работниками НКВД СССР на донесениях Илинича, также видно, что его сообщения включались в сводные докладные записки НКВД, на основании которых затем шла информация в ЦК ВКП(б).

О том, что Сталин получал информацию, составленную на основе донесений Илинича, видно также из письма Артузова, направленного Ежову 22 марта 1937 года. Говоря о трудностях в разоблачении Илинича, Артузов, например, писал:

«Когда т. Сталин посылал меня в разведуправление, он констатировал в разговоре со мной об источнике Илиниче, что о некоторых важных фактах он нас предупреждал заранее (польско-германский договор, подготовка 36 германских дивизий и др.)».

Таким образом, распространение польскими разведывательными органами провокационных сведений о советских военачальниках, об участии их в «заговорах» против Советской власти играло свою роль в создании атмосферы подозрительности вокруг Тухачевского и других военачальников и влияло на формирование против них тяжких обвинений.

Однако, фабрика и распространяя провокационные слухи, польская разведка, как это видно из ставших ныне известными секретных польских документов, совершенно иначе расценивала происшедшие в 1937 году события в Красной Армии.

В документе «Внутреннее положение СССР, сообщение № 14», составленном в июле 1937 года 2-м отделом Главного штаба Польши, дается следующий вывод по «делу» Тухачевского:

«Официальное толкование процесса Тухачевского, приписывающее казненным советским генералам шпионаж, диверсии против Советской власти и сотрудничество с иностранными разведками (вероятно, Германии), является таким абсурдным, что европейское общественное мнение... заранее его отбрасывает...»

В этом докладе дается высокая оценка личным заслугам и качествам Тухачевского и других, подчеркивается их преданность делу революции и коммунизма. По данным польской разведки, в момент ликвидации группы Тухачевского у нее не было никакой разветвленной организации, не было никаких намерений против Советской власти, все эти командиры были заинтересованы только в дальнейшей победе революции, а расправа с ними есть результат развития внутрисполитических событий в СССР, стремления Сталина устранить всех, кто с ним в чем-либо не соглашался.

е) Дезинформация из других Прибалтийских государств [Эстония]

Правящие круги Прибалтийских государств (Латвия, Литва и Эстония), исходя из своих антисоветских интересов и интересов своих империалистических покровителей, также внесли свою лепту в кампанию дезинформации в отношении советских военачальников.

В общей массе клеветы и дезинформации о Советском Союзе, распространяемой в те годы печатью Прибалтийских стран и с помощью других средств, сейчас можно выделить один канал, через который шла дезинформация о советских военачальниках от эстонских разведывательных органов, поскольку эта дезинформация дошла до Сталина и Ежова.

25 мая 1931 г. начальник Разведывательного управления РККА С. Урицкий представил Ворошилову сообщение советского военного атташе в Эстонии полковника Туликова о его разговоре с начальником эстонской военной разведки Маазингом, который, как писал в сопроводительном письме Урицкий, тесно связан с «Интеллидженс сервис» (английской разведкой), а также с немцами.

В сообщении военного атташе полковника Туликова, датированном 18 мая 1937 г., говорится следующее:

«Месяца два назад (март 1937 года. - Прим. наше) в разговоре со мной Маазинг сказал, что он думает, что по его данным, история с Ягодой и троцкистские процессы должны в скором времени коснуться и армии. Персонально он ни на кого не напирал, но назвал маршала Тухачевского. Вследствие того, что эта фамилия склонялась многократно в зарубежной прессе, я тогда этому не придавал значения. Но в конце апреля разговор на эту тему возник вновь, и Маазинг сказал, что у него имеются проверенные данные, что маршала Тухачевского снимут тотчас после поездки на коронацию в Лондон... Маазинг мне ответил, что его сведения абсолютно достоверны, что ему известно, что маршала допрашивали на Лубянке, а это уже почти решающий признак... На мое замечание, что из всего этого меня больше всего могло бы интересовать, откуда к нему идут эти сведения, Маазинг ответил, что я его подстрекаю испортить отношения с друзьями...»

26 мая 1937 г. Ворошилов направил это сообщение Сталину, Молотову, Кагановичу, Ежову. На документе Сталин написал:

«т. Молотову, т. Ворошилову. Следует выяснить, почему наш военатташе счел

нужным сообщить нам о Тухачевском «через 2 месяца», а не сразу».

Тупиков был снят с поста военного атташе. В своих объяснениях, представленных Ворошилову, он уточнил ряд деталей своих разговоров с Маазингом. Тупиков отметил, в частности, что разговор с Маазингом в марте 1937 года совпал с высказываниями эстонских и белых газет относительно возможности «процесса Тухачевского» и того, что Тухачевский олицетворяет собой бонапартистскую борьбу армии с партией и правительством. На вопрос Туликова, являются ли эти сведения общеизвестными по газетам или Маазинг располагает более фундаментальными сведениями, тот отметил уклончиво: «и по газетам, и по другим».

Маазинг сообщил, например, Туликову о том, что будто бы Егоров подал рапорт в Политбюро с просьбой снять его с должности начальника штаба, так как он расходится по ряду оперативных вопросов с Ворошиловым. Отвечая на вопрос об источниках этой информации, Маазинг заявил, что последние сведения он получил от начальника русского отдела разведки английского генерального штаба.

Тупиков детально излагает «теоретические» воззрения Маазинга на события в СССР, на якобы ведущуюся борьбу за власть с троцкистами, причем эта борьба за власть, с его точки зрения, захватывает армию, внутри которой растут претензии на то, чтобы стать господином положения в стране. Гражданские круги, по мнению Маазинга, стараются удалить наиболее ярких сторонников армейской диктатуры от руководства. Маазинг упомянул Тухачевского как представителя сторонников военной диктатуры, поставив его в ряд с германским генералом Людендорфом и эстонским генералом Рееком. По мнению Туликова, характер сообщений Маазинга и тон разговоров оставили у него впечатление, что Маазинг давал понять, что он информирует советского военного атташе.

Тупиков характеризует Маазинга как политически умного, ловкого и культурного маклера, держащего нос по ветру. Маазинг бравировал своим цинично-пренебрежительным отношением ко всякой политической идейности. Он был докладчиком и советником по внешнеполитическим вопросам высших генералов эстонской армии Лайдонера и Реека, пользовался большим влиянием в правительственных кругах.

Для оценки отношения Маазинга к событиям в Красной Армии представляет некоторый интерес также его беседа с советским торгпредом в Эстонии Парушиным В. И., которая состоялась уже после расстрела Тухачевского. В этой беседе < > Маазинг заявил, что он не может объяснить себе причин происходящих в СССР событий. Говоря, в частности, о Корке, он сказал, что расстрел Корка для него непонятен, хотя он, Маазинг, «как эстонец и рад тому, что уничтожил генерала-эстонца, который с ним дрался». < >

Эпизод с военным атташе Тупиковым показывает активное стремление иностранных разведок внедрить в советские органы мысль о возможной измене Тухачевского и других. Есть все основания полагать, что руководитель эстонской военной разведки Маазинг служил звеном в передаче дезинформации советским органам со стороны зарубежных разведок. Вместе с тем этот эпизод говорит и об особом интересе Сталина и Ворошилова к «острым» сведениям о советских военачальниках. И хотя информация Маазинга не содержала каких-либо конкретных фактов, но, став достоянием Сталина, Ворошилова и Ежова, она могла ими приниматься во внимание и, видимо, наряду с другими подобными данными сыграла свою роль в развитии событий в Красной Армии.

Анализ архивных и агентурных материалов, которые оказались в настоящий момент доступными, в сопоставлении с версиями, излагаемыми в зарубежной литературе, позволяет сделать некоторые выводы.

1. Материалы дают основание отвергнуть обвинения Тухачевского и других в

«заговоре» и «связях» с иностранными державами. Ни в одном источнике - архивном, агентурном, литературном - нет сколько-нибудь убедительных свидетельств виновности высших командиров Красной Армии в «измене». Наоборот, подавляющим большинством как открытых, так и секретных источников эта версия либо отвергается, либо игнорируется.

2. Вместе с тем материалы раскрывают широкую картину переплетения клеветы, интриг и провокаций, которые во взаимной борьбе и кооперации осуществляли на протяжении ряда лет и особенно в 1936-1937 гг. правящие круги и разведки капиталистических стран Европы. Они старались создать вокруг командования Красной Армии атмосферу подозрительности, стремились побудить Сталина устранить ведущих военачальников с тем, чтобы ослабить Советские вооруженные силы в критической международной ситуации предвоенных лет.

Непосредственным периодом «созревания и оформления» «дела» Тухачевского и других военачальников явился период с января по май 1937 года, когда поступление провокационных сведений из-за рубежа по различным каналам стало особенно частым и тревожным, совпав с фазой обострения политических событий внутри страны в 1937 году.

3. В настоящее время нет оснований признать за достоверную рассказанную бывшими германскими разведчиками версию о «фальшивках» Гейдриха, якобы осуществленную в начале 1937 г. Кроме некоторых литературных произведений самих гитлеровцев, нет иных доказательств в отношении этой операции гитлеровской разведки. Вместе с тем в архивах содержится достаточно доказательств постоянной провокационной, дезинформационной деятельности гитлеровской разведки, проводимой в отношении Тухачевского и других крупных советских военачальников на протяжении ряда лет. Германские разведывательные органы при этом не только сами плели интриги вокруг Тухачевского и других, но всячески провоцировали на это французов, англичан, поляков, чехов, нагоняя на них страх угрозой заключения союза между СССР и Германией.

4. Архивные и другие материалы подтверждают, что многие дезинформационные сведения, провокационные слухи о советских военачальниках доходили до Сталина, Молотова, Ворошилова и Ежова, принимались ими в расчет и, в той или иной степени, сыграли свою роль в процессе возникновения и созревания не только «дела» Тухачевского - Якира - Уборевича, но и «дел» в отношении тысяч командиров Красной Армии и Военно-Морского Флота.

VII. МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННЫХ КАДРОВ

Как отмечалось выше, решения февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года, требования Сталина и Молотова о «проверке» военного ведомства, выступления Сталина и Ворошилова в июне 1937 года на расширенном заседании Военного Совета при Наркоме обороны были восприняты органами НКВД как прямая директива по массовой чистке кадров армии и флота от имевшихся якобы там вредителей, шпионов и изменников.

Для осуществления этого коварного замысла был активно использован прошедший в июне 1937 года на основе сфабрикованных материалов судебный процесс над руководящими деятелями Красной Армии Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими. Невзирая на заслуги перед партией, государством и народом, арестам в 1937—1938 гг. были подвергнуты видные военачальники, командиры и политработники. Все они обвинялись в принадлежности к военно-фашистскому заговору, правотроцкистским и другим антисоветским организациям.

Арестованные по делу о военно-фашистском заговоре Тухачевский, Якир, Уборевич,

Корк, Фельдман, Примаков, Эйдеман, Путна, а также некоторые другие военачальники, будучи сломленными пытками, истязаниями, а некоторые уговорами и обещаниями сохранить жизнь, были вынуждены подписать ложные показания, в которых десятки, сотни лиц из числа командного и начальствующего состава Красной Армии перечислялись как заговорщики.

Лица из командно-начальствующего состава Красной Армии, на которых были получены вымышленные показания об их антисоветской деятельности, как правило, сразу же арестовывались. В результате применения к ним тех же незаконных методов от них добивались подписания протоколов допросов, в которых они в свою очередь оговаривали в преступной деятельности еще более широкий круг военнослужащих Красной Армии. Все это и вело к невиданному размаху арестов и репрессий.

Уже через девять дней после суда над Тухачевским были арестованы как участники военного заговора 980 командиров и политработников, в том числе 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комкор, 16 полковых комиссаров, 17 бригадных и 7 дивизионных комиссаров.

С ведома и разрешения Сталина органы НКВД по отношению к арестованным широко применяли физические меры воздействия, шантаж, провокации и обман, в результате чего добивались ложных показаний о «преступной деятельности» целого ряда видных военных работников, находившихся на свободе. Показания многих арестованных направлялись Сталину, который единолично, без какого-либо разбирательства, решал вопрос об аресте невинных людей.

Так, например, ознакомившись с протоколом допроса от 5 августа 1937 года арестованного зам. нач. Разведуправления РККА Александровского, Сталин написал Ежову:

«Арестовать: 1) Каширина. 2) Дубового. 3) Якимовича. 4) Дорожного (чекист). 5) и других (см. показания)».

В этом протоколе отметки «арестовать», «взять» были Сталиным сделаны против 30 фамилий.

При ознакомлении с протоколом допроса арестованного командующего войсками Харьковского военного округа командарма II ранга Дубового, который со слов других лиц назвал ряд военачальников, якобы состоявших в заговоре, Сталин единолично дал прямое указание об аресте 18 командиров, в числе которых были: командир корпуса Погребной, командиры авиационных и танковых бригад Бахрушин, Коган, Зима, Евдокимов и Карев, руководящие работники штабов Киевского и Харьковского военных округов.

В 1937 году был необоснованно арестован редактор Газеты «Красная Звезда» армейский комиссар 2 ранга Ланда. На допросах в НКВД под воздействием истязаний Ланда вынужден был дать о себе ложные показания и оговорить 90 человек руководящих политработников Красной Армии, которые якобы входили в состав военного заговора. В числе заговорщиков он назвал почти всех руководящих сотрудников редакции газеты «Красная Звезда», ряд членов военных советов округов, начальников политорганов, редакторов окружных газет. Назвал Ланда в числе заговорщиков и заместителя начальника Генштаба РККА Мерецкова.

Сталин, ознакомившись с протоколом допроса Ланды от 11 ноября 1937 года, написал на нем следующее:

«т. Смирнову (ПУР) и Щаденко.

Обратите внимание на показание Ланды. Видимо, все отмеченные (названные) в показании лица, пожалуй, за исключением Мерецкова и некоторых других - являются мерзавцами».

Почти все названные в показаниях Ланды лица были арестованы и осуждены.

Ежов 25 сентября 1937 г. сообщил Сталину о показаниях арестованного Аكوпова

(секретарь ЦК КП Азербайджана), который назвал в числе шпионов многих военных. На письме Ежова Сталин написал:

«тов. Ежов. Надо немедленно арестовать всех названных Акоповым армян-военных (см. в тексте). И. Сталин».

В декабре 1937 года Ежов направил Сталину сообщение начальника Ростовского УНКВД, в котором приводились показания бывшего командира казачьего корпуса Косогова И. Г. (перед арестом он работал заместителем инспектора кавалерии РККА). На этом письме Сталин написал:

«т. Ежову. Нужно арестовать всех отмеченных Косоговым лиц. И. Ст.».

Значительное число военачальников было арестовано также и с санкции Ворошилова. Так, 28 мая 1937 года НКВД СССР составил список работников Артуправления РККА, на которых имелись показания арестованных как на участников военно-троцкистского заговора. В этот список были включены помощник начальника Артиллерийского управления РККА комбриг Железняков и многие другие, всего 26 командиров Красной Армии. На списке имеется резолюция Ворошилова:

«Тов. Ежову. Берите всех подлецов. 28.V.1937 года. К. Ворошилов».

В августе 1937 года из Наркомата обороны Союза ССР в НКВД СССР было направлено следующее письмо об аресте ряда видных руководящих военных работников:

«Сообщаю резолюцию Народного Комиссара Обороны СССР на справках Леплевского (сотрудник НКВД СССР. — Примеч. наше):

1. О зам. нач. политуправления КВО (Киевского военного округа. - Примеч. наше) корпусном комиссаре Хорош М. Л.

„Арестовать. К. В.“.

2. О командире-комиссаре 1-го кав[алерийского] корпуса комдиве Демичеве. „Арестовать. К. В.“.

3. О нач. отдела связи КВО комбриге Игнатовиче Ю.И. „Арестовать. К. В.“.

4. О командире 7-го кав[алерийского] корпуса комдиве Григорьеве П. П. „Арестовать. К. В.“.

5. О командире 58-й с[трелковой] д[ивизии] комбриге Капцевиче Г.А. „Арестовать. К. В.“.

6. О начальнике 2-го отдела штаба КВО полковнике Родионове М. А. „Арестовать. К. В.“».

В данном случае без какого-либо разбирательства Ворошиловым были приняты решения об аресте 142 руководящих военных работников.

Активное участие в решении вопроса об арестах командиров и видных руководящих военных работников принимали в 1937-1938 годах начальник Управления НКО по начсоставу Щаденко, начальник Главного политического управления РККА Мехлис, заведующий ОРПО ЦК ВКП(б) Маленков.

В декабре 1937 и январе 1938 гг. НКВД СССР направил представление на имя Ворошилова об аресте ряда военачальников, в числе которых были член Военного совета Сибирского военного округа Юнг Н. А., член Военного совета Северо-Кавказского военного округа Сидоров, старший инспектор политуправления РККА дивизионный комиссар Индриксон Я. Г., зам. начальника политуправления СКВО корпусной комиссар Битте А.М., член Военного совета Уральского ВО Тарутинский А. В. и другие. На этих документах имеются резолюции Щаденко, Мехлиса и Маленкова об аресте названных выше лиц. Все они были арестованы и затем необоснованно осуждены.

В архивных материалах НКВД СССР и Наркомата обороны СССР нет точных статистических данных о числе арестованных военнослужащих за 1937-38 гг. Однако некоторые документы дают возможность определить размах этих репрессий в

отношении военнослужащих.

Так, в справке управления кадров РККА от 19 сентября 1938 года, направленной заместителю наркома обороны Щаденко, указано, что число уволенных из армии офицеров в 1937-38 годах составило 36761 человека. В другом документе - «Справка-доклад о накоплении командных кадров РККА» от 21 марта 1940 года говорится, что «за 1937-1938 годы в связи с чисткой армии было арестовано, исключено из партии и таким образом выбыло из РККА - 35000, в том числе 5000 политсостава». Среди репрессированных были 3 заместителя наркома обороны, нарком Военно-Морского Флота, 16 командующих войсками военных округов, 25 их заместителей и помощников, 5 командующих флотами, 8 начальников военных академий, 25 начальников штабов округов, флотов и их заместителей, 33 командира корпуса, 76 командиров дивизий, 40 командиров бригад, 291 командир полка, два заместителя начальника Политуправления РККА, начальник политуправления ВМФ и ряд других видных политработников.

Из девяти военных работников (Ворошилов, Гамарник, Якир, Блюхер, Булин, Тухачевский, Егоров, Буденный и Уборевич), избранных 17-м съездом ВКП(б) в состав Центрального Комитета партии, семь человек в 1937-1938 гг. были объявлены врагами народа, участниками «военного заговора» и только Ворошилов и Буденный сохранили свое положение, хотя на Буденного органы НКВД тоже сфабриковали показания о принадлежности его к «заговору».

Среди членов ЦИК СССР, избранных на VII Всесоюзном съезде Советов, было 36 видных командиров и армейских политработников. Из этого числа 30 человек в 1937 г. были объявлены «врагами народа».

Из 108 членов Военного совета при НКО СССР к ноябрю 1938 года сохранилось от прежнего состава только 10 человек.

О характере и размерах репрессий, постигших командный, политический и другой начальствующий состав Красной Армии, говорил Ворошилов на заседании Военного совета при Народном Комиссариате Обороны Союза ССР 29 ноября 1938 года.

«Когда в прошлом году, - заявил он, - была раскрыта и судом революции уничтожена группа презренных изменников нашей Родины и РККА во главе с Тухачевским, никому из нас и в голову не могло прийти, не приходило, к сожалению, что эта мерзость, эта гниль, это предательство так широко и глубоко засело в рядах нашей армии. Весь 1937 и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая зараженные части организма, до живого, здорового мяса, очищались от мерзостной предательской гнили...

Вы знаете, что собою представляла чистка рядов РККА... Чистка была проведена радикальная и всесторонняя... с самых верхов и кончая низами... Поэтому и количество вычищенных оказалось весьма и весьма внушительным. Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек. Эта цифра внушительная. Но именно потому, что мы так безжалостно расправлялись, мы можем теперь суверенностью сказать, что наши ряды крепки и что РККА сейчас имеет свой до конца преданный и честный командный и политический состав».

Заявление Ворошилова относительно характера чистки армии являлось безответственным. Он клеветал на военнослужащих, называя их изменниками, скрыл от партии подлинную причину массовых репрессий, являясь сам одним из основных виновников этой трагедии.

а) Фабрикация обвинений на тт. Блюхера, Белова, Каширина, Алксниса, Дыбенко, Егорова, Федько и Ковтюха

Ранее указывалось, что для судебного рассмотрения дела о так называемом «военно-

фашистском заговоре» было создано под председательством Ульриха Специальное судебное присутствие Верховного суда Союза ССР, в состав которого вошли крупнейшие деятели Советских вооруженных сил. Блюхер В. К., Белов И.П., Каширин Н. Д., Дыбенко П. Е., Алкснис Я. И., входившие в состав этого судебного присутствия, после суда над советскими военачальниками во главе с Тухачевским сами разделили их участь - были обвинены в участии в этом же заговоре и по сфальсифицированным материалам осуждены к расстрелу.

Вот некоторые данные об этих лицах и их участии:

БЛЮХЕР Василий Константинович, 1889 года рождения, русский, член КПСС с 1916 года, маршал Советского Союза, командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной Армией, арестован 22 октября 1938 года.

В начале следствия Блюхер в приписываемых ему обвинениях виновным себя не признавал. Тогда против него были использованы ложные показания, полученные 10 сентября 1938 года от арестованного заместителя наркома обороны Федыко И.Ф. Между ним и Федыко 28 октября 1938 года была проведена очная ставка, на которой Федыко заявил:

«Преступные антисоветские связи с Блюхером я установил в ноябре месяце 1935 года, когда работал Военный совет».

Эти и другие вымышленные показания Федыко Блюхер на очной ставке отрицал, заявив:

«Как Вам не стыдно, Федыко. Все, что сказал Федыко, я категорически отрицаю».

В этот же день, 28 октября 1938 года была проведена очная ставка между Блюхером и арестованным членом Военного совета ОКДВА комкором Хаханьяном Г. Д. На очной ставке Блюхер отрицал утверждения Хаханьяна об антисоветской заговорщической деятельности. Допрос Блюхера и очные ставки с Федыко и Хаханьяном проводил Берия, являвшийся в то время заместителем наркома внутренних дел СССР.

После того как проведенные очные ставки желаемых результатов не дали, Блюхер подвергся страшным избиениям, мучительным пыткам. Гр[аждан]ка Русаковская И., которая в 1938 году содержалась в тюрьме с женой Блюхера - Кольчугиной-Блюхер, сообщила:

«Из бесед с Кольчугиной-Блюхер выяснилось, что причиной ее подавленного настроения была очная ставка с бывшим маршалом Блюхером, который, по словам Кольчугиной-Блюхер, был до неузнаваемости избит и, находясь почти в невменяемом состоянии, в присутствии ее... наговаривал на себя чудовищные вещи... Я помню, что Кольчугина-Блюхер с ужасом говорила о жутком, растерзанном виде, который имел Блюхер на очной ставке, бросила фразу: „Вы понимаете, он выглядел так, как будто побывал под танком"».

Бывший начальник санчасти Лефортовской тюрьмы НКВД СССР Розенблюм в 1956 году сообщила в КГБ при Совете Министров СССР, что в конце 1938 года она оказывала медицинскую помощь находившемуся под стражей Блюхеру. На лице Блюхера имелись кровоподтеки, около глаза был огромный синяк. По заявлению Розенблюм, удар по лицу был настолько сильным, что в результате этого образовалось кровоизлияние в склеру глаза, и склера глаза была переполнена кровью.

В целях получения показаний о «преступной» деятельности Блюхер подвергался обработке во время нахождения в камере внутренней тюрьмы НКВД СССР. Вместе с ним в камеру был помещен арестованный начальник Управления НКВД по Свердловской области Дмитриев, имевший до ареста большой опыт по фальсификации дел. По заданию Берия он применял различного рода провокации с единственной целью - склонить Блюхера к самоговору. Дмитриев действовал уговорами, угрозами и шантажом, что видно из их беседы, записанной с помощью оперативной техники. Из этой записи также видно, что Блюхер подвергался

избиениям и провокационной обработке со стороны Берия.

Вот, например, какой разговор между Блюхером и Дмитриевым, выступавшим в роли внутрикамерного агента, происходил 26 октября 1938 года.

Блюхер: Физическое воздействие... Как будто ничего не болит, а фактически все болит. Вчера я разговаривал с Берия, очевидно, дальше будет разговор с народным комиссаром.

Агент: С Ежовым?

Блюхер: Да. Ой, не могу двигаться, чувство разбитости.

Агент: Вы еще одну ночь покричите, и будет все замечательно.

Когда Блюхер возвратился с очередного допроса, дежурный из надзорсостава предупредил его, что он подлежит отправке в Лефортово.

Деж[урный]: Приготовьтесь к отъезду, через час вы поедете в Лефортово.

Блюхер: С чего начинать?

Деж[урный]:... Вам тов. Берия сказал, что от вас требуется, или поедете в Лефортово через час. Вам объявлено? Да?

Блюхер: Объявлено... Ну вот я сижу и думаю. Что же выдумать? Не находишь даже.

Агент: Вопрос решен раньше. Решение было тогда, когда вас арестовали. Что было для того, чтобы вас арестовать? Большое количество показаний. Раз это было - нечего отрицать. Сейчас надо найти смягчающую обстановку. А вы ее утяжеляете тем, что идете в Лефортово...

Блюхер: Я же не шпионил.

Агент: Раз люди говорят, значит, есть основания...

Блюхер: Я же не шпион.

Агент: Вы не стройте из себя невинного. Можно прийти и сказать, что я подтверждаю и заявляю, что это верно. Разрешите мне завтра утром все рассказать. И все. Если вы решили, то надо теперь все это сделать...

Блюхер: Меня никто не вербовал.

Агент: Как вас вербовали, вам скажут, когда завербовали, на какой почве завербовали. Вот это и есть прямая установка...

Блюхер: Я могу сейчас сказать, что я был виноват.

Агент: Не виноват, а состоял в организации...

Блюхер: Не входил я в состав организации. Нет, я не могу сказать...

Агент: Вы лучше подумайте, что вы скажете Берия, чтобы это не было пустозвоном... Кто с вами на эту тему говорил? Кто вам сказал и кому вы дали согласие?

Блюхер: Вот это письмо — предложение, я на него не ответил. Копию письма я передал Дерибасу (нач. УНКВД Хабаровского края. - Прим. наше).

Агент: Дерибас донес... Вы должны сказать.

Блюхер: Что я буду говорить?

Агент: Какой вы чудака, ей-богу. Вы знаете (называет непонятную фамилию). Три месяца сидел в Бутырках, ничего не говорил. Когда ему дали в Лефортово - сразу сказал...

Блюхер: Что я скажу?

Агент: ...Вы меня послушайте, я вас считаю японским шпионом, тем более что у вас такой провал. Я вам скажу больше, факт, доказано, что вы шпион. Что, вам нужно обязательно пройти камеру Лефортовской тюрьмы? Вы хоть думайте.

Из дальнейшей записи видно, что Блюхер ввиду нежелания дать ложные показания был направлен в Лефортовскую тюрьму.

Во время пребывания в Лефортовской тюрьме Блюхер подвергся жестоким истязаниям, которые к нему применялись при личном участии Берия. Так, бывший зам. начальника Лефортовской тюрьмы, член КПСС Харьковец в 1957 году сообщил:

«Применение физических методов воздействия при допросах заключенных началось

при Ежове, который лично подавал пример следователям. Узаконилось это и широко стало применяться при Берия. Я однажды лично был свидетелем, как он с Кобуловым в своем кабинете избивали резиновой дубинкой заключенного Блюхера».

О творившемся беззаконии написал в 1957 году бывший начальник Лефортовской тюрьмы член КПСС Зимин:

«Часто на допросы приезжали и наркомы НКВД, как Ежов, так и Берия, причем и тот, и другой также применяли избиение арестованных. Я лично видел - Ежов избивал арестованную Каплан, как Берия избивал Блюхера, причем он не только избивал его руками, но с ним приехали какие-то специальные люди с резиновыми дубинками, и они, подбадриваемые Берия, истязали Блюхера, причем он сильно кричал: „Сталин, слышишь ли ты, как меня истязают“. Берия же в свою очередь кричал: „Говори, как ты продал Восток"».

В результате издевательств и насилия, применяемых Берия и его сподручными к Блюхеру, он вынужден был оговорить себя и заявить о связях с правотроцкистской организацией.

Во время нахождения под стражей 9 ноября 1938 года Блюхер умер. Как указано в акте судебно-медицинского исследования трупа, причиной смерти явилась закупорка легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза.

О смерти Блюхера было сообщено Сталину, однако он не принял мер к выяснению обстоятельств расследования его дела и действительных причин смерти Блюхера, а дал указание подвергнуть тело кремации. Бывший сотрудник НКВД СССР Головлев в 1963 году сообщил:

«В нашем присутствии Берия позвонил Сталину, который предложил ему приехать в Кремль. По возвращении от Сталина Берия пригласил к себе Меркулова, Миронова, Иванова и меня, где он нам сказал, что Сталин предложил отвезти Блюхера в Бутырскую тюрьму для медосвидетельствования и сжечь в крематории».

Блюхер с 1917 года находился на командных постах Советской Армии, известен как легендарный полководец гражданской войны, награжден четырьмя орденами боевого Красного Знамени, которые имеют № 1, 10, 11 и 45, орденом Красной Звезды № 1, двумя орденами Ленина. На XVII съезде партии Блюхер был избран кандидатом в члены ЦК КПСС. Реабилитирован Блюхер в 1956 году.

БЕЛОВ Иван Панфилович - командующий войсками Белорусского военного округа, командарм 1-го ранга, был арестован 7 января 1938 года.

Как видно из объяснений бывшей стенографистки НКВД СССР Тимофеевой, Белов в ее присутствии допрашивался лично Сталиным в здании ЦК ВКП(б), но тогда он виновным себя ни в чем не признал. После этого Белову 7 января 1938 года в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова и Ежова была дана очная ставка с арестованным заместителем начальника Политуправления РККА Булиным и начальником Разведупра РККА Урицким, которые «изобличали» его в антисоветской деятельности. Белов вновь отрицал вину, однако, на следующий же день под воздействием истязаний, угроз, шантажа и обещаний он вынужден был написать следующее заявление:

«Я вчера во время очной ставки совершил новое тяжелое преступление, обманув руководителей Советского правительства. Мне особо тяжело писать об этом после того, как я имел полную возможность в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова и Ежова честно раскаяться и рассказать всю правду, как бы тяжела она ни была, о моей преступной деятельности против Родины и советского народа».

Имеющиеся материалы показывают, что это заявление Белова является самооговором, а очные ставки в присутствии членов правительства - один из способов использования заключенного для ложного самоговора и необоснованных обвинений других лиц. Говоря об этих очных ставках, заместитель наркома внутренних дел Фриновский,

будучи в 1939 году арестованным, писал:

«Как готовились арестованные к очным ставкам и особенно к очным ставкам, которые проводились в присутствии членов правительства?

Арестованных готовили специально... По существу происходил сговор и репетиция предстоящей очной ставки. После этого арестованного вызывал к себе Ежов или делал вид, что он случайно заходит в комнату следователя, где сидел арестованный, и говорил с ним о предстоящей ставке, спрашивал - твердо ли он себя чувствует, подтвердит ли, и между прочим вставлял, что на очной ставке будут присутствовать члены правительства... Как пример можно привести подготовку очной ставки Урицкого (начальник Разведупра) с Беловым (командующий Белорусским военным округом). Урицкий отказался от показаний на Белова при допросе его Ежовым. Не став с ним ни о чем разговаривать, Ежов ушел, а спустя несколько минут Урицкий через Николаева извинился перед Ежовым и говорил, что он „смалодушничал“».

В личной записной книжке Ежова, хранящейся в архиве ЦК КПСС, имеется пометка о необходимости избиения арестованного Урицкого. Это было основной причиной того, почему Урицкий дал ложные показания в отношении Белова. Ложными являются и показания Булина об антисоветской деятельности Белова, которые он дал 3 января 1938 года, а затем их подтвердил на очной ставке с Беловым 7 января 1938 года в присутствии Сталина и других членов Политбюро ЦК ВКП(б). Об этом 24 июня 1938 года Булин прямо заявил на допросе:

«В контрреволюционной организации и в антисоветском военном заговоре я не состоял. Мои показания от 3 января 1938 г. вымышленные... Меня мучает совесть, что я оклеветал себя и честных, преданных партии людей».

28 июня 1938 года была повторно произведена очная ставка между Булиным и Беловым, причем Булин на этой очной ставке заявил о том, что он оклеветал себя и Белова. Белов же, доведенный к тому времени истязаниями до отчаяния, признал, что он и Булин занимались совместной преступной деятельностью. Булин, отвергая это, заявил:

«...В своих показаниях я оклеветал себя и Белова... Никогда никаких антисоветских разговоров с Беловым не было... Он говорит неправду, так же, как я сам себя оговорил и других, о чем я уже сделал заявление Правительству».

В судебном заседании Белов заявил, что хочет сделать важное сообщение Сталину, однако он был лишен этой возможности. Бывший начальник Особого отдела НКВД СССР Федоров, арестованный в 1939 году, по этому поводу писал:

«Белов на Военной коллегии вручил прокурору записку о том, что он имеет заявление И.В.Сталину государственной важности... При расстреле Белова, Ткалуна и других присутствовал лично нарком Ежов, он каждого спрашивал, нет ли чего сказать. Белов ответил, что нет, теперь уже здесь нечего».

Арестованный в 1938 году сотрудник НКВД СССР Шапиро об этом показал:

«После заседания Военной коллегии Белов (быв. командующий] Белорусскими воен[ным] округом) подал через председателя суда Ульриха заявление на имя тов. Сталина, в котором он просил уделить ему несколько минут для передачи чрезвычайно важного сообщения государственного значения».

Как сообщил далее Шапиро, Ежов срочно потребовал из Военной коллегии это заявление Белова и оставил его у себя, не доложив о нем Сталину. Белов же в день вынесения приговора был расстрелян. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 26 ноября 1955 года Белов И. П. посмертно реабилитирован.

КАШИРИН Николай Дмитриевич - командарм 2-го ранга, член КПСС с 1918 года, был арестован 19 августа 1937 года. До ареста Каширин был начальником Управления боевой подготовки РККА. Как уже отмечалось, указание об аресте Каширина было дано лично Сталиным.

23 августа 1937 года Каширин под принуждением написал заявление на имя Ежова, в котором признавал свое участие в антисоветском правотроцкистском заговоре. В феврале 1938 года от него было получено заявление о том, что маршал Советского Союза Егоров возглавлял военную группировку правых, проводившую подрывную работу в контакте с «военным заговором» Тухачевского. В числе участников группировки правых Каширин, со слов Егорова, назвал Буденного, Белова, Дыбенко, Халепского и других.

В целях изобличения Егорова в принадлежности к антисоветской организации 26 февраля 1938 года Каширину в присутствии Молотова и Ворошилова была дана очная ставка с Егоровым, который еще не был арестован. На этой очной ставке, вопреки ожиданиям получения изобличающих Егорова показаний, Каширин сделал заявление о том, что сам он не был участником какой-либо антисоветской организации, что в застенках НКВД содержится много невинных командиров, которые под воздействием репрессий дают ложные показания, и что его показания в отношении Егорова ложны. Тогда же Каширин заявил Ворошилову: «Не верьте ничему, что бы я ни писал в своих дальнейших показаниях».

Следствие по делу Каширина вел сотрудник Особого отдела НКВД СССР Ушаков, известный как грубый фальсификатор, применявший зверские приемы при расследовании ряда дел (21 января 1940 года осужден к расстрелу). Будучи в 1939 году арестованным, Ушаков на очной ставке с арестованным Фриновским подтвердил тот факт, что Каширин в присутствии Молотова и Ворошилова заявил об избиениях невинно арестованных советских командиров:

«Каширин заявил, что никакого военного заговора нет, арестовывают зря командиров. Я вам говорю это, как заявил Каширин, не только от своего имени, но по камерам ходят слухи от других арестованных, что вообще заговора нет. На вопрос Ворошилова Каширину, почему же вы дали такие показания, Каширин ответил, указывая на меня, что он меня припирает показаниями таких людей, которые больше, чем я. При этом он добавил, что на двух допросах его били».

Об этом же факте рассказал на допросе и Фриновский.

«Было решено, - говорил он, - устроить очные ставки ряду арестованных, которые давали показания на Егорова, в частности, и Каширину с Егоровым, который еще не был арестован. Эта очная ставка должна была проводиться Ежовым в присутствии Молотова и Ворошилова в кабинете у Ежова. Первым был вызван Каширин. Егоров уже сидел в кабинете. Когда Каширин вошел и увидел Егорова, он попросил, чтобы его выслушали предварительно без Егорова. Егорова попросили выйти, и Каширин заявил, что показания на Егорова им были даны под физическим воздействием следствия, в частности, находящегося здесь Ушакова».

Сообщение Каширина об истязаниях, которым подвергаются военные, было оставлено без внимания, а сам Каширин был вновь подвергнут избиениям. В результате 3 апреля 1938 года он написал письмо Ежову, в котором свое заявление на очной ставке с Егоровым осудил как провокационное. Он вновь подтвердил свои показания о своей принадлежности к военному заговору. В этом заявлении Каширин вынужден был написать следующее:

«Прошло уже больше месяца с того момента, когда я 26 февраля с. г. сделал Вам и находящемуся у Вас в кабинете Народному комиссару обороны Советского Союза маршалу Ворошилову К.Е, провокационное заявление, направленное на дискредитацию органов НКВД... Мое провокационное заявление о том, что я не являюсь участником заговора, а в НКВД существует застенок, в котором содержится много невинных командиров, не было случайным и неожиданным. Наоборот, оно сложилось у меня уже давно и вытекало из моего непримиримого враждебного отношения к Советской власти...

Но вот когда 26 февраля с. г. Вы и нарком обороны вызвали меня на очную ставку с Егоровым, я решил осуществить свой провокационный план и продумал его с возможной полнотой и деталями с тем, чтобы придать моему провокационному заявлению возможно более убедительный характер.

И тогда я пришел к следующим основным решениям:

- а) Сказать о себе, что не был участником контрреволюционного заговора, и отказаться от всех своих прошлых показаний и тем самым опорочить их.
- б) Сказать, что НКВД арестовано много невинных командиров, которые якобы под влиянием репрессий дают друг на друга ложные показания.

В этом направлении я примерно и сделал свое гнусное провокационное заявление Вам и Народному комиссару обороны Ворошилову».

14 июня 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР Каширин Н. Д. осужден к расстрелу. Реабилитирован Каширин определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 1.IX.1956 года.

АЛКСНИС Яков Иванович, латыш, член КПСС с 1916 года, командарм 2-го ранга, начальник ВВС Красной Армии, был арестован в ноябре 1937 года, а 28 июля 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к расстрелу.

Гибель Алксниса — прямое следствие провокаций, осуществленных в период культа личности Сталина в отношении граждан некоторых национальностей, проживавших в СССР. Представляют интерес в этом отношении показания бывшего начальника УНКВД Московской области Радзивиловского, который в 1939 году писал:

«...Я спросил Ежова, как практически реализовать его директиву о раскрытии антисоветского подполья среди латышей. Он мне ответил, что стесняться отсутствием конкретных материалов нечего, а следует наметить несколько латышей из числа членов ВКП(б) и выбить из них необходимые показания. С этой публикой не церемоньтесь, их дела будут рассматриваться альбомным порядком. Надо доказать, что латыши, поляки и др., состоящие в ВКП(б), - шпионы и диверсанты...»

«Выполняя это указание Ежова, - сообщил Радзивилловский, - я и все другие начальники УНКВД сделали одно из самых черных дел - огульно уничтожая каждого из числа латышей, поляков и др[угих] национальностей, входивших в ВКП(б). Все показания об их якобы антисоветской деятельности получались, как правило, в результате истязаний арестованных, широко применявшихся как в центральном, так и в периферийных аппаратах НКВД».

Находясь под следствием и будучи подвергнут истязаниям, Алкснис дал ложные показания о шпионской связи с начальником штаба латвийской армии Гартманисом и о своей принадлежности к антисоветской организации. Этого самоговора оказалось достаточно для физического уничтожения Алксниса - одного из видных деятелей Красной Армии.

20 декабря 1940 года после восстановления Советской власти в Латвии Гартманис был арестован. Органы НКВД пытались получить от Гартманиса показания о якобы имевшей место шпионской связи между ним и Алкснисом, однако он это категорически отрицал. В судебном заседании 7 июня 1941 года Гартманис, например, заявил:

«Я занимал ряд ответственных должностей латвийской армии, но никогда не вел враждебной политики против СССР... Показания Берзина, Алксниса мне непонятны, так как я с ними никакой связи не имел, и в то время, на которое они ссылаются в своих показаниях, я не имел никакого отношения к разведке».

Об избиениях Алксниса в процессе следствия сообщил в 1954 г. бывший сотрудник НКВД Эдлин:

«...Когда я проходил по коридору тюрьмы, то из одной из комнат слышал душераздирающий крик Алксниса, которого там избивали несколько человек...».

Как теперь установлено, Алкснис был расстрелян по списку, утвержденному Сталиным и Молотовым. В 1956 г. Алкснис реабилитирован.

ДЫБЕНКО Павел Ефимович, командарм 2-го ранга, член КПСС с 1912 года, 28 февраля 1938 года был арестован. Дыбенко являлся активным участником Октябрьской революции и гражданской войны, за заслуги перед государством награжден тремя орденами Красного Знамени. Перед арестом он был командующим войсками Ленинградского военного округа.

Аресту Дыбенко предшествовало снятие его с поста командующего военным округом на основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 25 января 1938 года. В этом постановлении, подписанном Сталиным и Молотовым, сказано:

«...СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают установленным, что:

а) т. Дыбенко имел подозрительные связи с некоторыми американцами, которые оказались разведчиками, и недопустимо для честного советского гражданина использовал эти связи для получения пособия живущей в Америке своей сестре.

б) СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают также заслуживающим серьезного внимания опубликованное в заграничной прессе сообщение о том, что т. Дыбенко является немецким агентом. Хотя это сообщение опубликовано во враждебной белогвардейской прессе, тем не менее нельзя пройти мимо этого, так как одно такого же рода сообщение о бывшей провокаторской работе Шеболдаева при проверке оказалось правильным.

в) Т. Дыбенко вместо добросовестного выполнения своих обязанностей по руководству округом систематически пьянствовал, разложился в морально-бытовом отношении, чем давал очень плохой пример подчиненным.

Ввиду всего этого СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют: 1. Считать невозможным дальнейшее оставление т. Дыбенко на работе в Красной Армии.

2. Снять т. Дыбенко с поста командующего Ленинградским военным округом и отозвать его в распоряжение ЦК ВКП(б).

3. Предложить т. Маленкову внести свои предложения о работе т. Дыбенко вне военного ведомства.

4. Настоящее постановление разослать всем членам ЦК ВКП(б) и командующим военными округами».

В ответ на это постановление Дыбенко 30 января 1938 года обратился к Сталину с письмом, в котором отвергал выдвинутые против него измышления. Отрицая преступную связь с американцами, Дыбенко изложил обстоятельства его встреч с официальными американскими представителями, с которыми он, являясь командующим округом, имел общение в присутствии сотрудников госбезопасности и МИД СССР^{viii}. Дыбенко также опровергал как провокацию со стороны белогвардейской эмиграции сообщение иностранной прессы, поместившей заявление Керенского о связи Дыбенко с германской разведкой.

Далее Дыбенко писал:

«Я понимаю, что я не буду возвращен в армию, но я прошу, и я на это имею право, дать мне возможность остаток моей жизни отдать целиком и полностью делу строительства социализма в нашей стране, быть до конца преданным солдатом ленинско-сталинской партии и нашей Родины».

Однако все эти доводы Дыбенко остались без рассмотрения, и он оказался в списке лиц, которые по прямому указанию Сталина и Молотова должны были быть приговорены к расстрелу. Дело на Дыбенко было формально рассмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР в течение 20 минут, и его расстрел был оформлен 29 июля 1938 г. соответствующим приговором. Определением Военной коллегии

^{viii} Так в документе. Правильно - НКВД СССР.

Верховного суда СССР от 16 мая 1956 года Дыбенко П.Е. реабилитирован.

Таким образом, в 1938 году из восьми членов Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, которое рассматривало дело Тухачевского, Якира, Уборевича и других, были физически уничтожены пять человек, а на остальных трех членов суда были получены показания, что и они являлись «врагами народа».

В 1938 году был арестован заместитель наркома обороны, маршал Советского Союза ЕГОРОВ Александр Ильич. Этому аресту предшествовало следующее. В декабре 1937 года на имя Ворошилова от Щаденко и Хрулева поступили доносы о том, что Егоров в беседе с ними во время ужина высказал недовольство неправильным освещением и умалением его, Егорова, роли в период гражданской войны и незаслуженным возвеличиванием роли Сталина и Ворошилова.

Для решения судьбы Егорова этого оказалось достаточно. Так, 25 января 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли следующее постановление (протокол № 57):

«СНК СССР и ЦК ВКП(б) устанавливают, что:

а) первый заместитель Народного комиссара обороны СССР т. Егоров А. И. в период его работы на посту начальника Штаба РККА работал крайне неудовлетворительно, работу Генерального штаба развалил, передоверив ее матерым шпионам польской, немецкой и итальянской разведок Левичеву и Меженинову. СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают подозрительным, что т. Егоров не только не пытался контролировать Левичева и Меженинова, но безгранично им доверял, состоял с ними в дружеских отношениях.

б) т. Егоров, как это видно из показаний арестованных шпионов Белова, Гринько, Орлова и других, очевидно, кое-что знал о существующем в армии заговоре, который возглавлялся шпионами Тухачевским, Гамарником и другими мерзавцами из бывших троцкистов, правых, эсеров, белых офицеров и т. п. Судя по этим материалам, т. Егоров пытался установить контакт с заговорщиками через Тухачевского, о чем говорит в своих показаниях шпион из эсеров Белов.

в) т. Егоров безосновательно, не довольствуясь своим положением в Красной Армии, кое-что зная о существующих в армии заговорщических группах, решил организовать и свою собственную антипартийного характера группу, в которую он вовлек т. Дыбенко и пытался вовлечь в нее т. Буденного.

На основании всего указанного СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Признать невозможным дальнейшее оставление т. Егорова А. И. на руководящей работе в центральном аппарате Наркомата обороны ввиду того, что он не может пользоваться полным политическим доверием ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

2. Освободить т. Егорова от работы заместителя наркома обороны.

3. Считать возможным в качестве последнего испытания предоставление т. Егорову работы командующего одного из не основных военных округов.

Предложить т. Ворошилову представить в ЦК ВКП(б) и СНК СССР свои предложения о работе т. Егорова.

4. Вопрос о возможности оставления т. Егорова в составе кандидатов в члены ЦК ВКП(б) поставить на обсуждение очередного Пленума ЦК ВКП(б).

5. Настоящее постановление разослать всем членам ЦК ВКП(б) и командующим военными округами.

Пред[седатель] СНК СССР - Молотов. Секретарь ЦК - Сталин».

На основании этого постановления Егоров был снят с поста зам. наркома обороны и до ареста в течение двух месяцев находился не у дел. К этому времени в распоряжении органов НКВД уже были показания ряда арестованных о принадлежности Егорова к антисоветской организации. Еще до ареста Егорова, ему в присутствии Ворошилова были даны очные ставки с арестованными Беловым,

Грязновым, Седякиным и Гринько. Все они дали ложные показания в отношении Егорова. Лишь арестованный Каширин, как указывалось выше, в присутствии Ворошилова отказался от прежних вымышленных признаний, заявив, что все командиры дают ложные показания под воздействием невыносимых пыток и истязаний.

На очных ставках Егоров отрицал выдвинутые против него обвинения. Кроме того, Егоров направил 2 марта 1938 г. на имя Сталина письмо, в котором разоблачал лживые утверждения Гринько, Седякина, Белова и Грязнова о якобы его вражеской деятельности. Егоров писал:

«Я заявляю ЦК ВКП(б), Политбюро, как высшей совести нашей партии, и Вам, тов. Сталин, как вождю, отцу и учителю, и клянусь своей жизнью, что если бы я имел хоть одну йоту вины в моем политическом соучастии с врагами народа, я бы не только теперь, а на первых днях раскрытия шайки преступников и изменников Родины пришел бы в Политбюро и к Вам лично, в первую голову, с повинной головой в своих преступлениях и признался бы во всем.

Но у меня нет за собой, на моей совести и душе никакой вины перед партией и Родиной, как и перед Красной Армией, вины в том, что я их враг, изменник и предатель...

Но я еще раз со всей искренностью докладываю и прошу Политбюро и Вас, тов. Сталин, верить мне, что я лично никогда и ни с кем из преступной шайки врагов народа, предателей и изменников Родины и шпионов не был ни в какой политической связи, а все 20 лет пребывания в рядах партии и Красной Армии был всегда верным и преданным сыном и бойцом нашей великой партии Ленина - Сталина, нашей могучей Родины, нашей доблестной Красной Армии и нашего народа».

Несмотря на это, опросом членов и кандидатов ЦК ВКП(б) 28 февраля - 2 марта 1938 г. было принято следующее постановление Пленума ЦК ВКП(б):

«О тов. Егорове.

Ввиду того, что, как показала очная ставка т. Егорова с арестованными заговорщиками Беловым, Грязновым, Гринько, Седякиным, т. Егоров оказался политически более запачканным, чем можно было бы думать до очной ставки, и, принимая во внимание, что жена его, урожденная Цешковская, с которой т. Егоров жил душа в душу, оказалась давнишней польской шпионкой, как это явствует из ее собственного показания, ЦК ВКП(б) признает необходимым исключить т. Егорова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б).

Секретарь ЦК - И. Сталин».

Вскоре же Егоров был арестован и в результате применения к нему физических методов воздействия вынужден был дать вымышленные показания о своей антисоветской деятельности. Кроме того, он оговорил целый ряд военнослужащих.

Как видно из сообщения бывшего сотрудника НКВД СССР Казакевича, участвовавшего в следствии по делу Егорова, Ежов дал обещание Егорову сохранить жизнь в случае, если тот раскается и вскроет преступную деятельность других лиц. Однако это обещание было очередной провокацией Ежова. 23 февраля 1939 года, в день годовщины Красной Армии, один из ее ветеранов, активный участник и герой гражданской войны Егоров был расстрелян. Талантливый полководец Егоров в период гражданской войны командовал Южным фронтом, был одним из первых маршалов Советского Союза, на 17-м съезде партии избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б), его деятельность была отмечена двумя орденами Красного Знамени.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 14 марта 1956 года Егоров А. И. реабилитирован.

ФЕДЬКО Иван Федорович - заместитель наркома обороны Союза ССР, член ВКП(б) с 1917 года, награжденный четырьмя орденами Боевого Красного Знамени, был

арестован 7 июля 1938 года. Еще до ареста, в апреле 1937 года ему в присутствии Сталина были даны очные ставки с арестованными Халепским, Урицким и Беловым. На этих очных ставках названные лица подтвердили ложные показания, полученные от них в отношении Федыко работниками НКВД СССР. Тогда Федыко 1 мая 1938 года обратился с письмом к Сталину, в котором писал:

«Величайшая трагедия совершилась в моей жизни честного большевика. В мое сознание не вмещается представление о том, что я оказался под тягчайшим подозрением, что я являюсь предателем партии и Родины и военным заговорщиком, что я обманул своих избирателей. Что может быть чудовищнее совершившегося события для меня, которому Вы, партия и тов. Ворошилов оказали величайшее доверие. Это самое тяжелое, что заставляет сжиматься до острой боли мое сердце...

Вся моя трагедия заключается в том, что я искусно оклеветан и мне трудно с полной убедительностью доказать, что я являюсь абсолютно честным и преданным партии большевиком...

Я мог, если бы не имел большевистской совести, во имя спасения своего благополучия, пойти на признание чудовищной клеветы на меня, но это привело бы к тому, что этот шпион мог бы с большим основанием и доверием к его показаниям впредь оклеветать еще не одного честного человека...

Вы мне, тов. Сталин, сказали после очной ставки, „что мне стыдно сознаться, и это по-человечески понятно". Нет, т. Сталин, я ни на минуту не поколебался бы, если хоть в малейшей степени подозревал бы о существовании военного заговора и тем более если бы принимал в нем участие. 1 мая 1938 года. Федыко.

Я прошу, если у Вас будет время, принять меня по моему делу. Ф.».

Через два месяца, продолжая находиться в той же обстановке политического недоверия и связанных с ней тяжелых моральных переживаний, Федыко в поисках правды еще раз обратился с письмом к Сталину, Ворошилову и Ежову. В письме он писал:

«Будучи поставлен гнуснейшей и нарастающей клеветой врагов и ошибкой следствия в положение человека, коему предъявляется тягчайшее обвинение в участии в к[онтр]р[еволюционном] заговоре, я не вижу другого выхода, как требовать своего ареста, так как мне подсказывают моя совесть и верность партии.

Я хочу быть до конца большевиком и пойти в тюрьму для того, чтобы разоблачить вражескую борьбу за дискредитацию оставшихся верных людей нашей партии. Никакие моральные и физические испытания меня не страшат. Мой долг честного до конца человека - помочь следствию разоблачить маневр врагов, и с моей стороны было бы трусостью не поступить так и этим дать возможность продолжить врагам вести свою подлую борьбу. 30.VI.1938 г. Федыко».

Убедившись, что и это его письмо не вернуло доверие руководителей партии и правительства, Федыко решил обратиться в НКВД СССР с целью установления его невиновности и просил Ворошилова организовать ему встречу с Ежовым. Как сообщил в 1961 году бывший адъютант Ворошилова - Хмельницкий, Ворошилов отговаривал Федыко от посещения НКВД, заявив следующее.

«Не надо ходить к Ежову... Вас там заставят написать на себя всякую небылицу. Я прошу Вас, не делайте этого».

Когда же Федыко, настаивая на встрече с Ежовым, дал Ворошилову слово ничего не подписывать, последний заявил:

«Вы плохо знаете обстановку, там все признаются, не надо вам ехать туда, прошу Вас».

Будучи арестованным в июле 1938 года, Федыко на третий день после ареста, не выдержав пыток и истязаний, написал заявление на имя Ежова, в котором указывал, что в 1932 году он был вовлечен Беловым в заговор правых и, кроме того, знал об

антисоветской организации, руководимой Тухачевским.

В каких условиях велось следствие по делу Федыко, можно судить по письмам бывшего начальника Особого отдела НКВД СССР Федорова в адрес Фриновского. В июле 1938 года Федоров писал:

«Последние дни у меня в работе особое напряжение - арестовали Федыко, - который только сегодня стал давать показания, и то у меня нет уверенности в том, что он от них не откажется. Федыко оказался арестованным совершенно исключительно...

10-го числа Николай Иванович [Ежов] поднялся ко мне и провел у меня часов пять с половиной - допрашивали Федыко, Егорова, сделали очную ставку между Федыко и Егоровым. Позавчера я провел с Федыко очные ставки, на которых арестованные Егоров, Урицкий, Хорошилов, Погребной, Смирнов П. А. и Белов изобличали Федыко, но он от всего отказывался... Я ему дал указанные выше очные ставки, отправил в Лефортово, набил морду, посадил в карцер. В своих сегодняшних показаниях он называет Мерецкова, Жильцова и еще нескольких человек. Держался возмутительно. А сегодня заявил, что он благодарит следствие за то, что его научили говорить правду».

26 февраля 1939 года Военной коллегией Верховного суда СССР по ложным обвинениям в принадлежности к контрреволюционной организации правых и участия в военно-фашистском заговоре Федыко был осужден к расстрелу. 26 мая 1956 года определением Военной коллегии он реабилитирован.

КОВТЮХ Епифан Иванович - армейский инспектор Белорусского военного округа, комкор, член ВКП(б) с 1918 г., член ВЦИК, награжденный тремя орденами Красного Знамени, активный участник и герой гражданской войны. Был арестован в августе 1937 года.

В процессе следствия к Ковтюху применялись страшные пытки с целью вынудить его дать ложные показания о себе и в отношении других невинных советских граждан. Бывший сотрудник НКВД СССР Казакевич в 1955 г. по этому поводу сообщил:

«В 1937 или 1938 годах я лично видел в коридоре Лефортовской тюрьмы, как вели с допроса арестованного, избитого в такой степени, что его надзиратели не вели, а почти несли. Я спросил у кого-то из следователей: кто этот арестованный? Мне ответили, что это комкор Ковтюх, которого Серафимович описал в романе „Железный поток" под фамилией Кожух».

Однако Ковтюх мужественно перенес эти истязания, отрицал предъявленные ему обвинения и не дал ложных показаний. В то же время он написал письма на имя Сталина и Калинина, в которых заявил о своей полной невинности и просил освободить его от незаслуженных обвинений.

В письме на имя Калинина Ковтюх, в частности, писал:

«...Вот скоро 2 месяца, я с больным сердцем, желудком и крайне психически расстроен, нахожусь в одиночке Лефортовской тюрьмы. За что погибаю и зачем такая жестокая расправа со мной - не знаю... Мои боевые дела, как я дрался за советскую власть, Вам хорошо известны, о них знает весь народ нашей социалистической родины. Я командарм того славного похода, который правдиво описал в своем „Железном потоке" А. Серафимович. Я тот Кожух, который с 60-тысячной массой бойцов, беженцев, их жен и детей, полураздетыми, полуголодными, недостаточно вооруженными совершили пятисотверстный поход, перевалив через Кавказский хребет, и вывел эту армию из вражеского окружения. Я командовал той дивизией, которая ночной атакой освободила Сталинград от белых. Я командир красного десанта, который был послан в тыл белых почти на верную гибель, но не погиб, а блестяще выполнил свою задачу. Кроме того, я многими десятками боев руководил и поражений не имел. Эти славные боевые дела наш социалистический народ не забудет никогда...»

В судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 июня 1938 года Ковтюх отверг приписанные ему обвинения, однако, несмотря на это, он был приговорен к расстрелу и 29 июня 1938 года расстрелян. В настоящее время Ковтюх реабилитирован.

б) О личном участии Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича и Ежова в расправе над военными кадрами

Как отмечалось ранее, массовые аресты военнослужащих повсеместно сопровождались применением мер физического воздействия и истязаний с единственной целью - получение вымышленных показаний. Об этих порочных методах было известно Сталину, Ворошилову и Молотову из поступающих к ним писем, жалоб и заявлений. Однако никаких мер по предотвращению массового уничтожения кадров Красной Армии ими не принималось.

О массовых арестах, применении пыток, истязаний и физического воздействия к арестованным военнослужащим писал, например, в своем письме сотрудник Особого отдела НКВД по Забайкальскому военному округу Зиновьев.

В письме на имя зам. наркома внутренних дел СССР от 28 июня 1938 года он указывал:

«Примерно 7 месяцев тому назад у нас в аппарате Особого отдела ЗаБВО привита другая практика - теория, бить можно кого угодно и как угодно...

Большое количество арестованных по военно-троцкистскому заговору при допросах подвергалось избиению, посадке «на кол», приседанию, стойке в согнутом положении, головой под стол.

Я лично считал и считаю сейчас, что такие методы допроса неправильные, ибо они не только наши органы компрометируют, показывают нашу слабость и неумение разоблачить на следствии иначе врага, но и способствуют врагу нас провоцировать, давать ложные показания, клеветать на честных людей...

Настоящим письмом докладываю Вам, что избивали многих, трудно сказать сколько, скажу только, что из 168 человек, дела на которых уже Вам доложены, больше трети в той или иной степени подвергли избиению, в том числе и больших людей: Гребенник - бывший нач. ПУОКРА, Невраев - бывший зам. нач. ПУОКРА... и ряд других. Били по разным причинам: не дает показаний, отказывается от показаний, не хочет свои показания подтвердить на очной ставке».

Письмо Зиновьева, конечно, не повлияло на положение дел в органах НКВД, но автор этого письма в 1939 году сам был арестован и осужден к расстрелу.

О существовании произвола и беззакония сообщали безвинно арестованные военнослужащие Буенко, Баранов и Козловский, которым удалось через родственников направить в Политбюро ЦК ВКП(б) телеграмму:

«Москва, ЦК ВКП(б), Политбюро.

Избиениями, провокациями, тюремным режимом доведены до тяжелого состояния. Двум из нас второй год создают провокационные дела. Не видно конца. Каждый из нас знает много фактов о преступлениях некоторых работников НКВД, прокуратуры. До настоящего времени угрозами требуют признания в необоснованных обвинениях. Нет законной объективности. Защищаться не дают. Писать жалобы в правительственные органы запрещено. Пишем кровью на тряпке. Надзора прокуратуры нет. Просим вмешательства ЦК.

Мы бывшие члены ВКП(б) - Буенко, Баранов, Козловский.

г. Хабаровск. 27.IV.1939 года».

Как говорилось выше, на коронацию английского короля вместо Тухачевского ездил в Лондон заместитель наркома обороны, начальник Военно-Морских Сил СССР

флагман флота 1-го ранга Орлов Владимир Митрофанович. Вскоре после поездки в Англию он был арестован. На следствии Орлов подвергся избиениям и шантажу, о чем он написал в заявлении на имя Ежова от 17 июля 1937 г.:

«...Вчера, 16.VII, пом. начальника б[ыв] отд[еления] О[собого] о[тдела] ГУГВ НКВД Ушаков, приняв от меня все написанные мною показания, сказал мне, что следствие ими не удовлетворено и что я должен дополнительно признаться в своей шпионской террористической и диверсионной работе, а также о своем участии в заговоре с значительно более раннего срока, чем мною указано в написанных мною показаниях, я понял, что зашел в тупик... Я никогда не был причастен к заговору Тухачевского или каких-либо других лиц, никогда не вел шпионской, террористической, диверсионной и вредительской работы, никогда не был и не мог быть врагом народа. Я не ищу спасения от смерти. Но я не могу признаваться дальше в невероятных и небывалых своих преступлениях. Я умоляю Вас выслушать меня лично и вмешаться в ход моего дела. Я нахожусь на грани сумасшествия. Через короткий срок я стану, как стал Джимми Хигинс, неосмысленной собакой. Но это может быть только в капиталистической стране и не может быть у нас».

Член Военного совета Тихоокеанского флота корпусной комиссар Волков Я. В., арестованный в 1938 г., в объяснениях в КПК при ЦК КПСС от 30. XII. 1961 г. о преступных методах, применяемых тем же следователем Ушаковым (Ушамирским), писал:

«Что я могу сказать об З. Ушакове... Преступник, бандит, кретин, это слабые слова - просто изверг, выродок рода человеческого...»

Я на 2-м или 3-м допросе заявил З.Ушакову, что теперь, как никогда, я понял как фабрикуются враги народа и изменники родины... Просил поскорее меня расстрелять, чтобы не мучить меня и не терять время ему, а на провокацию не пойду, чего бы мне это ни стоило, на это мне Ушаков ответил, что не таких, как я, фашистская б..., раскалывали... что мне показали только подготовительный класс, в дальнейшем будет показана московская техника, и не родился еще тот, кто бы устоял против этой техники и не раскололся...

Первую неделю, а может быть, и больше, Ушаков лично с остервенением зверски избивал меня до потери сознания резиновой дубинкой... затем передавал меня в руки «молотобойцам», которые по его указанию в соседней комнате меня били всюду и везде».

Об обстановке во время следствия по делам военных, о творящемся беззаконии и произволе писал в своем заявлении от 26 июля 1939 года арестованный командующий Северным флотом, депутат Верховного Совета СССР Душенов К. И. Вот его письмо: «Председателю Совнаркома СССР Вячеславу Михайловичу Молотову. Заявление № 267.

...23 мая 1938 года меня арестовали в Ленинграде и после 22 часов применения ко мне жестоких физических методов воздействия я почти в бессознательном состоянии, в результате внутреннего кровоизлияния, написал под диктовку следствия ложное заявление, что я - заговорщик и вредитель.

Через 5 дней после тех же методов я подписал заранее написанный протокол, где указано более 30 человек командиров, якобы моих сообщников, которых после арестовали.

В течение года я три раза отказывался от ложных протоколов, но все три раза ко мне применяли физические методы воздействия, и я вновь подписывал ложь.

В мае 1939 года меня перевели в Москву, в Лефортово, и в день годовщины сидения в тюрьме меня еще раз подвергли физическому воздействию, и я, вспоминая, что написано в Ленинграде, продолжаю давать ложные показания.

В итоге меня 5 раз побили 9 человек...

Я не враг народа, не заговорщик, не вредитель и не террорист. Я бывший рабочий, старый матрос крейсера „Аврора“, секретарь судового комитета в Октябрьские дни, брал Зимний дворец...

Я всем сердцем Вас прошу, не можете ли сделать так, чтобы меня не били. Я смею Вас просить о том, чтобы вновь провели следствие без физических методов воздействия и дали бы мне какую-нибудь возможность доказать свою невиновность и преданность партии, советской власти и правительству. Мне сделать это очень легко, а если я что тогда сойду, то прошу меня расстрелять, но не бить.

Если вы не найдете возможным вмешаться в это дело, то прошу сделать так, чтобы хотя бы за это заявление меня не били. Я опасюсь, что следствие может рассмотреть его как провокацию.

Сейчас я в Мурманске, но меня скоро перевезут в Москву, в Лефортово. Если Вы не сочтете возможным вмешаться в мое дело, то я больше нигде отказываться не буду, так как не имею больше сил - и спокойно умру.

Арестованный К. Душенов. Бывший комфлота Севера и депутат Верховного Совета СССР».

Однако это 267-е заявление Душенова, направленное Молотову, было оставлено им без внимания, а сам Душенов, член КПСС с 1919 года, после почти двухлетнего со-

778

ПРИЛОЖЕНИЯ

держания в тюремном заключении, после серии пыток и издевательств в феврале 1940 года был осужден к расстрелу. В настоящее время он посмертно реабилитирован.

В апреле 1938 года из Бутырской тюрьмы к Ворошилову обратился член КПСС с 1917 года, командир корпуса Коханский. Он писал:

«За одиннадцать месяцев следствия я сидел во многих тюрьмах и видел около 350 арестованных...

Считаю своим партийным долгом доложить вам:

1) Следствия по существу нет. Допросы у многих следователей превращены в издевательство над сов[етской] властью и сов[етскими] законами. „Конвейеры“, т.е. многосуточные допросы без сна и еды, многодневные стоянки на ногах, гнусная ругань, жестокие избиения - вот обычные методы допросов...

3) Конвейеры, избиения, запугивания заставляют арестованных писать часто под диктовку следователей всякие романы - по существу клевету на себя и других. Бесспорно, что такие методы допросов: а) доказывают отсутствие у следователей конкретных данных против арестованных; б) создают бесконечное количество клеветников и провокаторов; в) значительно увеличивают массу арестованных; г) разрушают партийный советский, хозяйственный и военный аппараты СССР...

Всякая комиссия ЦК ВКП(б), безусловно, обнаружит и выявит значительно больше и более яркие факты, чем мною изложенные. Убежден, что разбор по существу обвинений, выдвигаемых против меня и мне подобных, поможет легко вернуть многих и многих к активной работе по строительству социализма в ряды борцов против фашизма».

В 1938 году Коханский был безвинно осужден к расстрелу, в настоящее время он реабилитирован.

В мае 1939 года на имя Ворошилова было направлено заявление осужденного комдива Туржанского, в котором он сообщал о фактах нарушения законности:

«Я осужден на 15 лет испр[авительно]-тр[удовых] работ в лагерь Колыму. Со всей ответственностью заявляю Вам, что никогда ни заговорщиком, ни шпионом не был. В чем был виновен, принес повинную партии в 1937 году, где чистосердечно рассказал о своих отношениях с Уборевичем, т. к. из уст вождя народов Сталина слышал, что кто повинится, тому все простится. Я этому беззаветно верил...

Будучи на свободе, я не представлял, что можно лгать на себя и на других, изображая чудовищные заговоры и преступления, и это могут делать люди, которых допрашивают в Лефортово по методам Ивана Грозного...

Прошу Вас, Климент Ефремович, вмешаться в это дело и не дать врагам торжествовать по поводу моей гибели».

В октябре 1939 года на имя Ворошилова написал заявление арестованный начальник политуправления Северо-Кавказского военного округа Кузин И. А., который сообщал о произволе и беззаконии, допускаемых по отношению к безвинно арестованным:

«11 января 1938 года я был арестован органами НКВД и вот уже 21 месяц сижу в тюрьме, не знаю за что. Мне предъявили жуткие обвинения - участие в антисоветском] военном заговоре. В силу создавшихся обстоятельств, а отчасти в результате малодушия я вынужден был дать ложные показания, но потом в процессе следствия я отказался от них...

Мне, товарищ народный комиссар, пришлось пережить на протяжении моего следствия трудную и неслыханную картину издевательств и надругательств надо мною. Например:

1. После ареста меня бросили в подвал, камера № 62, которая затоплялась водой, в день по 10-15 ведер мы отливали воды... В этой камере я находился 10 дней.
2. Для устрашения и с целью вынудить дать ложные показания меня бросили в одиночную камеру к полумертвому Плавнеку (Вашему другу и соратнику по гражданской войне, тов. народный комиссар), которого организовано и систематически избивали в течение 4 дней. В этой камере я просидел с Плавнеком 5,5 месяца.
3. Мне после отказа писать о терроре было устроено нечто вроде демонстрации расстрела...
4. Мне в течение месяца не давали спать, все время держали на допросе и по существу оставляли без еды. Всего пережитого ужаса и кошмара не опишешь».

В октябре 1939 года на имя Ворошилова поступило заявление от арестованного командира дивизии комбрига Дзенина Я.П., в котором он писал:

«Я никакого преступления перед партией и сов[етской] властью не совершал. Я арестован по ложным материалам, и после ареста отдельные преступники, пробравшиеся в органы НКВД, чинят надо мною ложное обвинение: ужасными избиениями, пытками и моральными истязаниями заставили переписать и подписать ложные вымышленные и сфабрикованные следствием обвинительные материалы; ложные показания на меня других лиц не дают опровергнуть очными ставками и документами, одним словом - подлогами, фальсификацией, жульничеством и мошенничеством чинят ложные обвинения, обманывая партию, органы советской] власти и Вас о том, что якобы я враг народа».

Примером грубейшего нарушения законности может служить факт расправы над членом Военного совета Ленинградского округа, членом ВКП(б) с 1915 года, комкором Матером М.П., арестованным в сентябре 1938 года по обвинению в принадлежности к так называемому военно-фашистскому заговору.

Военная коллегия Верховного суда СССР в судебном заседании установила несостоятельность обвинения и возвратила дело Магера на доследование. Главной военной прокуратурой в ходе доследования было выяснено, что Магер арестован необоснованно, ряд лиц, дававших о нем в 1937-1938 годах показания, отказались от этих показаний, как от ложных. В феврале 1940 года дело в отношении Магера Главным военным прокурором т. Гавриловым было прекращено, Магер из-под стражи освобожден и восстановлен в партии.

Как сообщил в 1962 году т. Гаврилов, после освобождения Магера из-под ареста его, Гаврилова, сначала разыскивал Берия, а затем в тот же день ему позвонил Сталин и

потребовал объяснения, почему он освободил Магера. Гаврилов доложил Сталину, что Магер невиновен, дело в отношении него сфальсифицировано и создано в результате применения к нему незаконных мер воздействия.

Гаврилов далее сообщает:

«После этого Сталин стал мне говорить, что при царе лиц, политически подозрительных, ссылали в Сибирь. Это Сталин мне повторил несколько раз. Я Сталину сказал, что ссылать Магера в Сибирь нет оснований, за ним никакой вины нет. Видя, что Сталин не верит мне... я попросил разрешения доложить дело лично ему - Сталину.

На это Сталин мне сразу ничего не ответил, и я услышал по телефону, как он что-то говорил с Берия по-грузински. Затем мне Сталин сказал, что дело ему докладывать не надо, но чтобы я учел его замечания. Кроме того, Сталин сказал мне, что надо было согласовать с Центральным Комитетом партии освобождение Магера из-под стражи». В марте 1941 года Магер был арестован. Постановление о его аресте было подготовлено Управлением Наркомата обороны СССР и утверждено наркомом обороны Тимошенко. Магер вновь обвинялся в принадлежности к военному заговору. К делу были приобщены копии протоколов допросов лиц, арестованных в 1937-1938 годах, в том числе и тех, которые от своих показаний отказались.

Виновным Магер себя не признал, и, находясь под следствием, он обратился 15 мая 1941 года с заявлением к Сталину, в котором сообщал о своей невинности и просил объективного разбирательства по его делу. 6 июня 1941 г. это заявление было направлено в ЦК ВКП(б) на имя Поскребышева. Несмотря на это, Военная коллегия Верховного суда СССР 20 июля 1941 года по заведомо ложным материалам осудила Магера к расстрелу. В 1955 г. он полностью реабилитирован.

Наряду с применением мер физического воздействия к арестованным военнослужащим, в целях получения ложных показаний, применялись шантаж, провокации и прямой обман.

На допросах следователи, а в камере внутрикамерная агентура внушали арестованным, что вымышленные показания о существовании антисоветских организаций и их связи с иностранной разведкой нужны в интересах партии и государства для разоблачения происков империализма. Об этих порочных методах допросов говорится даже в акте передачи дел НКВД СССР, подписанном 29 января 1939 г. Ежовым, Берия, Андреевым и Маленковым в разделе «Об извращениях органами НКВД СССР карательной политики советской власти».

«В ряде случаев протоколы фабриковались, составлялись фиктивные показания и давались на подпись арестованным. В погоне за большим количеством „признаний“ прибегали к обману арестованных, заявляя им, что показания условны и их нужно подписать для того, чтобы помочь партии и правительству в осуществлении решения о закрытии иностранных консульств и в деле компрометации сотрудников этих консульств».

Наиболее характерным примером этого провокационного метода следствия может служить дело члена ВКП(б) с 1917 года, активного участника Октябрьской революции и штурма Зимнего дворца, начальника автобронетанковых войск ОКДВА комдива Деревцова С. И., который был арестован в мае 1937 года и обвинялся в принадлежности к военному заговору. На следствии Деревцов виновным себя признал и назвал ряд других военачальников в числе участников этого заговора. Впоследствии он отказался от этих показаний, а в заявлении на имя Сталина и Ворошилова 25 июня 1937 года указал причины ложных показаний:

«После длительных разговоров, продолжавшихся до 2 суток и имевших целью склонить меня к подписанию умышленно ложного протокола допроса, т. Арнольдов

(сотрудник НКВД СССР. - Прим. наше) сказал мне, что я, являясь условно арестованным, по заданию ЦК партии и членов Политбюро т. Ворошилова и Ежова должен помочь приехавшей из Москвы комиссии вскрыть троцкистов в ОКДВА и, в частности, вскрыть троцкистскую деятельность бывшего командующего] войсками Приморской] группы Путна. Причем это я должен делать не как свидетель, а как обвиняемый-член троцкистской организации, будучи завербованным Путной.

При этом т. Арнольдов мне сказал, что подобного же рода задания от ЦК партии получили комкор Калмыков для действий против Сангурского, комдив Пашковский для действий против Кругова... комкор Лапин против Тухачевского, Уборевича, Якира, Корка и Эйдемана.

...Он объяснил мне, что это задание ЦК выполняется мною таким же порядком, как и отправка коммунистов под видом фашистов для работы внутри фашистских организаций за рубежом... После этого я поверил словам Арнольдова и заявил, что он может сообщить Ежову, что я готов к выполнению заданий ЦК. В период 18-20 мая Арнольдов предложил мне подписать умышленно-ложный протокол допроса, где я должен был назвать себя врагом народа, не будучи им, назвать себя членом троцкистской организации - не состоя фактически в ней...

...Впоследствии я понял, в какую тесную ловушку затащил меня Арнольдов. Я понял, какую тяжелую вину, вернее, преступление я совершил перед партией, перед Красной Армией и целым рядом командиров, будучи затащенным на путь лжи и обмана своим следователем».

Несмотря на то, что в судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР Деревцов виновным себя не признал, по приговору от 25 марта 1938 года он был осужден к расстрелу. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 13 июня 1957 года он полностью реабилитирован.

Упомянутый в приведенном выше заявлении Деревцова комкор Лапин А. Я. (командующий ВВС ОКДВА, член ВКП(б) с 1917 года), будучи арестован в мае 1937 года, в результате истязаний вынужден был дать ложные показания в отношении Тухачевского, Гамарника, Путна и Примакова, ныне маршалов - Мерецкова, Ротмистрова и других. 21 сентября 1937 года, находясь в тюрьме г. Хабаровска, он покончил жизнь самоубийством. По свидетельству бывшего сотрудника УНКВД по ДВК Крумина, Лапин оставил предсмертную надпись, в которой сообщал, что его сильно били, и поэтому он дал ложные показания. В 1956 году он реабилитирован.

Установлено, что Сталин не только давал указания об аресте безвинных советских людей, но вместе с членами ЦК партии Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым и Ежовым без каких-либо оснований решал вопрос о расстреле большого количества честных советских граждан, в том числе и видных военных деятелей, по спискам, представленным Ежовым.

В ноябре 1937 года НКВД СССР представил Сталину список под заголовком «Москва-центр» на 292 человека с предложением об их расстреле. Список состоял из видных деятелей Красной Армии, имевших большие заслуги перед партией и государством.

Этим списком были обречены на гибель заместитель наркома обороны СССР и начальник Военно-Морских сил Орлов В.М., заместитель начальника Генерального штаба РККА Левичев В.Н., начальник Управления боевой подготовки РККА Каширин Н. Д., начальник Санитарного управления РККА Баранов М. И., начальник Военно-морской академии Лудри И.М., начальник Военно-политической академии Иппо Б. М., командующий Харьковским военным округом Дубовой И. Н., пом. начальника Главного разведывательного управления Абрамов-Миров А. Л., зам. наркома оборонной промышленности Муклевич Р. А. и целый ряд других видных военных работников.

В июле 1938 года Ежов направил Сталину список на 139 человек, а в сопроводительной записке, исполненной карандашом на клочке бумаги, писал: «С[ов]. секретно, тов. Сталину. Посылаю список арестованных, подлежащих суду Военной коллегии по первой категории. Ежов. 26.VII.1938 г.».

На списке имеется резолюция: «За расстрел всех 138 человек. И. Ст[алин], В. Молотов».

Первоначальная цифра 139 переправлена на 138 человек, из списка был вычеркнут маршал Советского Союза Егоров, который был расстрелян позже.

Дела в отношении поименованных в этом списке лиц были в течение 2 дней — 28 и 29 июля 1938 года формально рассмотрены Военной коллегией Верховного суда СССР, и все они были расстреляны.

Среди уничтоженных на основании этого списка находились - кандидат в члены ЦК ВКП(б), начальник Управления по комначсоставу Наркомата обороны СССР Булин А. С., начальник ВВС РККА Алкснис Я. И., начальник Военно-Морских сил РККА Викторов М. В., начальник Главного управления погранвойск Кручинкин Н. К., начальник Разведывательного управления РККА Берзин Я. К., начальник Управления ПВО страны Седякин А. И., начальник Академии Генштаба РККА Кучинский Д. А., начальник штаба ВВС РККА Лавров В. К., командующий авиацией Особого назначения Хрипин В. В., командующие войсками военных округов: Белорусским - Белов И.П., Ленинградским - Дыбенко П. Е., Уральским - Гайлит Я. П., Северо-Кавказским - Грибов С. Е., Среднеазиатским - Грязнов И. К., Закавказским - Куйбышев Н. В., Забайкальским - Великанов М. Д., командующий Тихоокеанским флотом Киреев Е.П., начальник ВВС Особой Дальневосточной армии Ингаунис Ф. А., командующий Амурской военной флотилией Кадацкий-Руднев И.Н., командующий Приморской группой войск ОКДВА Левандовский М.К., командир 5-го авиакорпуса Коханский В.С., командир 4-го казачьего корпуса Косоков И. Д., командир 3-го кавалерийского корпуса Сердич Д. Ф., член Военного совета Северного военного флота Байрачный П. П., член Военного совета Среднеазиатского военного округа Баузер Ф. Д., член Военного совета авиации Особого назначения Гринберг И. М., член Военного совета Харьковского военного округа Озолин К. И., член Военного совета Тихоокеанского флота Окунев Г. С.

В список включены, кроме того, народные комиссары, заместители наркомов, ответственные работники центральных учреждений, директора заводов оборонной промышленности, заместители командующих военными округами и другие военные работники.

В настоящее время все эти лица реабилитированы.

В августе 1938 года Ежов направил Сталину списки, а в сопроводительном письме писал:

«Посылаю на утверждение четыре списка лиц, подлежащих суду Военной коллегии;

1. Список № 1 (общий).
2. -" № 2 (быв. военные работники).
3. -" № 3 (быв. работники НКВД).
4. -" № 4 (жены врагов народа).

Прошу санкции осудить всех по первой категории.

Ежов. 20.VIII.38 г.».

Сталиным и Молотовым все эти списки утверждены, в результате чего было расстреляно 207 командиров и политработников Красной Армии, в том числе: 109 ответственных работников Наркомата обороны, военных атташе, начальствующего и преподавательского состава военных академий, командного и политического состава военных округов, флотов, корпусов, дивизий, бригад и полков (Архив ЦК КПСС).

Вместе с тем Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым утверждались

списки о расстрелах по военным округам. Только по Киевскому, Харьковскому и Забайкальскому военным округам таким образом было уничтожено 1230 человек.

Безжалостная расправа постигла и членов семей безвинно осужденных военных деятелей. По прямому указанию Сталина, как об этом можно судить по записным книжкам Ежова, в 1937-1938 гг. были осуждены и находились длительное время в тюрьмах, лагерях и ссылках жены, дети, родители, сестры, братья и другие родственники репрессированных военных работников.

В июле 1941 г. по новым сфальсифицированным материалам находившиеся в течение трех лет в заключении жены видных военных руководителей - Тухачевская-Аронштам Н. Е., Авербух-Гамарник Б. С. и Уборевич Н. В. были расстреляны.

В 1937-1939 гг. были незаконно арестованы, а вслед за тем и безвинно расстреляны многие видные партийные и государственные деятели, имевшие большие заслуги в создании Красной Армии и в разгроме интервентов и белогвардейцев в годы гражданской войны. Среди них: Бубнов А.С, Косиор СВ., Постышев П.П., Чубарь В.Я., Акулов И. А., Антипов Н.К., Антонов-Овсеенко В. А., Вегер Е.И., Жлоба Д. П., Затонский В.П., Крыленко Н.В., Каминский Г.Н, Кедров М. С, Криницкий А.И., Корытный С.З., Квириг Э.И., Лебедь Д.З., Любимов И.Е., Межлаук В. И., Невский В. И., Прамнэк Н.И., Полуян Я. В., Разумов М.О., Румянцев И. П., Рухимович М.Л., Рындин К. В., Сулимов Д. Е., Серебровский А. П., Уншлихт И. С, Филатов Н. А., Хатаевич М.М., Шеболдаев Б. П., Юренев К. К.

По спискам и другими подобными преступными способами в 1937-1939 годах необоснованным репрессиям подверглось также большое количество работников советской военной разведки.

Так, 10 ноября 1937 года НКВД СССР издал и направил в адрес начальников особых отделов военных округов, флотов и флотилий и в периферийные органы НКВД директиву № 286498, предлагавшую немедленно реализовать агентурные, архивные и следственные материалы, которые имелись в отношении работников военной разведки, взять на учет и в активную разработку всех бывших работников разведорганов. В этот период были арестованы, а затем расстреляны работавшие последовательно начальниками Главного разведывательного управления РККА Берзин, Урицкий, Александровский, арестам подверглись начальники управлений и отделов, руководители зарубежных резидентур, многие преданные партии и советскому государству военные разведчики, выполнявшие сложную и опасную службу за рубежом. Это привело к разгрому кадров военной разведки, нанесло большой ущерб делу получения разведывательной информации о вооруженных силах противника и явилось одной из причин тяжелых последствий в период советско-финской кампании и начального периода Великой Отечественной войны.

Репрессиям было подвергнуто значительное число военных ученых, а также работников оборонной промышленности, которых ложно обвинили во вредительстве и в преступных связях с военными «заговорщиками».

Наряду с созданием фиктивных обвинений в военном заговоре, в НКВД были сфабрикованы в 1937-1938 гг. уголовные дела на многих видных военных работников по обвинению их в участии в военно-эсеровской организации, а также в различных националистических и монархических антисоветских группах, якобы связанных с военными заговорщиками.

9 февраля 1938 г. Ежов представил Сталину докладную записку, в которой доложил о выполнении его указаний «о разгроме эсеровской организации». В этом документе Ежов, касаясь, в частности, бывших эсеров, служивших в Красной Армии, писал:

«Во исполнение Ваших указаний от 7.01.1938 года сообщаю: ...на оперативном учете НКВД СССР к моменту Вашего указания состояло 5388 человек эсеров, в том числе 1014 состоящих в рядах ВКП(б) и 244 человека военнослужащих... в настоящее время

по моим приказам арестовано 2000 человек. В результате проведенных за последнее время арестов вскрыт и ликвидирован ряд эсеровских организаций... Одновременно следствием вскрыта также разветвленная антисоветская военно-эсеровская организация, осуществлявшая свою подрывную деятельность в рядах РККА. Наряду с руководящим центром, сформировавшимся в составе старых эсеров: Белова, Фишмана, Грязнова, Белицкого, Чернецкого, Великанова, Ефимова и др., военно-эсеровская организация имела свои филиалы в ряде военных округов...»

Как показала сейчас проверка, в Красной Армии и на флоте такой антисоветской эсеровской организации в тридцатых годах вообще не существовало. В состав руководящего центра фиктивной «военно-эсеровской организации» были, например, включены члены ВКП(б) командарм 2-го ранга Великанов, комкоры Грязнов и Эйдеман, которые никогда ни в каких партиях, кроме ВКП(б), не состояли.

Маршалы Советского Союза Егоров и Кулик, командармы Белов, Левандовский и комкор Ефимов, хотя непродолжительное время и состояли в партии эсеров, но, выйдя из нее еще до революции и в годы гражданской войны, вступили в ВКП(б) и никаких связей с эсерами не поддерживали. Комдив Белицкий, вынужденно дававший показания о составе военного «центра» эсеров, погиб на следствии в марте 1939 г. < >

В настоящее время эти и многие другие военнослужащие, осужденные как «участники» военно-эсеровской организации, полностью реабилитированы.

Отрицательное отношение Сталина к военным специалистам старой армии и огульное политическое недоверие к ним привело в 1921-1938 гг. к тому, что значительное количество этих «военспецов», еще продолжавших к этому времени служить в Красной Армии, были незаконно репрессированы. Только в числе 449 реабилитированных военнослужащих Советской Армии, имевших воинские звания комдива, генерал-майора и выше, более 130 человек приходится на лиц, служивших офицерами в старой царской армии. Все они, за редким исключением, являлись участниками гражданской войны, имели правительственные награды и состояли в рядах ВКП(б). К ним относятся: Тухачевский, Егоров, Кулик, Уборевич, Великанов, Вацетис, Гордов, Дубовой, Корк, Кожанов, Каширин, Левандовский, Седякин, Алафузо, Брянских, Восканов, Василенко, Гарькавый, Грибов, Грязнов, Гайлит, Ефимов, Ковтюх, Косоков, Кучинский, Левичев, Лонгва, Меженинов, Петин, Пугачев, Сангурский, Смолин, Угрюмов, Чайковский, Шорин и другие.

В результате необоснованных массовых репрессий командного состава Красной Армии была в значительной мере подорвана вера в командира, резко снизился авторитет военачальника. Среди личного состава армии усилились подозрительность, взаимное недоверие, направленные на дискредитацию командного и политического состава Красной Армии, что влекло за собой ослабление требовательности к подчиненным, расшатывало дисциплину в армии.

Ввиду того, что создавшееся положение отрицательно могло сказаться на обороноспособности страны, военные работники Алилуев, Савченко, Кулик и Павлов направили в августе 1938 года письмо на имя Сталина и Ворошилова, в котором высказывали свое отрицательное отношение к массовым арестам среди военнослужащих и указывали на те пагубные последствия, которые влекут за собой необоснованные репрессии. Однако на это письмо никто не среагировал.

Необходимо заметить, что позже Савченко, Павлов и Кулик оказались сами в числе незаконно репрессированных.

Система методов нарушения законности, провокаций по отношению к арестованным с целью получения от них ложных показаний и уничтожения преданных партии и советскому государству людей особенно ярко описана в заявлении арестованного зам. наркома внутренних дел СССР Фриновского, который в марте 1939 года писал:

«Следственный аппарат во всех отделах НКВД был разделен на „следователей-

колольщиков", „колольщиков" и „рядовых следователей". Что собой представляли эти группы и кто они?

„Следователи-колольщики" были подобраны в основном из заговорщиков или скомпрометированных лиц, бесконтрольно применяли избиение арестованных, в кратчайший срок добивались „показаний" и умели грамотно, красочно составлять протоколы.

К такой категории людей относились: Николаев, Агас, Ушаков, Листенгурт, Евгенийев, Жупахин, Минаев, Давыдов, Альтман, Гейман, Литвин, Леплевский, Карелин, Керзон, Ямницкий и другие...

„Корректировку" и „редактирование" протоколов в большинстве случаев Ежов производил, не видя в глаза арестованных, а если и видел, то при мимолетных обходах камер или следственных кабинетов. При таких методах следствия подсказывались фамилии. По-моему, скажу правду, если, обобщая, заявлю, что очень часто показания давали следователи, а не подследственные. Знало ли об этом руководство наркомата, т. е. я и Ежов? Знали. Как реагировали? Честно - никак, а Ежов даже это поощрял. Никто не разбирался, к кому применяется физическое воздействие».

По сообщению Фриновского, арестованные перед направлением их дел в суд подвергались уговорам подтвердить в суде свои показания. Ежов, например, обещал многим арестованным в случае подтверждения своих показаний в суде сохранить им жизнь. Однако это обещание являлось очередной провокацией, так как в судах обычно лица, признавшие себя виновными, безо всякого разбирательства осуждались к расстрелу, и приговор немедленно приводился в исполнение.

Заявление Фриновского от 11 марта 1939 года с изложением фактов вопиющего беззакония, имевших место в НКВД, было тогда же доложено Сталину. На нем имеются отдельные пометки Сталина, однако никаких мер по прекращению творящихся преступлений принято не было, аресты военных не прекращались, а имели место еще длительный период. Вот некоторые факты.

7 июня 1941 года с согласия Буденного (резолюция на постановлении об аресте) был арестован начальник Управления противовоздушной обороны, Герой Советского Союза, генерал-полковник Штерн Г.М. - член ВКП(б) с 1919 года, член ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР.

Во время нахождения под стражей Штерн подвергался нечеловеческим пыткам и истязаниям, однако он ложных показаний, которых от него добивались Берия и его ставленники, не дал. Правда, на допросе 27 июня 1941 года Штерн, не выдержав пыток, показал, что с 1931 года являлся участником военно-заговорщической организации и агентом немецкой разведки, однако в конце протокола допроса, куда были занесены эти показания, собственноручно дописал:

«Все вышеизложенное я действительно показывал на допросе, но все это не соответствует действительности и мною надумано, т. к. никогда в действительности врагом, шпионом и заговорщиком я не был».

8 июне 1941 года был арестован командующий войсками Прибалтийского военного округа генерал-полковник Локтионов А. Д. - член ВКП(б) с 1921 года, кандидат в члены ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР. В ходе следствия к Локтионову применялись мучительные пытки. В заявлении от 16 июня 1941 года Локтионов писал:

«...Я подвергаюсь огромным физическим и моральным испытаниям. От нарисованной перспективы следствия у меня стынет кровь в жилах. Умереть, зная, что ты не был врагом, меня приводит в отчаяние... Я пишу последние слова — крик моей души; дайте умереть честной смертью в труде за интересы моей Родины — Советского Союза. Умоляю свое правительство — спасите жизнь. Я не виновен в измене Родине.

Бывший ген[ерал]-полковник Локтионов».

Тогда же в июне 1941 года были арестованы: зам. начальника Главного артиллерийского управления Красной Армии генерал-майор Савченко Г. К. - член ВКП(б) с 1925 года, кандидат в члены ЦК ВКП(б); зам. наркома обороны и начальник Разведывательного управления Герой Советского Союза генерал-лейтенант Проскуров И. И. — член ВКП(б) с 1927 года, депутат Верховного Совета СССР; начальник Военно-Воздушных Сил Красной Армии дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Смушкевич Я. В. - член ВКП(б) с 1918 года, депутат Верховного Совета СССР; зам. начальника Артиллерийского управления генерал-майор Каюков М. М. — член ВКП(б) с 1918 года; начальник Военной академии ВВС Красной Армии генерал-лейтенант авиации Арженухин Ф. К., член ВКП(б) с 1920 года; начальник Главного управления ВВС РККА Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации Рычагов П. В. - член ВКП(б).

Все эти лица по сфабрикованным материалам ложно обвинялись в принадлежности к военному заговору и проведении антисоветской террористической деятельности. В период содержания их под стражей Берия и его сподручные применяли к ним пытки и издевательства. Уже во время войны все они были вывезены в г. Куйбышев и 28 октября 1941 г. по преступному предписанию Берия без суда расстреляны. Впоследствии соучастниками Берия по преступлению Кобуловым и Влодзимирским и бывшим прокурором Союза ССР Бочковым были составлены заключения, в которых Штерн, Савченко и другие расстрелянные ложно обвинялись в различных преступлениях.

Во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период были необоснованно арестованы по обвинению в государственных преступлениях - антисоветской агитации и измене Родине 35 генералов Советской Армии. Следствие по их делам велось с грубейшими нарушениями законности.

Например, начальник штаба 27-й армии генерал-майор Романов, преподаватель Академии ВВС Советской Армии генерал-майор Туржанский, заместитель начальника штаба Западного фронта генерал-лейтенант Голушкевич, начальник штаба Северо-Кавказского фронта генерал-лейтенант Ласкин, заместитель командующего ВВС Советской Армии маршал авиации Ворожейкин и другие содержались под стражей без суда и следствия в течение 4-8 лет.

В 1952 году по решению Бюро Президиума Совета Министров СССР указанные 35 генералов Военной коллегией Верховного суда СССР были осуждены к длительным срокам лишения свободы. В настоящее время они реабилитированы.

Многие тысячи солдат и офицеров, оказавшиеся в плену, были затем огульно обвинены в предательстве и незаконно репрессированы. Из числа руководящих кадров командного состава Красной Армии, незаконно репрессированных в период с 1937 г., ныне полностью реабилитированы:

4 маршала Советского Союза (Егоров А.И., Блюхер В.К., Тухачевский М.Н. и Кулик Г.И.); маршалы авиации (Худяков С.А. и Ворожейкин Г.А.); генерал армии (Павлов Д.Г.), 4 командарма 1-го ранга (Федько И.Ф., Якир И.Э., Уборевич И.П. и Белов П.П.); 1 армейский комиссар 1-го ранга (Смирнов П.А.); 2 флагмана флота 1-го ранга (Орлов В.М. и Викторов М.В.); 3 генерал-полковника (Гордов В.Н., Штерн Г.М. и Локтионов А.Д.); 10 командармов 2-го ранга, 14 армейских комиссаров 2-го ранга, 2 флагмана флота 2-го ранга, 20 генерал-лейтенантов, вице-адмирал, 59 комкоров, 22 корпусных комиссара, 73 генерал-майора, 2 контр-адмирала, 125 комдивов, 73 дивизионных комиссара, 6 флагманов 1-го ранга, 3 флагмана 2-го ранга и 216 комбригов.

По сфабрикованным материалам обвинения в предвоенный период были арестованы известные военачальники — Рокоссовский, Мерецков, Горбатов, Ворожейкин и другие. Они также обвинялись в принадлежности к антисоветскому военному

заговору и длительное время содержались под стражей. Впоследствии, будучи освобожденными из заключения, они принимали активное участие в Великой Отечественной войне и боевыми подвигами доказали свою преданность советской Родине, партии и народу.

Творившиеся беззакония привели к тому, что от арестованных военных работников были получены многочисленные ложные показания, опорочивающие многие тысячи советских военнослужащих. Такие показания были получены, например, на известных деятелей Советской Армии Буденного, Конева, Захарова, Тимошенко, Чуйкова, Ротмистрова, Ватутина, Кирпоноса, Апанасенко, Ремизова, Юшкевича и других.

Заключение

Изучение материалов о так называемом военно-фашистском заговоре показывает, что в Красной Армии никакого заговора, направленного против советской власти, не было. Репрессии в отношении советских военных кадров - это результат грубейших нарушений социалистической законности, произвола и преступных методов следствия, укоренившихся в условиях культа личности Сталина и при непосредственном участии в этих репрессиях Сталина, Молотова, Ворошилова, Ежова, Кагановича, Берия, Маленкова и Абакумова.

Сфабрикованные дела и судебный процесс над видными советскими полководцами Тухачевским, Якиром, Уборевичем, Корком и другими положили начало массовым репрессиям против преданных Родине и делу партии, хорошо подготовленных командно-политических кадров Советской Армии и Военно-Морского Флота. Военные кадры, ставшие по вине Сталина жертвами массовых репрессий, являлись в подавляющем большинстве высококвалифицированными военными специалистами, выдвинутыми нашей партией из представителей рабочего класса и крестьянства. В результате этих репрессий также погибли крупнейшие военные деятели, герои гражданской войны: Блюхер, Егоров, Гамарник, Дыбенко, Белов, Федько, Алкснис, Каширин, Ков-тюх, Орлов, Муклевич и многие другие. Из 657 человек высшего состава, реабилитированных к апрелю 1963 года, 553 человека (или 84%) состояли в ВКП(б), в числе них 33 человека (или 6%) вступивших в партию до 1917 года, 345 человек (65%) - в 1917 - 1919 годах и 147 человек (29%) в 1920 году и позже. Изучение материалов, относящихся к «делу» Тухачевского и других, позволяет также сделать следующие выводы:

1. Массовые репрессии в отношении партийных и советских кадров явились прямым следствием культа личности Сталина. Репрессии в отношении военнослужащих представляют собой составную часть массовых репрессий в стране.

2. В период гражданской войны между Сталиным и Тухачевским на почве неправильного поведения Сталина возникли неприязненные взаимоотношения. В послевоенный период в статьях и выступлениях Тухачевский исторически правдиво характеризовал роль Сталина в гражданской войне, что являлось препятствием на пути к возвеличиванию роли Сталина, к созданию его культа личности.

Имевшие значительные заслуги перед государством талантливые военные руководители Тухачевский, Якир, Уборевич не были сторонниками непомерного возвеличивания имени Сталина и таким образом являлись негодными для него лицами. В результате использования органами ОГПУ - НКВД имени Тухачевского в дезинформационной деятельности против иностранных разведок за рубежом появились различного рода слухи о нелояльном отношении Тухачевского к Советской власти. Эти слухи проникали в СССР и играли определенную роль в дискредитации Тухачевского.

Наряду с этим провокационная деятельность политических кругов отдельных буржуазных государств и их разведок в направлении компрометации Тухачевского, искусственная компрометация его органами НКВД создавали для Сталина благоприятные условия и представляли возможность использовать их в целях расправы над Тухачевским и другими военными деятелями.

Расправа над армейскими кадрами причинила огромный ущерб военной мощи и обороноспособности Советского государства и крайне отрицательно сказалась на боевых действиях наших войск в советско-финляндской войне и Великой Отечественной войне.

Председатель комиссии Н. Шверник

Члены комиссии А. Шелепни, З. Сердюк, Н. Миронов, Р. Руденко, В. Семичастный

Опубликовано: Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 4-113; Военно-исторический архив. 1998. Вып. 2. С. 3-81.